

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 1

2020

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайский государственный педагогический университет
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. (Барнаул, председатель), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К.Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хофман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Е.А. Худенко (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), П.В. Алексеев, М.П. Гребнева, В.Н. Карпухина, И.Ю. Колесов, Г.В. Кукуева, А.И. Куляпин, Е.В. Лукашевич, В.Д. Мансурова, С.А. Осокина, Ю.В. Трубникова, А.Т. Тыбыкова, М.Г. Шкуропацкая.

Секретариат

С.В. Доронина, Е.И. Клинк, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66;
Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций,
филологии и политологии, оф. 407.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: soveto1@filo.asu.ru

Адрес на сайте АлтГУ: http://www.fmc.asu.ru/philol_journal/

Адрес в системе РИНЦ: http://library.ru/title_about.asp?id=25826

Адрес в Open Journal System: <http://journal.asu.ru/pm/index>

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Е.Н. Арефьева. Динамический аспект картины мира тверского купца Михаила Тюльпина (на материале «Летописи о событиях в Твери 1762–1823 гг.»).....	7
Сюе Чэнь. Энтропия как экзистенциальная проблема в «Солнце мертвых» И.С. Шмелева	18
М.В. Боброва. Репродуктивные средства образования современных пермских прозвищ.....	27
Г.В. Кукуева. Роль смешанных форм чужой речи в романе Е. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах».....	41
Л.И. Миляева, Ю.А. Черноусова. Некоторые языковые особенности современного англоязычного делового дискурса (на материале заголовков подкастов Уортонской школы бизнеса).....	53

Научные сообщения

С.Н. Барашкова, Ф.Ф. Желобцов, С.Ф. Желобцова. Функционирование исторического кода в поэтике романов писателей-лауреатов Нобелевской премии	63
М.П. Гребнева. Тема жизни и смерти в рассказах А.Е. Новоселова.....	71
Н.А. Хуббитдинова. Образ «яблоко» в фольклорном сознании (на материале башкирского народного творчества)	79
Цзян Нань. Слова <i>город</i> и <i>городской</i> в русской фразеологии.....	84
А.С. Новикова. Восклицательные предложения в ранненововерхненемецком языке.....	92

Филология: люди, факты, события

Т.В. Чернышова. 90-летию со дня рождения Иды Александровны Воробьевой, доктора филологических наук, профессора, первого заведующего кафедрой русского языка и литературы филологического факультета Алтайского государственного университета посвящается 100

Проблемы филологического образования

А.М. Абрамова. Обучение латинскому языку в юридическом вузе через призму профессиональной компетенции (из опыта работы над составлением рабочей программы)..... 105

Т.В. Иванова, О.В. Никитина. Проблемы профилизации преподавания языковых дисциплин в юридическом вузе..... 117

Резюме..... 127

Наши авторы 140

CONTENTS

Articles

E.N. Arefeva. Dynamic Aspect of Tver Merchant Mikhail Tyulpin's Picture of the World (Based on <i>The Chronicle of Events in Tver of 1762-1823</i>).....	7
Xue Chen. Entropy as an Existential Problem in <i>The Sun of the Dead</i> by I.S. Shmelev	18
M.V. Bobrova. Reproductive Means of Modern Perm Nicknames Creation	27
G.V. Kukueva. The Role of Mixed Forms of Non-Author's Speech in the Novel by E. Aypin <i>The Mother of God in Bloody Snow</i>	41
L.I. Milyaeva, Yu.A. Chernousova. Some Language Peculiarities of Modern Business English Discourse (Based on the Headings of Wharton Business School Podcasts)	53

Scientific reports

S.N. Barashkova, F.F. Zhelobtsov, S.F. Zhelobtsova. Functioning of the Historical Code in the Poetics of Novels by Nobel Prize-Winning Writers.....	63
M.P. Grebneva. The Theme of Life and Death in Short Stories by A.E. Novoselov	71
N.A. Khubbitdinova. The Concept of «Apple» in Folklore Consciousness (a Case Study of Bashkir Folk Art).....	79
Jiang Nan. The Words <i>Gorod</i> and <i>Gorodskoi</i> in Russian Phraseology	84
A.S. Novikova. Exclamatory Sentences in the Early New High German	92

Philology: people, facts, events

T.V. Chernyshova. In Tribute of the 90th Anniversary of Birth of Ida Aleksandrovna Vorobyova, Doctor of Philology, Professor, the First	
--	--

Chairperson of Chair of Russian and Literature at Department of Philology at
Altai State University 100

Problems of philological education

A.M. Abramova. Teaching Latin at Law Schools
from the Perspective of Professional Competence
(From the Experience of working on a Course Syllabus) 105

T.V. Ivanova, O.V. Nikitina. Problems of Profilization
of Teaching Language Disciplines at Law Schools 117

Summary 127

Our authors 140

СТАТЬИ

ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАРТИНЫ МИРА ТВЕРСКОГО КУПЦА МИХАИЛА ТЮЛЬПИНА (НА МАТЕРИАЛЕ «ЛЕТОПИСИ О СОБЫТИЯХ В ТВЕРИ 1762-1823 гг.»)

Е.Н. Арефьева

Ключевые слова: концепт, концептосфера, динамическая картина мира, языковая личность, движение, летопись.

Keywords: concept, conceptual sphere, dynamic picture of the world, language personality, movement, chronicle.

DOI 10.14258/filichel(2020)1-01

В настоящее время в лингвистике наблюдается интерес к вопросам идиолекта, языковой личности, национальной картины мира и картины мира отдельной личности. Исследование концептосферы приобретает в этой связи особую значимость, поскольку моделирование концептосферы играет важную роль в структурировании как национальной, так и индивидуально-авторской картин мира. Понятие индивидуальной картины мира тесно связано с понятием языковой личности, под которой, вслед за Ю.Н. Карауловым, мы понимаем человека как носителя языка, рассматриваемого в аспекте его способности к речевой деятельности [Караулов, 1987, с. 3]. Дневниковые записи являются одним из самых объективных источников для воссоздания индивидуальной языковой картины мира. Речевая структура дневниковых записей подчинена так называемой безадресатной стратегии, что обуславливает бесстрастность и объективность автора дневника при описании событий и явлений окружающей его действительности.

В мемуарных записях тверского купца Михаила Матвеевича Тюльпина содержатся сведения об определенных периодах в жизни автора и общества, в них находит отражение мировосприятие реального человека. Пытаясь охватить все стороны действительности, доступные слову, автор дневника в присущей только ему манере отражает реальные события, среди которых встречаются визиты царствующих особ, духовенства, знати и дипломатов, погодные явления и пожары, церковные и семейные праздники в купеческой семье. За строчками текста стоит яркая личность, которая не механически излагает факты, но сюжетно связывает их между собой, вплетая в контекст исторические события.

Для воссоздания языковой личности необходим анализ компонентов трех уровней: вербально-семантического, когнитивного и прагматического, на котором учитываются деятельностно-коммуникативные потребности и их причины, которыми обуславливаются единицы семантического и когнитивного уровней [Караулов, 1987, с. 56]. Понимая, что прагматический уровень языковой личности в диахроническом аспекте восстановить затруднительно, мы прибегаем к анализу лексико-семантических средств с тем, чтобы выйти на лингвокогнитивный уровень языковой личности автора «Летописи...». В этой связи по отношению к Михаилу Тюльпину мы можем говорить лишь о некоторых отличительных чертах языковой личности.

Дневник Михаила Матвеевича Тюльпина, носящий название «Летопись о событиях в Твери 1762-1823 гг.», входит в коллекцию рукописных памятников Государственного архива Тверской области (Летопись)¹. На страницах дневника М. Тюльпин указывает цены на продукты питания, описывает природные явления и их влияние на ведение торговли, фиксирует даты рождения и смерти членов купеческой семьи. Однако интересы купца Михаила Тюльпина выходят за рамки сословных. «Летопись о событиях в Твери 1762-1823 гг.» также содержит сведения о различных событиях общегосударственного и городского масштаба (например, о пожаре в Твери 1763 года, Чумном бунте 1771 года, Отечественной войне 1812 года), о визитах членов императорской семьи, представителей духовенства, знати и дипломатов.

¹ В 2007 году рукопись была опубликована в составе книги *Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX века*. М., 2007. Далее в статье текст дневника М. Тюльпина цитируется по данному источнику.

Опираясь на подход Ю.С. Степанова к определению сущности и структуры концепта [Степанов, 1997, с. 41-46], мы проанализировали лингвосемиотические средства, объективирующие концепт «движение» в «Летописи о событиях в Твери...». Исследуемый концепт отражает особенности динамической картины мира автора «Летописи...» купца Михаила Тюльпина.

В качестве номинанта концепта «движение» выступает глагол «двигать(ся)», который передает идею перемещения в пространстве в самом общем виде. Для того чтобы проследить процесс развития семантического содержания номинанта концепта и уточнить его состав, мы обратились к этимологическим словарям. Анализ этимологических источников позволил выявить «внутреннюю форму» концепта. Так, Этимологический словарь М. Фасмера дает следующие сближения: «Двигать, двѣгать, двѣгаю, буд. двѣну, сюда же подвиза́ться, укр. двѣгати, ст.-слав. двѣгнѣ, двѣгнѣти, двѣжѣ, двѣсати, болг. дѣгам, сербохорв. дѣгнути, дѣћи, словен. dvigati, dvigam, чеш. zdvihnouti, польск. dźwigać “поднять, возвести”, в.-луж. zběhać, н.-луж. zwigaś» [Фасмер, 1986, с. 487]. В «Словаре русского языка XI-XVII веков» указываются такие основные значения слова «движение»: «1. Переход, перемещение с места на место. 2. Побуждение» [Словарь..., 1977, с. 182]. В словаре В.И. Даля встречаем следующее значение глагола *двигать*: «Двигать <...> пихать, переть, толкать, совать; таскать, волочить; перемещать вещь, не подымая ее волоком. || Приводить *что* в движение, шевелить, колебать, возмущать» [Даль, 1995, с. 1036]. Свидетельство данного словаря подтверждает высказанное В.Н. Топоровым предположение о том, что «глаголы с корнем *d(ь)vig- (например, в народном русском языке, но и не только в нем) акцентируют, как правило, не столько чисто «двигательные», сколько «силовые» смыслы» [Топоров, 1996, с. 23].

Концепт «движение» в «Летописи о событиях в Твери 1762-1823 гг.» имеет определенное семантическое содержание, манифестируемое разноуровневыми лингвосемиотическими средствами. К средствам языковой репрезентации исследуемого концепта в «Летописи...» относится широкий круг лексем, формирующих отдельные микрополя.

В понятийное ядро концепта «движение» входит концептуальный признак «процесс перемещения по дороге или водному пути», который приводит к формированию микрополя, содержащего следующие глаголы и словосочетания: *ходить, переходить, ехать, поехать, въехать, выехать, приехать, прибыть, проехать, иметь проезд, разъехаться, бежать, убежать, прибежать, вести, возить, привезти,*

увезти, подвезти, перевозить, переправиться, отправиться, маршировать, возвращаться / возвратиться (воротиться, вернуться).

Анализ языкового материала показывает, что базовыми лексемами-репрезентантами концепта «движение» в рукописи выступают многочисленные глаголы, среди которых значительную часть составляют глаголы движения. Содержание «Летописи...» свидетельствует о том, что для купца Михаила Тюльпина большую роль играет передвижение по городу и за его пределами, поскольку оно является неотъемлемым условием ведения торговли. При этом он не только фиксирует в дневнике собственные торговые поездки, но и часто указывает на возможность или невозможность проезда по улицам и переправы через Волгу: «*Большие были переулки – только в одну лошадь с телегою проехать можно*» (М.М. Тюльпин. Летопись. Л. 4 об.); «*И дорога очень испортилась, доставалось в проезд видеть речки и ручьи открыты, и ехали помалу в день*» (М.М. Тюльпин. Летопись. Л. 9).

Весьма значимыми композиционными элементами «Летописи...» становятся трагические события Отечественной войны 1812 года. Описанию этих событий посвящена значительная часть тюльпинских записей: «*3-го числа в половине одиннадцатого часа утра в Доргомиловскую заставу Наполеон въехал в Москву безо всякой ему оказии встречи*» (М.М. Тюльпин. Летопись. Л. 29 об.). Вторжение Наполеона на территорию России ознаменовало начало тревожных для семьи Тюльпина дней, когда она вынуждена была покинуть свой дом и перебраться на мельницу. Страницы дневника, датированные 1812 годом, отличаются предельной динамичностью, поскольку избилуют глаголами движения. А за детальным описанием перемещений членов купеческой семьи скрываются тревожные чувства главы семейства: «*Итак, по желанию своему, кто куда разъехались, и друг о друге не имея сведения как почти чрез месяц, а другие и более*» (М.М. Тюльпин. Летопись. Л. 29); «*<...> забрав свое семейство и что получше, выехали из Твери на четырех лошадях, две своих, да две наемных <...>. Приехали ночевать в Савино. <...> 7-го числа поехали на Гольхинскую мельницу, которую имел тогда в содержании Григорий Афанасьевич Аваев. <...> 9 числа поехал Дмитрий в дом. <...> 12 числа приехал я домой, и невестка с двумя сынами вместе со мною приехали» (М.М. Тюльпин. Летопись. Л. 30); «*22-го числа Дмитрий с работником поехал на мельницу для забрания имущества нашего*» (М.М. Тюльпин. Летопись. Л. 31 об.). В сухих, на первый взгляд, упоминаниях о событиях тех дней, в перечне дат и описании*

маршрутов передвижения ясно читаются переживания М. Тюльпина за судьбу Родины и за собственную семью.

Не менее важными композиционными элементами рукописи являются часто встречающиеся отметки о посещениях Твери членами императорской семьи, представителями знати и духовенства. Проезжая через Тверь по пути из Петербурга в Москву и обратно, царские особы всегда останавливались в Путевом дворце. Визиты первых лиц государства становились первостепенными событиями в городе и собирали горожан возле Спасо-Преображенского собора. И конечно, купец Михаил Тюльпин не мог не упомянуть о государственных визитах в своем дневнике: *«Декабря 9-го дня обратно из Москвы прибыл сюда Его Высочество Павел Петрович и с княгиней Наталией Алексеевною, здесь две ночи пробыли. Выехали 11-го дня»* (М.М. Тюльпин. Летопись. Л. 11); *«С полден часу в 3-м государь изволил ехать в Трехсвяцкое в санях парюю с ея высочеством Екатериною Павловною в сопровождении только его высочества принца да полицмейстера»* (М.М. Тюльпин. Летопись. Л. 22).

Следует отметить, что языковые средства «Летописи...» обнаруживают связь не только с культурными, социально-экономическими и прочими сторонами действительности, но и с морально-этическими представлениями автора. Как отмечают Н.С. Бондарчук и Р.Д. Кузнецова, «Тюльпин употребляет книжно-славянские языковые средства прежде всего в их концептуальном значении» [Бондарчук, Кузнецова, 1995, с. 96]. Когда М. Тюльпин пишет о визитах лиц царствующей династии, он использует книжно-славянскую лексику, в частности глагол «изволить»: *«В сентябре изволила иметь шествие в Москву государыня Екатерина Алексеевна для коронования и в проезд мимо Твери сожалела о случившемся пожаре»* (М.М. Тюльпин Летопись. Л. 6); *«3-го дня с полден часу в 4-м Его Императорское Величество изволил отсюда выехать в Питербурх с колокольным звоном»* (М.М. Тюльпин. Летопись. Л. 24). При употреблении автором глагола «изволить» наблюдается процесс усиления коннотативного компонента лексического значения слова, и появляется личностная сема «почтительность», которую можно рассматривать как проявление не только социального, но и личностного этикета. Появление у данного глагола авторского смысла в определенном контексте возникает на основе коннотативной семантики, обусловленной авторским отношением к описываемой действительности.

Концептуальный анализ дневника тверского купца показал, что концепт «движение» в «Летописи...» распадается на частные

составляющие. Поскольку в языковом сознании Михаила Тютлина направление является важным фактором восприятия движения, можно сделать вывод о том, что активный слой концепта формирует концептуальный признак «направление, маршрут следования». Пространственная локализация маркируется рядом глаголов движения, усложненных аффиксальными, падежными и предложными формантами, например: «*Февраля 18-го дня возвратился сюда из Петербурха турецкой посол, а 20-го рано по утру выехал отсюда*» (М.М. Тютлин. Летопись. Л. 15 об.). В таких случаях пространственный ориентир эксплицируется лексическими средствами с конкретным значением места или назывным локализатором: предложно-именным сочетанием (*в дом, на мельницу, из дворца, в вокзал*¹), географическим названием (*из Москвы, в Петербург, из Рыбинска, в Волочек, в Трехсвятское*) или наречием (*отсюда, обратно, сюда, мимо, поперек* и др.).

Динамическая картина мира тверского купца, на наш взгляд, может быть представлена не только через описание поведения глагольных единиц. Михаил Тютлин воспринимает движение как перемещение субъектов по земле и по воде с помощью различных средств передвижения. Активный слой концепта «движение» актуализируется в рукописи при помощи концептуального признака «средство передвижения», организующего микрополе со следующим набором лексем: *экипаж, сани, карета, телега, повозка, роспуски, дрожки, лошадь, конь, пара, лодка, барка, полубарка*. Для купца М. Тютлина становится принципиальным указание на средство передвижения при описании визитов членов царской семьи: «*21-го дня его высочество Костянтин Павлович с Екатериною Павловною имели проезд в санях парюю, а его высочество принц – на запятках*» (М.М. Тютлин. Летопись. Л. 22 об.); «*В следствии за ним только одна тройка для персон его свиты, да вперед один ямищик едет парюю для свободнаго проезда его величеству*» (М.М. Тютлин. Летопись. Л. 22 об.); «*14-го числа с полуночи часу в 12-м изволил прибыть сюда государь император Александр Павлович безо всякой церемонии и частной встречи, в открытых санях, только сам-друг*» (М.М. Тютлин. Летопись. Л. 41).

Указание на средство передвижения в «Летописи...» становится маркером социального положения человека. Михаил Тютлин

¹ Вокзал – «парк-вокзал» (в пер. с фр. «музыкальный павильон») – парк, разбитый в 1776 году на берегу Волги по приказу новгородского и тверского наместника Я.Е. Сиверса.

употребляет лексемы, обозначающие транспортные средства, часто сопровождая их прилагательными, которые отсылают к определенному сословию (например, *дворянский, купеческий, обывательский*): «С начала онаго месеца начали отпрапляться отсюда большею частью дворянския экипажи, водою – больше: на полубарках и больших лодках за недостатком в Волге воды, также купецкие и обывательския» (М.М. Тюльпин. Летопись. Л. 28 об.). Подобные лексемы могут встречаться в дневнике М. Тюльпина и без прилагательных, указывающих на сословную принадлежность объекта движения: «Сначала от теплой погоды дорога испортилась, [на]чали ездить на ропусках и дрожках, и по[сле] теплой погоды начали снег возить в [погреба] <...>» (М.М. Тюльпин. Летопись. Л. 50). В таких случаях социальное положение лиц, которые осуществляют движение, легко угадывается из лексического значения лексем, обозначающих средства передвижения: *ропуски* (крестьянская повозка (а также сани) без кузова для возки бревен и досок), *дрожки* (легкий экипаж), *барка* (речное грузовое судно), *полубарка* (барка небольшого размера) и др. Как мы видим, дополнительный концептуальный признак «социальное положение человека» эксплицируется в лексемах, обозначающих транспортные средства.

Движение у Тюльпина – это зачастую перемещение в пространстве с определенной целью. Если речь идет о торговых поездках, актуальность для языкового сознания купца приобретает возможность или невозможность осуществить проход / проезд, а также «канал», по которому осуществляется передвижение. Концептуальный признак «место для прохода / проезда» актуализирует активный слой концепта «движение» и формирует микрополе, включающее следующие лексемы: *дорога, улица, переулок, река, Волга, канал, мост, лестница, площадь, ворота, проход, проезд, пролом, переход, переправа, перевоз*. Упоминания о погодных условиях, которые могут повлиять на возможность ведения торговли, часто встречаются во второй части купеческого дневника, фиксирующей события (хронологически более поздние), свидетелем которых непосредственно был Михаил Тюльпин: «И дорога очень испортилась, доставалось в проезд видеть речки и ручьи открыты, и ехали помалу в день» (М.М. Тюльпин. Летопись. Л. 9); «25-го числа с полден Волга тронулась, и переходу и проезду не было. 28-го по Волге по льду ходить начали, 29-го на конях ездить начали» (М.М. Тюльпин. Летопись. Л. 35 об.); «4-го начали по мосткам ходить, но за опасностю лехкой погоды, зделали пролом, и начали перевозить как людей, так и лошадей» (М.М. Тюльпин Летопись. Л. 49 об.). В языковом сознании

автора «Летописи...» обнаруживается непосредственная взаимосвязь места для прохода или проезда с условиями, влияющими на возможность передвижения. К средствам репрезентации концепта «движение» относятся также лексемы, формирующие микрополе в соответствии с концептуальным признаком «благоприятные условия или препятствия для передвижения»: *буря, бездорожье* (у Тюльпина – *бездорожица*), *грязь, снег, оттепель, мороз, лед* и др. Например: «*К празднику Рождества Христова, как за открытием Волги и теплой погоды и бездорожицы, никакому торга с мясами и прочим не было, а для продовольствия покупали только из здешних лавок*» (М.М. Тюльпин. Летопись. Л. 48 об.); «*29-го проломил лед на Волге и сделали перевоз на лотке; сделалась из утра оттепель и с крыши капель, и в день снегу много стаило» (М.М. Тюльпин. Летопись. Л. 48).*

Концепт «движение» отражает мировосприятие Михаила Тюльпина не только с позиции его принадлежности к купеческому сословию. Анализ средств, вербализующих исследуемый концепт, также позволяет сделать вывод о том, что в концептосфере рукописи находит отражение динамическая картина мира жителей города Твери. Особенности географического положения города и его рельеф предопределили особенности восприятия феномена движения Тюльпиным-тверичанином. Неотъемлемыми элементами городского пространства для жителей Твери выступают реки. Как известно, реки всегда были одними из самых важных торговых артерий. История города свидетельствует о том, что Тверь возникла из ремесленно-торговых поселений на Волге в устье реки Тверца. В XVIII веке благодаря Вышневолоцкой водной системе Тверь играла роль важного торгового центра на Верхней Волге. Река Волга делит город пополам, поэтому движение мыслится тверским купцом Тюльпиным как обязательный переход или переезд с одного берега на другой (по воде, по льду или через мост), поэтому место для прохода/проезда и наличие или отсутствие препятствий для передвижения являются неотъемлемыми условиями передвижения по городу: «*И волжской мост разорвало и в верх Волги прислонило к городовому берегу» (М.М. Тюльпин. Летопись. Л. 19 об.); «*27-го числа Волга тронулась, противу перевоза прочистилась, и на лодках перевозили; 28-го Волга стоит и переправы нет, 30-го – вскрылась» (М.М. Тюльпин. Летопись. Л. 33); «*По Волге очень густ лед идет, и трудновато все то для проезду» (М.М. Тюльпин. Летопись. Л. 47 об.).***

Анализ средств языковой объективации концепта «движение» позволил сделать вывод о том, что язык «Летописи...» разнообразен и зависит от объекта описания. Употребление лексико-семантических

средств обусловлено не только лексической системой того времени, но и сознательно продуманным их использованием, которое отражает авторское восприятие действительности. На основе восстановления языкового облика М. Тюльпина можно сделать следующие выводы в отношении личности автора: это купец, который освоил грамоту, но не только пишет дневник, но и следит за событиями общественной жизни, бурно на них реагирует, читает прессу. Работой и семьей не исчерпываются интересы М. Тюльпина: большое место в записях занимает освещение наиболее примечательных событий местной и столичной общественной жизни, что предопределило появление в речи купца Тюльпина элементов книжно-письменного стиля.

Михаил Тюльпин как русская языковая личность владеет языковыми нормами своего времени. Автор «Летописи...» употребляет лексико-семантические единицы в соответствии с общей установкой на стилистическую дифференциацию средств литературного языка (с середины XVIII века). Языковые единицы в «Летописи...» в стилистическом отношении образуют оппозиции по критерию «высокое» (книжное) – «общеупотребительное» (разговорное). Авторское языковое сознание ориентируется, прежде всего, на использование книжно-славянского лексического фонда. Однако, фиксируя те или иные события, М. Тюльпин нередко использует нейтральные языковые средства, что характеризует его как автора, способного лингвистически осмысливать значимость описываемых фактов.

Михаилу Тюльпину как языковой личности присущи следующие черты: рассудительность; стремление к объективному изложению фактов; конкретность восприятия действительности; постижение ее главным образом через внешние признаки предметов и явлений, при помощи органов чувств (в первую очередь зрения); ощущение единства человека с природой; осознание своей тесной связи с социумом (выраженное в ориентации на формулы этикета купечества).

Результаты концептуального анализа рукописи Михаила Тюльпина показали, что движение выступает в качестве одной из базовых категорий языкового сознания автора «Летописи...», поскольку является основной потребностью человека. В картине мира тверского купца доминантой становится горизонтальное движение вперед с определенной целью, зачастую это перемещение по дороге или водному пути. Движение у Тюльпина в большинстве случаев маркируется начальными и конечными точками, целями и последствиями. Анализ лингвосемиотических средств репрезентации концепта «движение» позволил описать особенности динамической

картины мира тверского купца и выявить некоторые черты языковой личности Михаила Тюльпина как жителя города Твери и как представителя купеческого сословия рубежа XVIII-XIX веков.

Литература

Бондарчук Н.С., Кузнецова Р.Д. Опыт реконструкции языковой личности рубежа XVIII-XIX веков // Тверской языковой регион в историко-функциональном и лингвогеографическом аспектах. Тверь, 1995.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Топоров В.Н. Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверх-эмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.

Словари

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т. 1

Словарь русского языка XI-XVII веков. Выпуск 4. М, 1977.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 1.

Список источников

Летопись о событиях в Твери 1762-1823 гг. тверского купца Михаила Тюльпина // Государственный архив Тверской области. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1135.

Тюльпин М.М. Летопись // Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX века. М., 2007.

References

Bondarchuk N.S., Kuznetsova R.D. *Opyt rekonstruktsii yazykovoy lichnosti rubezha XVIII-XIX vekov* [Experience in the Reconstruction of the Linguistic Personality at the Edge of XVIII-XIX centuries]. *Tverskoy yazykovoy region v istoriko-funktsional'nom i lingvogeograficheskom aspektakh* [Tver Language Region in Historical-functional and Linguo-geographical Aspects]. Tver, 1995.

Karaulov Yu.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Language Personality]. Moscow, 1987.

Toporov V.N. *Ob odnom iz paradoksov dvizheniya. Neskol'ko zamechaniy o sverkh-empiricheskom smysle glagola «stoyat'», preimushchestvenno v spetsializirovannykh tekstakh* [About One of the Paradoxes of Movement. A Few Comments on the Super-empirical Meaning of the Verb “Stand,” Mainly in Specialized Texts]. *Kontsept dvizheniya v yazyke i kul'ture* [The Concept of Movement in Language and Culture]. Moscow, 1996.

Dictionaries

Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow, 1995. Vol. 1.

Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vekov [Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries]. Moscow, 1977. Iss. 4.

Vasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1986. Vol. 1.

List of sources

Letopis' o sobytyakh v Tveri 1762-7823 gg. tverskogo kuptsa Mikhaila Tyul'pina [The Chronicle of Events in Tver of 1762-1823 by Tver Merchant Mikhail Tyulpin]. *Gosudarstvennyy arkhiv Tverskoy oblasti* [State Archive of the Tver Region]. Fund 1409. Inv. 1. Case 1135.

Tyul'pin M.M. *Letopis'* [Chronicle]. *Kupecheskie dnevniki i memuary kotsa XVIII – pervoy poloviny XIX veka* [Merchant Diaries and Memoirs of the late XVIII - the first half of the XIX century]. Moscow, 2007.

ЭНТРОПИЯ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В «СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ» И.С. ШМЕЛЕВА

Сюе Чэнь

Ключевые слова: Бог, бытие, вера, жизнь, небытие, революция, смерть, самоубийство, экзистенциализм, энтропия.

Keywords: God, being, faith, life, non-being, revolution, death, suicide, existentialism, entropy.

DOI 10.14258/filichel(2020)1-02

Энтропия – экзистенциальная проблема, наиболее остро поставленная И.С. Шмелевым в «Солнце мертвых» (1923). Бытовая и бытийная неупорядоченность в результате вступления в Крым войск Красной армии, хаос, в который погружены крымчане, необратимость их вымирания, разлад между логикой человека и его существованием, неумолимость нового порядка, структурирующего жизнь догматически и однолинейно, – все это ставит героев повести перед проблемой конечности бытия. Шмелев задается вопросом о пределах истончения энергии человека. Написанная в том же году, что и повесть Шмелева, статья Е. Замятина «О литературе, революции, энтропии и о прочем» дает ответ: сохранение энергии в социальной жизни, искусстве, религии возможно при отсутствии догматизации бытия, которая и есть энтропия, и при наличии свободы в социальной жизни, искусстве, религии и прочем.

Шмелев подводит весь ход событий, всю сумму фактов, пейзажную специфику, весь ряд внешних деталей, к вопросу о роли Бога в преодолении паралича мысли, веры, воли человека. При этом в тексте «Солнце мертвых» сфокусирован ряд положений, выразивших как экзистенциальные, так и жизнеутверждающие представления предшественников Шмелева. С нашей точки зрения, произведение Шмелева, основанное на конкретных реалиях его времени, аккумулирует универсальные и актуальные философемы, развитые как в трудах мыслителей, так и в произведениях русской литературы. В сводке идей, составивших основу содержания текста, приоритет отдан христианскому учению.

Противопоставление энергии и энтропии Шмелев выразил, прежде всего, в повествовании о духовной эволюции двух героев – доктора и рассказчика. Оба – свидетели и жертвы большевистского порядка, принесшего голод и репрессии, в результате которых человек

становится *«человечьим мясом, расстрелянным без суда, без суда!»* (Шмелев, 2015, с. 69)¹. Как показывает Шмелев, революция превращает Крым в царство мертвых, придает человеку сходство с диким зверем, возвращает жизнь к пещерным временам. Доктор подсчитывает жертвы: за три месяца *«восемь тысяч вагонов, девять тысяч вагонов! Поездов триста! Десять тысяч тонн свежего человеческого мяса, мо-ло-до-го мяса! Сто двадцать тысяч го-лов! Чел-ло-ве-ческих!»* (Шмелев, 2015, с. 70). В оврагах и на горах, в подвалах – брошенные трупы убитых: *«теперь человек и могилу не находит»* (Шмелев, 2015, с. 195). Отношение к смерти – показатель энергии или энтропии. Смерть, повторяющийся мотив повествования, – экзистенциальная черта, к которой приближены жители Крыма или за которую они переступают. В повести показана смерть не естественная, а вынужденная, насильственная. Смерть, посмертное бытие или небытие, вера в Божью силу – тема диалогов двух героев.

Доктор проходит путь от веры в существование Бога к неверию в Бога и в жизнь за пределами смерти. Его земное бытие, как и других персонажей повести, представляет собой ад; он, не выдержав физических, эмоциональных страданий и не найдя интеллектуальной, религиозной опоры, заканчивает земной путь суицидом – нисхождением в ад, но уже за чертой земного бытия. Его идеология бытия выстраивается Шмелевым на антитезе: рассказчик, напротив, преодолевает сомнения в существовании Бога, в итоге получает Его помощь через людей (в частности через мусульманина – татарина Гафара), вновь обретает веру, и его путь – к восхождению.

Доктор был хозяином миндального сада, розового царства, в котором он наполнялся надеждой на разумно устроенную жизнь. Сад – символ жизнотворения и образ созданного доктором мира: он своими руками разбил его на пустыре. С приходом «истребителей» (представителей революционной власти) существование доктора обесмыслилось: экспропрированы профессиональные инструменты и излишки в хозяйстве, оборван миндаль, порублен сад, разрушена мечта жены умереть в цветущем миндальном раю – она умерла в ограбленном, оскверненном доме. Доктору не на что купить гроб, он хоронит жену в угловом шкафу, в котором из года в год хранилось абрикосовое варенье. Гроб не традиционный шестигранный, а трехгранный. Доктор, имея в виду Святую Троицу, рассуждает: *«Почему непременно шестигранник?! Трехгранник и проще, и*

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на текст из списка источников Шмелев И. Солнце мертвых. М., 2015.

символично: три – едино!» (Шмелев, 2015, с. 54). Он, вопреки реальности, старается повернуть свое сознание к прошлой разумной, устроенной жизни: под влиянием опиума к нему приходят счастливые воспоминания о прошлом, в них была любимая жена, были пряники с богомолья, крестики от преподобного, святая водица.

Однако все более доктор фокусируется на муках реальной «помойной» жизни, которую принять не может. По мнению Н. Аббаньяно, *«непрятие мира может иметь две формы – бегство от мира и уступка миру. Бегство от мира – это отказ от возможностей, которые мир предоставляет для реализации человеку. Оно вызвано радикальным неверием в эти возможности, потому что оно – тотальный отказ, являющийся сам для себя целью»* [Аббаньяно, 1998, с. 236]. Первая форма проявляется в поведении доктора, бегство от мира приблизило его к гибели. Однако тотальный отказ доктора от реальности парадоксально осмысливается им как путь к реализации своего «я». По М. Бланшо, есть «сила глубоко анонимная», она превращает человека *«в существо безымянное и бессильное, по сущности своей подлое и обреченное на раздробленность. Эта сила – сама смерть, и в конечном счете задачей его предприятия является смерть как возможность»* [Бланшо, 2002, с. 95-96]. Если принять эту мысль Бланшо, анонимная сила смерти ослабляет творческую активность доктора, стирает его индивидуальность. Отметим, что имя идентифицирует личность, обозначает его место в социально-культурных и исторических условиях, но Шмелев предпочитает называть героя просто доктором.

Самоубийство доктора – результат иссякания жизненных сил. По сути, он – воспользуемся высказыванием М. Монтеня о самоубийце, – прибор к *«помощи смерти, которая положила предел <...> земному существованию и прекратила <...> мытарства»* [Монтень, 1990, с. 127]. Вместе с тем, в таком уходе из жизни был и вызов обстоятельствам, и болезненно интерпретированная свобода выбора. Как Кириллов в «Бесах» (1870–1872) Достоевского говорил: *«я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою»* [Достоевский, 1990, с. 577]. Самоубийство в этом случае соотносено с мыслью о связи смерти и свободы, что, на наш взгляд, созвучно идее Ф. Ницше о естественной смерти как факторе несвободы: естественная смерть *«при презреннейших условиях, несвободная смерть, смерть не вовремя, смерть труса. Следовало бы, из любви к жизни, – желать иной смерти, свободной, сознательной, без случая, без неожиданности»* [Ницше, 1990, с. 52]. Мысль Ницше, апологета воли, коррелирует с идеей Н. Аббаньяно – апологета экзистенциалистского

отношения к жизни: *«Принимая смерть, признавая ее как собственную судьбу, человек реализует свою свободу, то есть освобождается от иллюзии обезличенной жизни, от возможностей, которые скрывают ничто экзистенции; он принимает это ничто как формирующее его, как конечный предел его реализации»* [Аббаньяно, 1998, с. 188], то есть добровольной смертью он доказывает себе, что может управлять ею и достичь абсолютной свободы. При том что в Крыму переживался апогей насильственных смертей, доктор сам принимает решение, выбирает путь ухода из жизни. Доктор не испытывает экзистенциального ужаса перед небытием, его самосознание перед гибелью отвечает следующей мысли Сартра: *«своей смертью умирает тот, победоносный, кто ее же и творит»* [Аббаньяно, 1998, с. 122].

Все же суицид доктора – кажущаяся свобода выбора и результат кризиса веры. В христианстве самоубийство понимается как сомнение в спасительном промысле Бога. Вновь обратимся к мысли Бланшо: в свободной смерти *«Бог рискует своим существованием. Если кто-то сумеет обладать собой вплоть до смерти, сквозь смерть, то он возобладает и над тем всемогуществом, что настигает нас в смерти, сделает его лишь мертвым всемогуществом»* [Бланшо, 2002, с. 95]. Самоубийство – знак того, что в сознании доктора Бог как источник бытийной энергии умер.

Все пережитое ослабляет память доктора, он забывает слова молитвы «Отче наш»; испытания вызывают в его сознании ироничную картину, как он предстанет на Страшном Суде: *«Архангелы-то рты разинут! Сам Господь Саваоф»* (Шмелев, 2015, с. 59). Нынешняя жизнь, как он говорит, превратилась в помойку, путь из которой – в ничто. Он усомнился в воскресении Спасителя, реальность ассоциируется со вшами, а путь от помойки к горнему миру – иллюзия. Катастрофа обнажила неустойчивость человеческого существования, и доктор готов в небытии видеть путь к спасению. Более того, постепенно отступая от христианского понимания Бога, он обращается к Будде. Выбирая смерть через огонь, он, по сути, принимает буддистскую аксиологию; имея в виду Будду, он говорит: *«Огонь от Него исходит, к Нему возвращается!»* (Шмелев, 2015, с. 190).

Рассказчик, как и доктор, переживает экзистенциальные муки, что особенно проявилось в его отношении ко времени и пространству. Время, с его точки зрения бессрочного каторжника крымских страданий, не имеет никакого значения: *«Бессрочнику все едино!»* (Шмелев, 2015, с. 7). Рассказчику важно не столько отсчитывать часы, дни, месяцы, сколько изо дня в день убивать время, а походы за

топливом, наблюдение за индюшкой, занятия пустяками освобождают его от гнета времени.

Сравнение с судьбой Робинзона усугубляет его неверие в будущее: у Робинзона, в отличие от него, была точка на горизонте, она принесла Робинзону надежду на спасение, а на горизонте рассказчика *«не будет никакой точки, вовек не будет»* (Шмелев, 2015, с. 7). В глазах рассказчика все обманчиво: и жизнь, и город, и сны, и неведомая даль. Прошлое не возвращается, настоящее в муках, человек лишь полагается на будущее, но везде мертвая тишина погоста, *«никто не придет из далей. И далее нет <...> самые дали плачут»* (Шмелев, 2015, с. 219). Из-за прихода звездноносцев земля напиталась кровью, сады заброшены, виноградники опустошены, дачи обезлюдели, человеческая душа опустошена. Смерть доминирует в мертвом крымском пространстве. Рассказчик, как доктор, разуверился в Боге: *«Бога у меня нет: синее небо пусто»* (Шмелев, 2015, с. 21). Небо, ранее выступавшее посредником между Богом и человеком, воспринимавшееся как образ истинного и непреходящего рая, теперь пропитывается муками голодающих, а мир под небом превращает в человеческую бойню. В сознании рассказчика пустое небо символизирует отсутствие Бога.

История рассказчика напоминает историю Иова (И. Ильин поставил в целом «Солнце мертвых» выше истории об Иове: *«Это один из страшных документов человеческих <...> Что книга Иова? – рефлектирующее благочестие обедневшего и захворавшего жиди!.. Что книга ходульных аллегорий и сонных стихов – Апокалипсис!? Первое – эпизод, второе – сон. А это – система бытия»* [Ильин, 2000, с. 21]) – праведника, ставшего образцом веры и терпения: *«Этот человек был непорочен, праведен, жил в страхе Богом и сторонился от зла»* (Иов 1:1), *«он был славнее всех жителей Востока»* (Иов 1:3). Не без участия диавола Бог обрек Иова на великие бедствия: лишил всего имущества, сыновей и дочерей, здоровья. Пережитые беды не поколебали веры Иова в Бога. В повести Шмелева рассказчик пережил голод и террор, убили его единственного сына (на это есть намек в тексте), его «лишнее» имущество изъяли, описали книги. Как Иов, он одет в лохмотья. Он мастерит обувь из линолеума. Он питается блинами из виноградного жмыха и листьев. Наконец, он погружается в духовный кризис. Но неумирающий голос с минарета осветил его душу и дал надежду на помощь Бога: *«Знаю я: с нами Бог! Хоть на один миг с нами»* (Шмелев, 2015, с. 205), *«и будет пребывать вечно, и все сущее – Его воля»* (Шмелев, 2015, с. 99). Старый татарин приносит рассказчику яблоки, муку, груши, эта посылка воспринимается как

помощь Творца: *«с неба вестник»* (Шмелев, 2015, с. 203), *«небо пришло из тьмы! Небо, о Господи!»* (Шмелев, 2015, с. 204). Вера в бессмертие души и воскресение наполняет существование рассказчика энергией. Его обращению к Богу Шмелев придает характер молитвы: *«Вниди в нас, Господи, в великое горе наше, и освети!»*, *«Ты все можешь! Не уходи от нас, Господи, останься...»* (Шмелев, 2015, с. 205). Последнюю фразу мы рассматриваем как реминисценцию слов Иова: *«... Ты все можешь, и что намерение Твое не может быть остановлено»* (Иов. 42:2).

Смерть рассказчику не страшна, *«ни страха, ни жути нет»* (Шмелев, 2015, с. 216). В отличие от доктора, рассказчик преодолевает сомнения в Воскресении и верит в Царство Божье: *«Не надо бояться смерти... За ней истинная гармония»* (Шмелев, 2015, с. 113), *«Чаю Воскресенье Мертвых! Я верю в чудо! Великое воскресенье – да будет»* (Шмелев, 2015, с. 231).

Рассказчик не перестает физически и интеллектуально трудиться, делится скудной едой с чужими детьми, обменивает одежду на продукты, преодолевая тем самым хаос окружающей его действительности. Каждый день он совершает восхождение в горы, что напоминает нам о крестном пути Иисуса Христа на Голгофу и символизирует путь героя к высотам духа.

Различное восприятие доктором и рассказчиком окружающего мира проявляется в их отношении к вещам. Поскольку у доктора *«все – в прошлом, и мы уже лишние»* (Шмелев, 2015, с. 74), он сжег все фотографии и все письма – прошлое закончилось в огне. Полагаем, в этом эпизоде выражено не только его отрицание прошлого, но и настоящего. Как справедливо заметил С.И. Кормилов по поводу поступка доктора: *«Тому, кто сжег свою прошлую жизнь (фотографии и письма), видно, осталось лишь сжечь настоящую»* [Кормилов, 1995, с. 29]. Для доктора вещи не имеют никакого значения, поскольку он сам в хаосе бытия – *«не суть»* (Шмелев, 2015, с. 73). *«Болезненное, – по определению И.Б. Ничипорова, – ощущение жизни, обреченной на погружение в беспмятство»* [Ничипоров, 2019, с. 121], приводит доктора к утрате интимной связи человека и вещей. Пожар дома знаменует окончательное исчезновение собственного пространства. Как сказал Иов: *«не возвратится более в дом свой, и место его не будет уже знать его»* (Иов 7:10). Будущее доктора обращено в пепел. Итак, мотив прощания доктора с дорогими ему и связывающими его с прошлым вещами прочитывается как признание бессмысленности своего существования.

Рассказчик, напротив, внимателен к вещной детали, что в принципе свойственно для прозы Шмелева. Как отмечено Н. Лосским, *«все сущее <...> не только есть, но еще и содержит в себе оправдание или осуждение своего бытия»* [Лосский, 1931, с. 5]. В образе рассказчика как раз показано «сущее» в его созвучии или не созвучии с бытием. Сознание рассказчика интенционально – направлено на вещь, он наполняет ее эмоцией, придает ей свое личное чувство, а вещь, в свою очередь, насыщает его личное пространство. Например, рассказчик хранил сломанное перо умершего павлина – знак памяти об уходящей жизни.

Для рассказчика вещь – и бытовая реалья, и образ его бытия, и память о событии либо эмоциональном состоянии, чему созвучна мысль В. Топорова: *«<...> человек – мера всех вещей. Но и обратно: конкретная, данная вещь — мера всех людей, и только в этом своем качестве вещь приближает нам мир, правда, при участии человека»* [Топоров, 1995, с. 17]. Наконец, вещь обеспечивает обреченному человеку саму жизнь. Так, рассказчик сообщает о барыне – своей соседке, которая бьется за жизнь, продавая юбки, ложечки за ячмень, и опасается, что у нее отберут коврик или вязаный платок. Мотиву расставания с вещами противопоставлен мотив их незаконного приобретения новым должностным лицом – музыкантом Шурой: у него серебряный портсигар и хороший табак.

Однако истончение вещного мира для рассказчика, конечно, не означает наступления небытия. Шмелев обращается к константам мировой мысли о душе, плоти, смерти. По Аристотелю, автору трактата «О душе», живое существо состоит из материи (тела) и формы (души), и душа как форма естественного тела неотделима от тела. Гераклит высказал иное понимание отношения души и смерти: *«когда мы живы, наши души умирают, а когда мы умираем, они воскресают и живут»* [Гераклит, 2012, с. 176]. Христианская аксиология другая: душа не умирает, она независима от тела, что показано воскресением Иисуса Христа. Смерть воспринимается рассказчиком как конец телесной жизни, но не установление тотального небытия, что имеет прямое отношение к вещи: по Шмелеву, вещь пронизана внутренним миром человека: *«в вещах ведь часть души человеческой остается, прилипает...»* (Шмелев, 2015, с. 54).

Итак, находясь в эпицентре социальной катастрофы, человек либо отдается смерти (доктор не дожил до весны), либо проявляет волю к жизни (рассказчик встретил весну). В повести поставлены

вопросы об онтологических доминантах в сознании человека, о роли свободы, воли человека и воли Творца в выборе между жизнью и смертью. По сути, Шмелев решает в повести один из первейших философских вопросов – о смерти и жизни. Если М. Монтень считал, что *«вся мудрость и все рассуждения в нашем мире сводятся, в конечном итоге, к тому, чтобы научить нас не бояться смерти»*, а удовольствия *«мимолетны, зыбки и преходящи»*, сопряжены с *«лишениями всякого рода»* [Монтень, 1990, с. 125], то, согласно Б. Спинозе, мудрость человека *«состоит в размышлении не о смерти, а о жизни»* [Спиноза, 1957, с. 576], потому что *«жизнь протекает в собственном измерении, где она имеет смысл и где может иметь смысл победа над смертью»* [Левинас, 2000, с. 270]. Мышление, по убеждению Спинозы, – причина всего.

Полагаем, что Шмелеву ближе мысль Спинозы. Но Спиноза – логик, обращенный к рациональным объяснениям бытия. Шмелев рассматривает энергию и энтропию не столько в контексте интеллектуального, мыслительного опыта человека, сколько как вопрос веры в Бога. Из приведенных нами выше обращений к положениям и выводам (порой парадоксальным, но созвучным полемике героев повести) трудов мыслителей показательными для сознания Шмелева являются утверждения о победе энергии как божественного замысла над энтропией, отвечавшие состоянию писателя: сам процесс создания «Солнца мертвых» возвращал ему, пережившему экзистенциальный кризис, веру в жизнь и Бога.

Литература

- Аббаньяно Н. Экзистенция как искусство // Введение в экзистенциализм. Пер. с итал., коммент., указ. Л. Зорина. СПб., 1998.
- Бланшо М. Смерть как возможность // Пространство литературы. Пер. с франц. М., 2002.
- Гераклит Э. Все наследие: на языках оригинала и в рус. пер. М., 2012.
- Достоевский Ф. Собр. соч. в 15-ти тт. Л., 1990. Т. 7.
- Ильин И. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1927–1934). М., 2000.
- Кормилов С. «Самая страшная книга» (Соотношение изобразительного и выразительного в «эпопее» Ивана Шмелева «Солнце мертвых» // Русская словесность. 1995. № 1.
- Лосский Н. Ценность и бытие. Бог и царство Божие как основа ценностей. Париж, 1931.
- Левинас Э. Тотальность и Бесконечное: за пределами лица // Избранное: Тотальность и Бесконечное. М., СПб., 2000.
- Монтень М. Опыты: в 3-х кн. Пер. с франц. М., 1991. Кн. 1.
- Ницше Ф. Сочинения: в 2-х тт. Пер. с нем. М., 1990. Т. 2.
- Ничипоров И. Русская литература и православие: пути диалога. М., 2019.

Спиноза Б. О человеческом рабстве или о силах аффектов // Избранные произведения: в 2-х тт. Пер. с лат. Н.А. Иванцова. М., 1957.

Топоров В. Вещь в антропоцентрической перспективе // Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М., 1995.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Шмелев И. Солнце мертвых. М., 2015.

References

Abbagnano N. *Vvedenie v ekzistencializm* [Introduction to Existentialism]. St. Petersburg, 1998.

Blanchot M. *Prostranstvo literatury* [Space of Literature]. Moscow, 2002.

Heraclitus E. *Vse nasledie: na yazykah originala i v rus* [All heritage: In the original languages and in Russian translation]. Moscow, 2002.

Dostoevsky F. *Sobr. soch.* [Collection of Works] In 15 vols. Leningrad, 1990. Vol. 7

Ilyin I. *Sobr. soch.: Perepiska dyuh Ivanov (1927–1934)* [Collection of Works: Correspondence of Two Ivanov (1927–1934)]. Moscow, 2000.

Kormilov S. «*Samaya strashnaya kniga*» (*Sootnoshenie izobrazitel'nogo i vyrazitel'nogo v «epopei» Ivana SHmeleva «Solnce mertvyh»*) [The Scariest Book (The Correlation of the Graphic and Expressive in the «Epic» by Ivan Shmelev «The Sun of the Dead»)]. *Russkaya slovesnost'* [Russian literature]. 1995. № 1.

Lossky N. *Cennost' i bytie. Bog i carstvo Bozhie kak osnova cennostej* [Value and Being. God and the Kingdom of God as the Foundation of Values]. Pairs, 1931.

Levinas E. *Total'nost' i Beskonechnoe* [Totality and Infinity]. St. Petersburg, 2000.

Montaigne M. *Opyty* [Experiments]. In 3 books. Moscow, 1990.

Nietzsche F. *Sochineniya* [Works]. In 2 vols. Moscow, 1990.

Nichiporov I. *Russkaya literatura i pravoslavie: puti dialoga* [Russian Literature and Orthodoxy: Ways of Dialogue]. Moscow, 2019.

Spinoza B. *Izbrannye proizvedeniya* [Featured Works]. In 2 vols. Moscow, 1957.

Toporov V. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz* [Myth. Ritual. Symbol. Form]. Moscow, 1995.

List of sources

Shmelyov I. *Solnce myortvyh* [The Sun of the Dead]. Moscow, 2015.

РЕПРОДУКТИВНЫЕ СРЕДСТВА ОБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПЕРМСКИХ ПРОЗВИЩ¹

М.В. Боброва

Ключевые слова: современные прозвища, цветообозначения, лингвокультурология, Пермский край.

Keywords: modern nicknames, color designations, cultural linguistics, the Perm territory.

DOI 10.14258/filichel(2020)1-03

В центре внимания в настоящей статье – современные прозвища как источник лингвокультурной информации, которую мы извлекаем из комплекса вторичных употреблений мотивирующих антропимы слов.

Изучение языковых данных в свете трансляции в них культуры того или иного народа ведется давно и плодотворно, исследователями выявляется специфика экспликации в языке знаний и представлений человека о мире, национального менталитета, индивидуальной языковой картины мира. Разрабатываются фундаментальные теории лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, этнолингвистики (см. труды Н.Д. Арутюновой, Н.Ф. Алефиренко, М.В. Голомидовой, Е.С. Кубряковой, В.Н. Телия, Н.И. Толстого, С.М. Толстой, представителей Уральской школы ономастики, этимологии и этнолингвистики, в первую очередь Е.Л. Березович, М.Э. Рут; мн. др.). Однако осуществляется это преимущественно на основе апеллятивных обозначений. Прозвища (далее также «пр.») в аспекте извлечения информации о менталитете их носителей и авторов (номинаторов) привлекались лишь в единичных работах (см., в частности, [Боброва, 2018; Осипова, 2017]).

В настоящее время прозвищные наименования – явление обиходно-бытового, живого, непосредственного общения. Вероятно, к этой группе лексики, как к никакой другой, приложима мысль о том, что «в ситуации обычного бытового общения образовательные, профессиональные, гендерные и возрастные особенности носителей языков существенно нейтрализуются» [Шкуропацкая, Уднармаа, 2017, с. 86] (но оговоримся: существенно, однако не абсолютно). В силу

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00555 «Мир и человек в зеркале имен собственных (на материале ономастики Пермского края)».

максимального отрыва от официальной сферы коммуникации такие компоненты антропонимической формулы оказываются уникальным по ценности источником сведений об актуальных процессах в языке и культуре.

Обратимся к современным прозвищам жителей Пермского края и проанализируем антропонимы, эксплицирующие сенсорные (чувственно воспринимаемые) характеристики поименованных людей. Остановимся на именовании, мотивированных цветом волос их носителей. Зададимся целью определить на основе указанной группы антропонимов репродуктивные средства выражения колористических характеристик человека. Осуществим это с применением мотивационного и семантического анализа (с учетом внутренней формы прозвищ и мотивировок, предложенных информаторами), количественного методов. И тем самым предпримем опыт лингвокультурного подхода к именам собственным данного разряда. Иными словами, рассмотрим современные прозвища как продукт речевого опыта номинаторов.

Материалом для анализа послужат прозвища жителей Пермского края, собранные нами для проектируемого словаря, архив которого на настоящий момент включает не менее 5000 единиц. Всего выявлено 186 онимов указанной группы (без учета повторяемости), 153 из которых принадлежит русским, 32 – коми-пермякам, 2 – татарам. Наши данные отражают антропонимикон, актуальный для жителей Перми и иных (главным образом сельских) населенных пунктов преимущественно в последние 30–50 лет. В качестве сопоставительных данных использованы прозвища русского и коми-пермяцкого населения края.

В силу нечеткости понятий «брюнет», «блондин» и «шатен» в настоящей работе мы не употребляем их в качестве терминологических единиц.

Прежде всего, представим отобранный языковой материал и опишем русские именованья.

Выделяется несколько групп таких антропонимов с достаточно четко очерчиваемыми границами, которые мы расположим по мере убывания количества фиксаций соответствующих онимов.

1. Прозвища людей с рыжими волосами.

Наиболее многочисленная группа, включающая 35 прозвищ, которые принадлежат 75 человекам: *Апельсин, Красный, Мамонтенюк, Никола Медный, Никотин, Ржавый Гвоздь, Ржавчина, Рыжий, Серьга Рыжий, Рыжальда, Солнышко, Чубайс*, др. Обращает на себя внимание обилие лексем с корнем *-рыж-* (39),

непосредственно обозначающих цвет волос носителей именований. Остальные единицы ассоциативного характера и отражают разного рода оттенки рыжего. Кроме того, подчеркнем высокую повторяемость некоторых прозвищ (*Рыжий, Рыжая, Рыжик*) и отдельных компонентов прозвищных единиц (*рыжий / рыжая* (32), *рыжик* (7), *ржавый / ржавая* (5), *красный* (5), *Чубайс* (4), *апельсин* (3)).

2. Прозвища людей с очень светлыми (белыми) волосами.

Вторая по численности группа, включающая 53 прозвища, которые принадлежат 52 человекам: *Альбинос, Альбик, Белый, Белый Абажур, Белая Ворона, Белая, Белка, Белобрысый, Блонди, Крыса, Полстакана Молока, Репей, Светлый, Седой*, др. Отмечается обилие онимов с корнем *-бел-* (21). В группе выделяется ядро из наиболее употребительных прозвищ и компонентов прозвищ (*Белый, Сметана; белый / белая* (17), *сметана* (7)).

3. Прозвища людей с очень темными (черными) волосами.

Третья по количеству прозвищ группа, включающая 8 онимов, которые принадлежат 9 человекам: *Воронко, Домкрат, Уголек, Цыган, Серьга Черный, Черный, Черная, Чугунка*. Выделяется ядерная группа слов с корнем *-черн-* (4) и периферийные элементы с единственным употреблением.

4. Прозвища людей с красными волосами.

Немногочисленная группа, которая включает 5 прозвищ людей с волосами, окрашенными в красный цвет: *Бориц, Борщовая, Вишня, Красноголовик, Свекла*. Прозвища примыкают к первой группе, что вытекает из формальных и содержательных признаков. На это указывают, в частности, лексические пересечения, ср.: *Красный* ‘прозвища людей с рыжими (огненно-рыжими) волосами’, *Красная Борода* ‘пр. мужчины с рыжей бородой’ – и *Красноголовик* ‘пр. школьницы, которая выкрасила волосы в ярко-красный цвет’¹. Кроме того, многие единицы первой группы образованы от лексики, связанной с обозначением какого-либо иного (желтого, коричневого) цвета с красноватым оттенком (ср. *Никола Медный, Мамонтенок*). При этом, как известно, в русской традиционной культуре красный и оранжевый (рыжий – о волосах) слабо различаются, в семиотической сфере они коррелируют вплоть до полной субституции (ср., например, широко известное «*Рыжий, красный – человек опасный*»). Цвета от желтого до коричневого могут рассматриваться как оттенки красного, амбивалентного по своему символическому содержанию (красный может символизировать жизнь, солнце, плодородие, здоровье, но также

¹ В пермских говорах *красноголовик* – ‘гриб подосиновик’.

служить цветом потустороннего мира, маркировать потусторонних персонажей) (см. [Белова, 1999, с. 647–651]). Немаловажным считаем и количественный показатель, а именно, малочисленность онимов данной группы в сравнении с первой.

5. Прозвища людей со светлыми (серыми) волосами.

Немногочисленная группа из 5 прозвищ: *Буска, Вишня Седая, Мыша, Одуванчик, Седой*. Данные прозвища примыкают к прозвищам второй группы: здесь мотивирующие слова выступают фактически как «оттеночные» по отношению к понятию «светловолосый человек», указывая в данном случае не на собственно белый или белый с желтоватым оттенком цвет волос, а на белый с серым (темноватым) оттенком.

6. Прозвища людей с коричневыми волосами.

Группа онимов включает 5 прозвищ: три индивидуальных – *Капитанка, Седой, Шоколадка*, два коллективных (два катойконима) – *Буры, Бурята*. Выделить ядерную группу не представляется возможным; все прозвища образованы от лексем, обозначающих оттенки коричневого. По своим характеристикам сближается со второй и третьей по численности группой прозвищ, называющих людей с очень темными (черными) или очень светлыми (белыми) волосами: четыре онима отражают темные оттенки коричневого, один (*Седой*) – именование русого (вероятно, светло-русого) человека¹.

7. Прозвища людей с желтыми волосами.

Группа, включающая единственную номинацию *Ланша* ‘пр. девушки с волосами ярко-пшеничного цвета’. Опосредует прозвища первой и второй группы.

Анализ прозвищ позволяет заключить, что помимо собственно языковых средств трансляции информации о такой характеристике внешности человека, как цвет волос, номинаторами используются некоторые стереотипные речевые средства. Это так называемые «репродуктивные сегменты», которые характеризуют речевой опыт участников коммуникации и обеспечивают потенциальные возможности дискурсивных систем, реализуются в конкретных

¹ Прозвища в большинстве случаев являются результатом языковой игры, возникают на основе нестандартных лексических, семантических, словообразовательных, фонетических и (или) иных смысловых, формальных, функциональных связей – результатом того, что мы называем «произвольными мутациями». Нетипичность последнего онима заключается в том, что здесь обнаруживается вовлечение в группу «коричневых» номинаций слова «седой» вследствие выбора номинаторами в качестве опорной – семы ‘светлый’ (*русый* – ‘светло-коричневый с сероватым или желтоватым оттенком. О волосах’ [Словарь ..., 1961, 1586 стб.]).

речевых произведениях (см. об этом [Гаспаров, 1996]). В данном ключе проведено множество исследований. В частности, М.Г. Шкуропацкой и Уднармаа Даваа на материале ассоциаций на базе русских и монгольских зоонимов экспериментально выявлено, что в качестве репродуктивных сегментов (так сказать, средств передачи регулярно воспроизводимой информации) могут выступать «коммуникативные фрагменты» (в терминологии Б.М. Гаспарова [Гаспаров, 2006]), прецедентные тексты и «нормативно-узуальные модели» (в терминологии Л.А. Каджая [Каджая, 2013]). Выводы исследователей приложимы и к ономастическим материалам.

1) Коммуникативный фрагмент – это «целостный отрезок речи, который говорящий способен непосредственно воспроизвести в качестве готового целого в процессе своей речевой деятельности и который он непосредственно опознает как целое в высказываниях, поступающих к нему извне» [Гаспаров, 1996, с. 118]. Они не закреплены узуально, однако обладают узнаваемостью и «иллюзионной подвижностью, делающей его способным к бесконечным модификациям в различных, никогда не повторяющихся условиях употребления» [Гаспаров, 1996, с. 129], могут, в частности, находить разное лексическое воплощение, но при этом демонстрировать повторяемость отдельных лексических, семантических, словообразовательных элементов модификатов. Ср., например, модификации коммуникативных фрагментов для стимула *верблюд*, по данным эксперимента в [Шкуропацкая, Уднармаа, 2017]: 1) плюется как верблюд (как верблюд плюется; плюешься, как верблюд; плюнет как верблюд; плевать как верблюд; плюешь как верблюд; плюет как верблюд); верблюд плюется; харкаешь, как верблюд; 2) пьет как верблюд; верблюд, а пьет, как лошадь; верблюд может не пить очень долго; 3) горбатый как верблюд; верблюд имеет два горба; горбатый; горбатый как верблюд; два горба, два пути; одногорбатый верблюд, двугорбатый верблюд; у верблюда 2 горба, потому что жизнь борьба; 4) верблюд – корабль пустыни (верблюды – корабли пустыни); верблюд такси пустыни; 5) выносливый, как верблюд (выносливый как верблюд); стойкий как верблюд; стоический верблюд. Материалы показывают, что при реализации отдельных коммуникативных фрагментов в речи актуализируются различные грамматические формы слов и синтаксические структуры, отдельные элементы словообразовательных гнезд, синонимы, устойчивые выражения, что позволяет реконструировать следующие признаки верблюда: 1) плюется; 2) пьет много / долго не пьет; 3) горбатый; 4) корабль пустыни; 5) выносливый.

Коммуникативные фрагменты, безусловно, находят свое выражение в прозвищах. Полагаем, именно такие речемыслительные

связи определили появление онимов *Рыжик* (*Просто я рыжая-бесстыжая, и друзья меня ласково Рыжи́ком зовут. Я даже кот своего Рыжи́ком назвала*), *Рыжая Мочалка* (прозвище преподавательницы, данное ей студентами за рыжие волосы и развязное поведение) или *Рыжий-шалавый*, которые реконструируют представления об особенностях поведения рыжеволосых людей – вероятно, такого же яркого, нестандартного, вызывающего, как и их волосы. Ср. и такую номинацию, как *Лиса* (‘пр. девушки, которой нравятся лисы и которая обладает рыжими волосами, отличается хитростью’).

Полученные данные соотносятся с результатами ассоциативных экспериментов. Ср., например, с материалами «Русского ассоциативного словаря» [Караулов, Черкасова и др., 2002, с. 566] (выделим полужирным шрифтом наиболее значимые для настоящего исследования реакции): **РЫЖАЯ** – кошка, лиса, собака, бесстыжая, девочка, кобыла, борода, девушка, девчонка, белка, волосы, голова, корова, коса, лошадь, солнце, черная, баба, Балтер, бестия, вошь, девка, детство, солнце, **есть такой цвет**, жаба, клоун, конопатая, красавица, крыса, лохматая, лошадка, мех, надежда, обезьяна, огонь, пыжик, ржавчина, **сволочь**, седой, собачонка, Соня, стена, **стерва, сука, тварь**, уродина, цветная, ярко; **РЫЖИЙ** – кот, конопатый, конь, пес, клоун, цвет, человек, волос, волосы, лис, мальчик, парень, козел, белая ворона, бестия, Вася, в веснушках, ведьма, галстук, гоблин, жарый, зеленый, котенок, красный, Лешка, лопата, мальчишка, Миха, **окрас**, парик, пацан, песенка, пыжий, **рыжие волосы**, смешливый, собака, солнце, страус, таракан, тушканчик, урод, ус, хвост, **цвет волос**, цветок, **человек с рыжими волосами**, черный, черт, чижик, ярко-красный. Эти данные позволяют реконструировать, в частности, такие коммуникативные фрагменты, которые аналогичны реконструируемым на прозвищном материале: «рыжий (рыжеволосый) человек», «рыжий-бесстыжий», «рыжий – опасный».

Особенно показательным представляется наличие буквальных лексических пересечений в нашем архиве и в ассоциативном словаре (*Рыжик. Просто я рыжая-бесстыжая...* – и **РЫЖАЯ бесстыжая; Белка** – и *белка; Лиса* – и *лиса; Огонь* – и *огонь; Ржавчина* – и *ржавчина; Солнце* – и *солнце*; др.).

Обобщение признаков, которые транслируются антропонимами из нашего архива, позволяет определить, что *рыжим* приписывается внешнее сходство с лисой или белкой и такие свойства, как хитрость, бессовестность, развязность, а также «как Чубайс». В Пермском крае зафиксировано четыре номинации *Чубайс*, но все в разных районах;

более того, это нередкий зооним (кличка рыжих котов). Как следствие, фамилию соответствующего политика можно уже рассматривать в качестве прецедентного имени.

2) Прецедентные тексты также обыгрываются в наших материалах. В настоящем случае мы придерживаемся «узкой» трактовки данного термина, приближенной к исходному его толкованию автором понятия – Ю.Н. Карауловым (о разных трактовках термина см. [Петрова, 2010]): прецедентный текст – факт культуры индивида, социальной или национальной группы, человеческого сообщества в целом, регулярно воспроизводимый речевой отрезок, обладающий устойчивыми ассоциациями и способный к реинтерпретации (то есть переосмыслению, наделению новыми смыслами на базе исходных). В процессе создания прозвищ признаки прецедентных текстов приобретают, в частности, фразеологизмы.

Так, в нашем материале очень широко представлены именованья с мотивирующим словом *белый*, которое выступает не только в современном прямом значении ‘самый светлый из цветов; (что-либо) такого цвета’. Любопытно уже то, что непосредственная речь демонстрирует живость древнейших значений этого слова: «...первоначальное значение белого не было цветовым: слово означало «светящийся», «блестящий, сверкающий»..., характеризовалось семантическим синкретизмом – имело также значения «светлый», «прозрачный», «чистый», «бесцветный». Появление значения цвета в семантике лексемы датируют XIII веком...» [Григорьева, Григорьева, 2018, с. 75]. Показания современных пермских прозвищ согласуются с выводом Р.В. Алимпиевой, которой экспериментально как наиболее значимые выявлены ассоциативные признаки «светлый» и «чистый» [Алимпиева, 1976]. Наиболее востребованными в прозвищах оказались значения ‘светлый’, ‘белесый’, ‘бесцветный’: преимущественно это именованья блондинов с очень светлыми, иногда близкими к белому цвету, но редко белыми волосами. В предложенных информантами мотивациях это отражается в следующих формулировках: *Из-за светлых волос; Очень светлые волосы, глаза; Светлые волосы; Светловолосая девушка; За светлые волосы*; под. Кроме того, показательным представляется то, что другие лексемы, передающие аналогичное значение, единичны по употреблению: **Блонди, Блондин, Светлый, Белобрысый, Репей, Бройлер, Лубяночка** (по 1), **Перекусь** (2). Ср. также пермское диалектное *белошарый* ‘со светлыми (серыми, прозрачными) глазами’.

В ряд «белых» прозвищ оказалось вовлечено устойчивое (а значит, прецедентное) выражение *белая ворона*. В соответствующем ониме,

прежде всего, было вновь актуализировано представление о цвете оперения ворон, которым свойствен серо-черный окрас и не свойствен, даже чужд белый. Семантика устойчивого выражения *белая ворона* ‘человек, который выделяется на фоне других своим поведением и (или) системой ценностей’ была востребована лишь частично. В результате имеем синкретизм значений прямой и прецедентной номинаций (***Белая Ворона*** (он же ***Белый*** и ***Ворона***)) – человек, который выделяется на фоне остальных цветом волос), а как следствие, базу для развития потенциального обобщенного значения ‘человек, который чем-либо отличается от других (внешностью, поведением, системой ценностей), но не обязательно противостоит другим членам сообщества’. Тем самым при возникновении фразеологизма *белая ворона* в соответствии с выводами исследователей основой вторичных (переносных) значений цветообозначений выступили ассоциативные признаки, а не ядерные семы (см. об этом [Дорожкина, 1999]). Но в прозвище устойчивое выражение стало «жертвой» языковой игры номинаторов: оно подверглось частичной деэтимологизации (путем прояснения исходного значения) и реинтерпретации, а вследствие этого оказалось вовлечено в семантические процессы.

Результат переработки языковых текстов усматривается также в прозвищах ***Одуванчик*** (именование мужчины с седыми «пышными» волосами, используемое в среде преступников; ср. фразеологизм *божий одуванчик* ‘старый, дряхлый, тихий и беззащитный человек (чаще – о кроткой, безобидной старой женщине)’ [Мокиенко, Никитина, 2007, с. 462]), ***Златовласка*** («заглазное» именование рыжеволосого школьника; ср. имя женского персонажа (принцессы) одноименной чешской сказки), ***Красная Борода*** (именование мужчины с рыжей бородой; ср. номинацию персонажа французской сказки *Синяя Борода*), др., в которых номинаторами были обыграны устойчивые выражения и широко известные именованья персонажей фольклорных и литературных произведений.

3) Нормативно-узуальные модели построения соответствующих номинаций также могут быть выделены на материале прозвищ, характеризующих человека по цвету волос.

Преобладающее количество исследуемых онимов является однословными единицами. Самым распространенным способом номинации следует считать самостоятельное употребление атрибутивных слов в прямом значении (то есть примеры субстантивации в мотивационной модели «цвет (волос)» > «прозвище»), «(прозвище человека с волосами) определенного цвета»: ***Рыжий, Белый, Черный, Рыбий, Красный, Седой, Сивый***. Кроме того, выделяются следующие,

более характерные для системы прозвищ модели, возникающие в результате метафорического или метафорико-метонимического («метафтонимического») переосмысления лексики: «(прозвище человека с волосами) цвета определенного предмета» (*Уголек, Солнце, Солнышко*), «(прозвище человека с волосами) цвета плода определенного растения (фрукта, корнеплода, ягоды и т. п.)» (*Апельсин, Вишня, Кокос, Свекла*), «(прозвище человека с волосами) цвета определенной пищи» (*Липша, Сметана, Шоколадка*), «(прозвище человека с волосами) цвета шерсти определенного животного» (*Лиса, Мамонтенок*), «(прозвище человека с волосами) как у представителя определенной национальности или народности» (*Цыган*), некоторые другие. Помимо этого, следует выделить модели, возникшие в результате словообразовательных процессов, например: «цвет (волос) + суффикс *-янк(а)*» (*Белянка*), «цвет (волос) + суффикс *-яш-*» (*Беляш*), «цвет (волос) + финаль *-альда*» (*Рыжальда*; ср. иноязычные женские личные имена типа *Ромуальда, Розальда, Миральда*), «транспозиция атрибутива, характеризующего предмет определенного цвета» (*Пятитысячная*). При этом можно говорить о продуктивных и малопродуктивных моделях. Так, в рассматриваемой группе прозвищ продуктивны лексические и лексико-семантические преобразования по модели «(прозвище человека с волосами) определенного цвета», «(прозвище человека с волосами) цвета плода определенного растения (фрукта, корнеплода, ягоды и т.п.)», «(прозвище человека с волосами) цвета шерсти определенного животного», малопродуктивны аффиксальные словообразовательные модели. Очень высокая частотность транспонированных форм, с нашей точки зрения, позволяет судить в целом об актуальности (продуктивности) субстантивации в русском языке на современном этапе.

Характерно, что в случае множественности мотивации наблюдается усложнение базовых моделей. И наряду с подобными номинациями встречаются прозвища полилексемные. Так, в наших материалах присутствуют именованья светловолосых людей на основе названий молочных продуктов. Особенно востребована апелляция к цвету сметаны (*Сметана*), но в том случае, когда номинация передает сразу несколько характеристик человека, переосмысляется и «образ» продукта, ср.: *Полстакана Молока* 'пр. подростка со смуглой кожей и светлыми волосами'. Можно предположить, что косвенно так передается степень выраженности признака – насыщенность цвета волос в первом случае и более слабая окраска (некая неполноценность, неполнота проявления признака, подчеркнутая лексемой «полстакана») во втором. Но и такие прозвища едва ли следует считать фактом реализации

нормативно-узуальных моделей (в понимании Л.А. Каджая), в данном случае в силу единичности их употребления.

Полноценным примером воплощения нормативно-узуальных конструкций является модель «личное имя + атрибутивное слово»: *Миша Белый, Ванька / Миша / Серьга Рыжий, Настя Рыжая, Коля Седой, Серьга Черный*. Данная модель генетически связана с наиболее распространенными случаями субстантивации атрибутивов и, вероятно, предшествовала последней. В подобных наименованиях реализована функция прозвищ, наиболее востребованная в коммуникативной среде сельчан, – дифференцирующая, в то время как в речи горожан, особенно молодых жителей города, чаще востребована функция маркирующая (наделение прозвищами «своих», то есть членов данной социальной группы, в отличие от «чужаков», которым отказывается в «совсем собственном» именовании).

Сравнение наблюдений, сделанных на материале русских прозвищ, с наблюдениями над коми-пермяцкими онимическими данными позволяет уточнить выводы.

В частности, обнаруживается, что состав прозвищ коми-пермяков, проживающих в Пермском крае, в значительной степени аналогичен составу именовании русских. Здесь также выделяется три основные группы прозвищ, называющих людей с рыжими (15), очень темными (9) или очень светлыми (7) волосами, но помимо этого группа с единичным именованием русоволосого человека: *Гөрд* (< *görd* ‘рыжий’), *Руду Кирилл* (< *руд* ‘русый, русоволосый’), *Рыжой Лиса* (< *рыжой* ‘рыжий’), *Рыжий, Рыжко, Съд Иван* (< *съд* ‘черный’), *Чиганка* (< *чиганка* ‘цыганка’), *Кольк Кыш, Кольть Кыш* (< *кольть*, диалект. *кольк* ‘яичный’, *кыш* ‘скорлупа’), *Чочком Сеня* (< *чочком* ‘белый, светлый’), др.

Обращают на себя внимание следующие параллели с русскими именованями: 1) отмечается частотность единиц с корнем *-рыж-* (8 онимов из 31); 2) в антропонимах актуализируются понятия, аналогичные тем, которые обнаруживаются в русских именованях (ср. *Ржавый, Ржавая, Ржавый Гвоздь, Ржавый Гвоздик* – и *Сімём* (< *сімём* ‘ржавый’); *Красный, Красная Борода* – и *Гөрд, Гөрд Иван, Гөрд Тань, Гөрд Сизь род* (коллективное прозвище членов семьи, глава которой носит прозвище *Гөрд Сизь*)), иногда привлекаются тождественные лексемы (ср. прозвища русских и коми-пермяков *Банан, Рыжий / Рыжой, Цыган / Чиган*). Отличает антропонимации коми-пермяков следующее: 1) отсутствуют именованя людей с красными, желтыми и серыми волосами; 2) единственное прозвище отражает коричневый цвет волос человека, причем, в отличие от русских, только

светлого оттенка (*Руду Кирилл* < *руд* ‘русый’); 3) у разных народов в аналогичных лексемах могут актуализироваться разные пласты информации. Так, у русских антропонимы *Ржавый, Ржавая, Ржавый Гвоздь, Ржавый Гвоздик* манифестируют только оттенок цвета волос носителей онимов. У коми-пермяков, помимо этого, оказалось актуализированным представление о вызываемых ржавчиной разрушениях: *Сімӧм* ‘пр. рыжеволосого веснушчатого человека’ и ‘пр. мальчика с гнилыми зубами’; у русских мотивация, аналогичная последней, дала более конкретную номинацию *Кариес*.

Здесь так же обнаруживается опора на коммуникативные фрагменты, один из которых нашел отражение в ониме *Рыжӧй Лиса* (‘пр. хитрой рыжеволосой женщины’). Прозвище сближается по своим особенностям с русскими именованиями рыжеволосых (и одновременно хитрых) людей, в том числе с прозвищем *Лиса*.

В прозвищах коми-пермяков тоже обыгрываются прецедентные тексты, главным образом имена собственные: *Африка* как место обитания людей со специфичной внешностью (*Африка* – ‘пр. черноволосого кудрявого человека с характерными чертами лица’); *Изаура*, персонаж бразильского телесериала, мулатка (*Изаура* – ‘пр. женщины с длинными черными волосами’); *Чапаев*, известный полководец времен Гражданской войны (*Чанай* – ‘пр. темноволосого мужчины с пышными усами, как у Чапаева’).

Меньшее количество зафиксированных прозвищ коми-пермяков предопределило меньшее количество моделей употребления лексики в онимах. В то же время в этой группе именований выявлена модель, не востребованная в русских антропонимах, – «(прозвище человека с волосами) цвета определенного насекомого» (*Таракан Сень*, букв. «таракан Семен» – ‘пр. мужчины с длинными рыжими усами’).

Оговоримся, однако, что в значительной степени аналогии в построении прозвищ могут объясняться тем, что русские и коми-пермяки значительное время проживают на территории Пермского края совместно.

Татарские прозвища исследуемой группы в нашем архиве единичны (*Акбаши* (< *ак* ‘белый’, *баши* ‘голова’) ‘пр. светловолосого человека’, *Аккош* (< *ак* ‘белый’, *кош* ‘птица’) ‘пр. человека с родовой особенностью – белой прядью волос’). И, хотя в них также в какой-то степени отражаются сделанные нами наблюдения, опираться на столь малое количество данных в качестве сопоставительного материала считаем некорректным.

Таким образом, проанализированные прозвища подтверждают выводы, сделанные нашими предшественниками на основе апеллативов,

и позволяют говорить о том, что в процессе словотворчества номинаторы опираются на имеющиеся в их речевом опыте репродуктивные средства (ср. [Каджая, 2013, с. 100; Шкуропацкая, Уднармаа, 2017, с. 100]), которые при этом обладают не только и не столько индивидуальной, сколько социальной значимостью. Причем эти средства способны иметь универсальный характер, используются в речевой практике носителями разных лингвокультур.

Однако это заключение недостаточно конкретно и в большой степени ожидаемо. Полагаем, далее возникает необходимость уточнить этот промежуточный вывод применительно к прозвищам: в чем же заключается специфика таких имен собственных в сравнении с апеллятивами и иными антропонимами?

Ответ мы усматриваем в функционально-прагматической сфере. Если основное назначение нарицательных имен – указать на типичное в называемом объекте (обозначить принадлежность к определенному классу явлений действительности), то функция прозвищ – идентифицировать, дифференцировать, а в конечном итоге индивидуализировать номинируемых лиц, «проявить» в типичном нетипичное. В этом смысле прозвища противостоят даже наиболее близким им в русской ономастической системе личным именованиям, отчествам или фамилиям, поскольку те передают лишь самые общие признаки называемого объекта (мужское или женское имя указывает на гендерную характеристику, присутствие или отсутствие отчества – на социальное половозрастное положение, фамилия – на национальную принадлежность). Прозвища оказываются единственной антропонимической единицей, способной манифестировать индивидуальные свойства человека¹. Самое главное, что объединяет исследованные прозвищные именования – основной принцип их образования: теми или иными способами в них отражаются некие

¹ Не можем согласиться с М.Г. Ивановой, в работе которой утверждается, что современные имена выступают как единицы «с мотивированным внутренним значением» [Иванова, 2017, с. 185], так как большая часть русского именика иноязычного (латинского, древнееврейского, древнегреческого, иного) происхождения и при наречении новорожденных исходные значения имен редко учитываются родителями и нечасто известны окружающим. Встречаются немногочисленные имена с прозрачной внутренней формой (типа Владимир – «владеющий миром», Святослав – «святая слава»), но так или иначе в русской традиции личные антропонимы используются не в квалитативной, а в оптаивной функции. Это становится одной из отправных точек для появления прозвищ (наше сознание не терпит «пустых знаков», хотя бы и социально функциональных) и отличает русские традиции номинации детей от традиций в других культурах, например в татарской (см., в частности, [Хазиева-Демирбаш 2016]), где имена выступают и в оптаивной, и в квалитативной функциях.

отклонения во внешности (а иногда также в поведении) людей, которые выделяют последних на фоне обычных с этой точки зрения представителей сообщества.

Апеллятивы и их сочетания (коммуникативные фрагменты или прецедентные тексты, нередко построенные по определенным моделям), как хранилища речевого опыта, обеспечивают материал для дальнейшей его обработки в процессе живой непосредственной коммуникации. В прозвищах же оттачиваются имеющиеся, рождаются и умирают новые модели словообразования, языковые значения и оттенки слов, ономаσιологические принципы, культурные коннотации. Ономастическое пространство в прозвищной его части оказывается той «кухней» или «полигоном», на котором проходят активнейшие процессы становления языка – закрепления одних речевых средств и расшатывания других.

Литература

- Алимпиева Р.В. Семантическая структура слова *белый* // Вопросы семантики. Л., 1976. Вып. 2.
- Белова О.В. Красный цвет // Славянские древности: в 4-х тт. М., 1999. Т. 2.
- Боброва М.В. Соматизмы в современных прозвищах Пермского края // Вопросы ономастики. 2018. № 2.
- Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Григорьева Т.В., Григорьева А.Р. Оценочно-символический потенциал лексемы *белый* // Филология и человек. 2018. № 2.
- Дорожкина Т.Н. Члены языковой оппозиции «черный – белый»: лексическая и прагматическая семантика // Исследования по семантике. Уфа, 1999.
- Иванова М.Г. Традиционные особенности русских и китайских именных формул в контексте межкультурной коммуникации // Филология и человек. 2017. № 3.
- Каджая Л.А. Коммуникативные фрагменты и контуры высказывания как конститuentы речевого жанра // Вестник Пермского университета. Русская и зарубежная филология. 2013. Вып. 3 (23).
- Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Русский ассоциативный словарь: в 2-х тт. М., 2002. Т. 1.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М., 2007.
- Осипова К.В. Диалектные прозвища Русского Севера, образованные от названий пищи: этнолингвистический аспект // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 1.
- Петрова Н.В. Эволюция понятия «прецедентный текст» // Вестник ИГЛУ. 2010. № 2.
- Словарь современного русского литературного языка: в 17-и тт. М.; Л., 1961. Т. 12.
- Хазиева-Демирбаш Г.С. Этнокультурные особенности татарских личных имен с компонентами цветообозначений // Филология и человек. 2016. № 4.
- Шкуропацкая М.Г., Уднармаа Даваа. Коммуникативные фрагменты и прецедентные тексты как способы фиксации языкового сознания носителей монгольского и русского языков (на материале слов-зоонимов) // Филология и человек. 2017. № 3.

References

- Alimpieva R.V. *Semanticheskaya struktura slova belyy* [Semantic Structure of the Word White]. *Voprosy semantiki* [Problems of Semantics]. Leningrad, 1976. Iss. 2.
- Belova O.V. *Krasnyy tsvet* [Red Color]. *Slavyanskije drevnosti* [Slavic antiquities]. In 4 vols. Moscow, 1999. Vol. 2.
- Bobrova M.V. *Somatizmy v sovremennykh prozvizhchakh Permskogo kraja* [Somatism in Modern Nicknames of the Perm Region]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics]. 2018. № 2.
- Gasparov B. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, Memory, Image. Linguistics of Language Existence]. Moscow, 1996.
- Grigor'eva T.V., Grigor'eva A.R. *Otsenочно-simvolicheskiy potentsial leksemy belyy* [Evaluative and Symbolic Potential of the Word White]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2018. № 2.
- Dorozhkina T.N. *Chleny yazykovoy oppozitsii «chernyy – belyy»: leksicheskaya i pragmaticheskaya semantika* [Members of the Language Opposition «black – white»: Lexical and Pragmatic Semantics]. *Issledovaniya po semantike* [Research on Semantics]. Ufa, 1999.
- Ivanova M.G. *Traditsionnye osobennosti russkikh i kitayskikh imennykh formul v kontekste mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Traditional Features of Russian and Chinese Nominal Formulas in the Context of Intercultural Communication]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2017. № 3.
- Kadzhaya L.A. *Kommunikativnye fragmenty i kontury vyskazyvaniya kak konstituenty rechevogo zhanra* [Communicative Fragments and Contours of Utterance as Constituents of Speech Genre]. *Vestnik Permskogo universiteta. Russkaya i zarubezhnaya filologiya* [Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology]. 2013. Iss. 3 (23).
- Karaulov Yu.N., Cherkasova G.A., Ufimtseva N.V., Sorokin Yu.A., Tarasov E.F. *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian Associative Dictionary]. In 2 vols. Moscow, 2002. Vol. 1.
- Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [Large Dictionary of Russian Sayings]. Moscow, 2007.
- Osipova K.V. *Dialektnye prozvizhcha Russkogo Severa, obrazovannye ot nazvaniy pishchi: etnolingvisticheskiy aspekt* [Dialectal Nicknames of the Russian North, Formed from the Names of the Food: Ethno-linguistic Aspect]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics]. 2017. Vol. 14. № 1.
- Petrova N.V. *Evolyuksiya ponyatiya «pretsedentnyy tekst»* [Evolution of the Concept of «Precedent Text»]. *Vestnik IGLU* [Bulletin of ISU]. 2010. № 2.
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Modern Russian Literary Language]. In 17 vols. Moscow, Leningrad, 1961. Vol. 12.
- Khazieva-Demirbash G.S. *Etnokul'turnye osobennosti tatarskikh lichnykh imen s komponentami tsvetooboznacheniy* [Ethnocultural Features of Tatar Personal Names with Components of Color Meanings]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2016. № 4.
- Shkurupatskaya M.G., Udnarmaa Davaa. *Kommunikativnye fragmenty i pretsedentnye teksty kak sposoby fiksatsii yazykovogo soznaniya nositeley mongol'skogo i russkogo yazykov (na materiale slov-zoonimov)* [Communicative Fragments and Precedent Texts as Ways of Fixing of the Language Consciousness of Mongolian and Russian Speakers (on the material of zoonym words)]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2017. № 3.

**РОЛЬ СМЕШАННЫХ ФОРМ ЧУЖОЙ РЕЧИ
В РОМАНЕ Е. АЙПИНА «БОЖЬЯ МАТЕРЬ
В КРОВАВЫХ СНЕГАХ»**

Г.В. Кукуева

Ключевые слова: хантыйская литература, идиостиль Е. Айпина, речевая организация текста, чужая речь, смешанные формы чужой речи.

Keywords: the Khanty literature, individual style of E. Aypin, speech organization of the text, non-author's speech, mixed forms of non-author's speech.

DOI 10.14258/filichel(2020)1-04

Творчество хантыйского писателя Е. Айпина представляет собой самобытное явление современной литературы, демонстрирующее особую индивидуально-авторскую языковую картину мира. Повествовательная структура произведений писателя характеризуется соединением элементов славянской культуры с этнокультурными традициями хантов. Как отмечают исследователи [Исакова, 2018; Лагунова, 2007; Косинцева, Куренкова, 2010], важное место в эстетике Е. Айпина занимает проблема выбора модели ценностного устройства мира, проверенной и подтвержденной жизнью реального народа, отграничение своей модели от иной («чужой») ценностной модели. Особое место в данной модели отводится языку, на котором пишет автор и на котором говорят и думают его герои. В связи с этим выбор русского языка для изображения своего народа в условиях «смены эпох» – это не выбор чистой модели определенного языка, напротив, как отмечает Ю. Вэлла в «Посвящении читателю», предваряющем книгу Айпина «Белые крики»: «это рожденный процессом жизни “ненецко-хантыйско-русский язык в ненецко-хантыйско-русской форме”» [Вэлла, 1996, с. 8]. Выбор художником слова способа коммуникации также связан с «возможностью через русский язык достигнуть сознания всех своих родственников, живущих в различных концах мира, послать им весть о жизни и вере, сделать это поверх барьеров диалектной раздробленности национальных языков» [Лагунова, 2007, с. 4].

Таким образом, переплетение в художественном слове Е. Айпина двух способов осмысления мира и его интерпретации формирует мозаичность стиля писателя и выдвигает на первое место изучение

стилистических особенностей организации речевой композиции, форм взаимодействия авторской и персонажной речи.

Актуальность данной проблемы продиктована в первую очередь тем, что исследователи творчества писателя акцентируют свое внимание на изучении символики, мотивов, эстетико-философских проблем, типологии героев Е. Айпина [Лагунова, 2007; Косинцева, Куренкова, 2010; Сязи, 2017; Цимбалистенко, 2005]. Языковые особенности рассматриваются в аспекте отражения региональных и национальных констант в идиостиле писателя [Агакишеева, 2016; Исакова, 2018]. При этом практически без внимания оставлена проблема композиционно-речевой организации текстов (подробно об этом см.: [Кукуева, 2018]). Вторым важным фактором служат динамические процессы в сфере синтаксиса художественной речи середины XX – начала XXI веков. Динамика данных процессов, по мнению Е.А. Покровской [2005], Н.Н. Будниковой, О.В. Марьиной [2018], заключается в слиянии или в расчленении единства синтаксического строя высказывания. Несмотря на то, что исследователи описывают данные процессы в проекции на русский художественный прозаический текст, представляется возможным рассмотреть с этой точки зрения также синтаксическую организацию текстов региональной литературы. Творчество русскоязычных писателей ненцев и хантов Западной Сибири последней трети XX века определяется нами, вслед за Т.Л. Рыбальченко и С. Залыгиным, как неотъемлемая часть русской литературы.

В сфере речевой композиции динамические процессы в синтаксисе художественной речи проявились в повышении функциональной значимости конструкций с косвенной и несобственно-прямой речью; в образовании смешанных форм чужой речи, не имеющих явных традиционных синтаксических, пунктуационных и графических сигналов смены речевых субъектов, в устранении речевой партии повествователя или ее слиянии с речью главного героя.

Актуальность выдвигаемой проблемы подтверждается намечившимся в работах айпиноведов противоречием в описании стилистических особенностей произведений автора. Так, например, К. Я. Лагунов отмечает четкую разграниченность речевых зон каждого из героев и автора, правдоподобность речи по лексическому и интеллектуальному критериям (цит. по: [Лагунова, 2007, с. 13]). В работах же О.К. Лагуновой [2007], С.А. Исаковой [2018] говорится об ослабленности разграничения речевых зон автора и героя, о недифференцированности стилей речи в тексте. Исследуя роман

«Божья Мать в кровавых снегах», А. Цукор отмечает: «<...> авторское «я» пронизывает все литературные образы романа, выявляет нерасторжимую внутреннюю связь с его центральным образом – Матерью Детей» [Цукор, 2004, с. 6].

Цель данной статьи: проанализировать смешанные формы чужой речи с точки зрения их роли в стилистике романа Е. Айпина «Божья Мать в кровавых снегах».

Объект исследования – композиционно-речевая структура текста, а именно, речевые партии персонажей и повествователя репрезентируемые конструкциями с прямой, косвенной, тематической, несобственно-прямой речью.

Предметом исследования выступают смешанные формы чужой речи¹, представленные в романе Е. Айпина «Божья Мать в кровавых снегах».

Для проводимого исследования первостепенное значение имеет концепция диалогической природы высказывания М.М. Бахтина, а также теория чужой речи, представленная в работах В.Н. Волошинова, Н.А. Кожевниковой, Г.Н. Чумакова. При работе с текстовым материалом мы опирались на определение чужой речи как «высказывания другого субъекта, первоначально совершенно самостоятельное, конструктивно-законченное и лежащее вне данного контекста. <...> Авторское высказывание, принявшее в свой состав другое высказывание, вырабатывает синтаксические, стилистические и композиционные нормы для его частичной ассимиляции, для его приобщения к синтаксическому, композиционному и стилистическому единству авторского высказывания, сохраняя в то же время, хотя бы в рудиментарной форме, первичную самостоятельность (синтаксическую, композиционную, стилистическую) чужого высказывания, без чего полнота его неуловима» [Волошинов, 1930, с. 113].

В ходе анализа речевых партий повествователя и персонажей романа Е. Айпина «Божья Мать в кровавых снегах» нами было установлено, что репрезентантами «слова» повествователя выступают авторский монолог и ремарка. Персонажная речь реализуется в структуре диалогических и монологических единств. Однако наиболее частотным способом воспроизведения речи повествователя и персонажей являются смешанные формы. В композиционно-речевой структуре романа показательны текстовые фрагменты, в которых

¹ Под смешанными формами чужой речи в работе понимается «совмещение нескольких типов чужого высказывания в рамках отдельно взятого текстового фрагмента» [Кукуева, 2018, с. 73].

представлено совмещение косвенной, тематической, прямой и несобственно-прямой речи.

В данной статье детально проанализируем примеры, наиболее ярко отражающие взаимодействие речевых партий повествователя и персонажей в рамках смешанных конструкций с чужой речью. Отбор текстового материала для анализа производился с учетом 1) принадлежности фрагмента субъектно-речевой сфере повествователя, субъектно-речевой сфере положительного (Мать Детей) или отрицательного (командир красных Чухновский) персонажа, 2) композиционной важности фрагмента в содержании романа, 3) варианта воспроизведения чужой речи.

Центральным образом романа является Мать Детей – Вера Саввична. С одной стороны, она хранительница очага, нежная, кроткая, любящая мать, с другой стороны, волевой, сильный человек, женщина-воин, вставшая на защиту своего рода и своих детей. Внутренняя сила Веры Саввичны просматривается в деталях описания автором ее облика: *«Голова ее с ровным пробором черных волос, сплетенных в две косы, прикрытых цветастым платком, была высоко поднята. Со строгим и непроницаемым выражением она смотрела на тихо бормочущий в чувале огонь. Сидела она неподвижно, словно была высечена из камня. Потом, когда младенец оставил грудь и шевельнулся, она очнулась от своих потаенных мыслей, чуть заметно улыбнулась огню за тепло и склонила голову на дитя, повернув его лицом к очагу. С живою любовью и нежностью она глядела на него»* (Айпин, 2014, с. 96)¹. Лаконичность и сдержанность в описании Веры Саввичны – это своего рода стилистический прием, за которым скрывается манера восприятия мира хантами. В приведенном фрагменте героиня предстает перед читателем как Мать – хранительница очага и продолжательница рода. Внутренняя сила характера героини просматривается в использовании емкой метафоры, указывающей на величавость матери, кормящей ребенка: *«сидела неподвижно, словно высечена из камня»*. На протяжении всего романа просматривается тесная связь образа главной героини с образом иконы Божьей Матери: *«Главарь от неожиданного напора отшатнулся назад и, не выдержав жгучего огня материнских очей, невольно мотнул головой вправо-влево. И тут увидел вторую женщину с ребенком: прижав малыша к правому плечу и призывно подняв левую руку к груди, излучая светлым ликом ровный свет, она кротко и добро смотрела на*

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на текст из списка источников Айпин Е. Собрание сочинений в 4-х тт. СПб., 2014. Т. 4. Божья Мать в кровавых снегах.

него. <...> Он не сразу сообразил, что перед ним **икона Божьей Матери**» (Айпин, 2014, с. 21-22).

Речь героини романа представлена в структуре диалогических (общение с другими персонажами, с детьми) и монологических единств (обращение к Божьей Матери, Хозяину Верхнего мира, к мифическим существам; молитвы, заговоры, плачи по убиенным детям). Особое место в композиционно-речевой организации романа занимают текстовые фрагменты, в которых переплетаются «голоса» автора и героини.

«На стоящей впереди нарте, внутри меховой полости, в люльке спал самый младший – Савва. Мать хотела взять его на руки, чтобы летчик видел: вот, мол, самый младшенький, он еще не ходит, на руках его носим. Не станешь ведь с ним воевать!.. Но Мать не успела вовремя взять Савву на руки. А суетиться было нельзя – это она чувствовала всем нутром. Летчик может подумать, что она вытаскивает из полости нарты ружье и патроны. Нет, надо твердо и уверенно стоять перед красной машиной. Не нужно показывать, что мы боимся красных, что мы виноваты перед ними» (Айпин, 2014, с. 69).

В приведенном фрагменте текста повествование ведется от третьего лица. Задача повествователя – описать действия персонажа: *«На стоящей впереди нарте, внутри меховой полости, в люльке спал самый младший – Савва. Мать хотела взять его на руки <...>»*. Затем речевая партия повествователя дополняется «голосом» героини, вводимой косвенной конструкцией: *«Мать хотела взять его на руки, чтобы летчик видел: вот, мол, самый младшенький, он еще не ходит, на руках его носим. Не станешь ведь с ним воевать!..»*. В рассматриваемом высказывании происходит совмещение косвенной и прямой речи. Эта синкретичная форма чужой речи формально выстраивается по шаблону косвенной речи: имеется частица «мол» в роли союзной скрепы, характерной для придаточного изъяснительного при косвенной передаче чужих «слов». Но сама грамматическая конструкция сохраняет стилистику речи Матери Детей, ее немой диалог с красной машиной звучит как мольба о пощаде (эмоционально окрашенное односоставное определенно-личное предложение *«Не станешь ведь с ним воевать!..»*), и мыслится как точное воспроизведение речевой партии героини конструкцией с прямой речью. Затем степень слияния голосов повествователя и героини усиливается, что проявляется в выборе необозначенной прямой речи: *«А суетиться было нельзя (РЕЧЬ МАТЕРИ) – это она чувствовала всем нутром (РЕМАРКА)»*. Данная конструкция позволяет сохранить

точность и подлинность передачи чужого высказывания. Краткая реплика Матери Детей свидетельствует о глубоком психологизме и внутренней драме героини, ее умении владеть собой в ситуации опасности. Далее речевая партия героини приобретает статус нарративного звена: мысли Матери сконцентрированы на предполагаемом поведении летчика: *«Летчик может подумать (РЕМАРКА), что она вытаскивает из полости нарты ружье и патроны»*. В конце текстового фрагмента в полную силу звучит голос героини, оформленный прямой речью: *«Нет, надо твердо и уверенно стоять перед красной машиной. Не нужно показывать, что мы боимся красных, что мы виноваты перед ними»*. Однако данная конструкция не имеет четких графических и пунктуационных знаков, указывающих на границу между речевыми субъектами – повествователем и персонажем. Переход в область субъектно-речевой сферы героини маркируется личным местоимением *«мы»*, оценочным эпитетом *«красная машина»*, характеризующим отношение Матери Детей к врагу.

Благодаря переходам от одной формы чужой речи к другой организуется динамика слияния «голосов» автора и героини в сторону изображения глубокой психологической драмы Матери Детей.

Смешанные формы чужой речи с доминированием несобственно-прямой речи представлены в романе Е. Айпина как способ передачи внутренней речи, использующейся не только для изображения переживаний и размышлений героини, но и для изображения конкретной картины увиденного. На наш взгляд, наиболее показателен следующий эпизод романа:

*«Человек **УЖЕ** спал вечным сном. Он лежал на животе, голова его была погружена в лунку на льду до самого затылка. Лунка вокруг его головы **ДАВНО** затянулась. **Видно**, его допрашивали и пытали холодом и водой. <...> Руки, **словно два раскинутых крыла**, вжаты в **утопанный снег**. Вокруг лунки вмерзшие в снег, **обледеневшие брызги-капли** воды с **красавыми сгустками**. Мать Детей слышала (РЕМАРКА) – в последние месяцы ходило много слухов, – как красные пытали восставших холодом. <...> Говорили (РЕМАРКА), что особой жестокостью отличался среди красных один, которого называли «судьей с бритой головой» – он сам, без всякого законного суда, решал, кого казнить, а кого миловать»* (Айпин, 2014, с. 139).

Повествование в приведенном фрагменте организуется одновременно двумя субъектно-речевыми сферами: повествователя и Матери Детей. Спаянность субъектно-смысловых линий настолько тесная, что подчас читателю сложно осознать, чья речевая партия

звучит. Важную роль в распознавании нарратора играют дейктические и вводные элементы, средства выразительности, порядок слов в предложениях. Маркерами восприятия увиденной картины глазами героини являются наречия *«уже»*, *«давно»*, указывающие на точный временной интервал случившегося. Знаками ее субъектно-речевой сферы выступают разговорное вводно-модальное слово *«видно»* со значением предположения; эпитеты *«утопанный снег»*, *«кровавые сгустки»*; свойственные народу ханты изобразительно-выразительные средства: сравнение человека с образом птицы *«словно два раскинутых крыла»* и гипертроп (соединение эпитета и плеоназма) *«обледеневшие брызги-капли воды»*; обско-угорская структура предложения: разрыв подлежащего со сказуемым и перенос его в конец предложения: *«Лунка вокруг его головы давно затянулась»*; *«Руки, словно два раскинутых крыла, вжаты в утопанный снег»*; либо отсутствие сказуемого: *«Вокруг лунки вмерзшие в снег, обледеневшие брызги-капли воды с кровавыми сгустками»*.

Собственно авторское повествование представлено в виде ремарочного компонента при тематической и косвенной речи. Именно эти конструкции выбирает писатель для передачи точки зрения необозначенных персонажей в структуре несобственно-прямой речи. Тематическая речь, воспроизводящая лишь в общих чертах чужое высказывание: *«Мать Детей слышала – в последние месяцы ходило много слухов, – как красные пытали восставших холодом»*. Косвенная речь с цитатным вкраплением оценочного характера: *«Говорили, что особой жестокостью отличался среди красных один, которого называли «судьей с бритой головой» – он сам, без всякого законного суда, решал, кого казнить, а кого миловать»*.

Смещение форм чужой речи в рассмотренном текстовом фрагменте свидетельствует о формировании в речевой ткани романа Е. Айпина гибридных форм повествования, «текстовых блоков» [Марьина, 2010, с. 28], характеризующих в целом прозу конца XX – начала XXI веков. Данные формы служат приемом отражения процесса постижения сознания художника сознанием героя. Как отмечает О.К. Лагунова, ядро модели мира героя и автора в эстетике писателя трактуется на основании обязательных связей внутри своего мира [Лагунова, 2007], а мир Веры Саввичны и мир повествователя – это единое целое. Более того, функциональная нагрузка смешанных форм речи при характеристике речевой партии главной героини обусловлена еще и тем, что в хантыйской литературе, как указывает Е.В. Косинцева, «при описании образа матери акцент делается на изображении именно ее внутреннего мира» [Косинцева, 2010, с. 29].

Особое место в романе «Божья Матерь в кровавых снегах» отведено отрицательному персонажу – командиру красных Чухновскому. Он представляет собой сложный образ, в котором объединены безжалостный солдат и командир-философ, размышляющий о смысле войны, революции и ее вождях, о правителях Российской империи: Петре Великом, князе Меншикове. Образ Чухновского выстраивается на основании портретных деталей «*косящий глаз*», «*обмороженное лицо*», «*плосколицый здоровяк*», оценочных номинаций «*командир*», «*глава войска*», «*хозяин-владыка*», «*командир-главарь*», «*вожак*», «*вояка-заспинник*», «*ненавистный захватчик*» и речевой характеристики. Речевая партия данного персонажа чаще всего реализуется прямой речью в составе диалогического единства или бессоюзной косвенной речью. Данные композиционно-речевые формы, во-первых, позволяют экономить речевые усилия, во-вторых, способствуют динамике повествования. Однако нельзя не выделить фрагменты текста, передающие размышления Чухновского. Их синтактико-стилистическая организация отличается использованием смешанных конструкций с чужой речью. Например: «*Красный командир Чухновский, плосколицый здоровяк из уральских пролетариев, гордился тем (РЕМАРКА), что даже внешним обликом смахивал на маршала Тухачевского, с которым когда-то брал Омск, а позже подавлял Тамбовское крестьянское восстание. Там его отряд отличился особым рвением и жестокостью. <...> Еще в Гражданскую, будучи младшим командиром, он впервые испытал это сладостное чувство вседозволенности и превосходства над всеми. Что хочу – то и творю. Вот и взял Березов. Без боя. Завтра пригонят олени упряжки – и возьмет все остальное: реки и озера, селения и урочища, где засели восставшие остяки. Где с боем, где без боя. Он быстро наведет здесь порядок*» (Айпин, 2014, с. 56-57).

В данном примере наблюдается взаимодействие авторского повествования с речевой партией персонажа посредством ввода конструкций с косвенной и рассеянной прямой речью (термин В.Н. Волошинова). При пересказе самохарактеристика героя сохраняет свои первоначальные смысловые акценты, то есть «сохраняет стилистическую физиономию чужого высказывания» [Волошинов, 1930, с. 129], что проявляется в использовании глагола с разговорной окраской «*смахивал*», устойчивых выражений, свойственных речи военных «*брал Омск*», «*подавлял восстание*». Сравнение с Тухачевским, «славные» победы над белыми свидетельствуют о гордости и самолюбии Чухновского. Но на первоначальную

речевую субъективность персонажа накладываются иронические и осуждающие интонации авторского голоса, просматривающиеся в использовании оксюморона «*плосколицый здоровяк*» / «*смахивал обливком на маршала Тухачевского*», оценки «*отряд отличился особым рвением и жестокостью*», «*сладостное чувство вседозволенности и превосходства*». Далее речь персонажа вводится такой модификацией косвенной речи, как рассеянная прямая речь, которая представляет собой цитатные вкрапления, первично принадлежащие субъектно-речевой сфере красного командира: парцелированные конструкции с признаком структурной неполноты свидетельствуют о разговорной манере речевой партии персонажа: «*Вот и взял Березов. Без боя. <...> Где с боем, где без боя*». С точки зрения синтаксической организации и графического оформления цитация ослабляет границы между речевыми сферами повествователя и персонажа, однако в данном случае слияния «голосов» не происходит, напротив, возникает явление речевой интерференции¹, проявляющееся во внутреннем контрасте между тем, какой смысл вкладывает Чухновский в свои действия, и как их оценивает повествователь. В рассматриваемом примере речевая интерференция становится определяющим приемом направления динамики взаимоориентации речевых партий повествователя и персонажей в рамках смешанных форм чужой речи. Ключевой фразой, указывающей на смысловое и экспрессивное несовпадение субъектно-речевых сфер, выступает выражение «*Что хочу – то и творю*». С одной стороны, можно предположить, что эта фраза принадлежит голосу Чухновского, признавшего себя полноправным властителем судеб, с другой стороны, явно чувствуется негативная оценка автора, подкрепленная по тексту высказываниями «*Еще в Гражданскую <...> испытал это сладостное чувство вседозволенности и превосходства над всеми*» / «*Он быстро наведет здесь порядок*».

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

Смешанные формы передачи чужой речи в романе Е. Айпина «*Божья Мать в кровавых снегах*» – наиболее частотный способ взаимодействия речевых линий повествователя и персонажей. Данные формы речи используются для передачи психологического и эмоционального состояния главной героини, выполняют сюжетообразующую роль в романе. Доминирование рассмотренных

¹ Интерференция понимается нами как «одновременная причастность высказывания двум речам, по своей экспрессии различно направленным» [Волошинов, 1930, с. 135].

форм объясняется этическими нормами, заложенными в мировидении хантов: не выражать напрямую собственную точку зрения, не показывать открыто эмоции, не воспринимать себя как главного в модели мира. Именно поэтому в речевой ткани романа «слово» персонажа дается в обрамлении «слова» повествователя, а монолог автора наполняется интонациями героини.

Смешанные формы передачи чужой речи демонстрируют интеграционный процесс в области синтаксиса художественной речи, проявляющийся в синкретизме речевой палитры романа «Божья Матерь в кровавых снегах».

С помощью смешанных форм чужой речи в композиционно-речевой структуре романа рождаются два стилистически важных приема:

1. При воспроизведении речи Матери Детей конструируется сложный образ нарратора, слагающийся из переплетения субъектно-речевых сфер повествователя и главной героини. Данный прием способствует реализации базового принципа поэтики писателя – единению всего близкого и родного.

2. При воспроизведении речи отрицательного персонажа автор прибегает к речевой интерференции, которая помогает высветить непримиримый внутренний конфликт с «чужим» миром, нарушающим первозданную гармонию природы, человека и его рода.

Литература

- Агакишьева У.Д. Лексические черты идиостиля Е. Айпина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2016. №12 (66). Ч. 3.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л., 1930.
- Вэлла Ю.К. Белые крики (Стихи и проза). Сургут, 1996.
- Залыгин С.П. Летописец народа ханты (Предисловие) // Айпин Еремей. Ханты, или Звезда Утренней Зари. М., 1990.
- Исакова С.А. Этнопоэтика ранних рассказов Еремея Айпина (на материале сборника «Время дождей») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2018. №6 (84). Ч. 1.
- Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX-XX вв. М., 1994.
- Косинцева Е.В. Женские образы в ханты-мансийской литературе. Ханты-Мансийск, 2010.
- Косинцева Е.В., Куренкова Н.В. «Все в этом мире от Бога...»: роман Е.Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах». Ханты-Мансийск, 2010.
- Кукуева Г.В. Внутренний монолог рассказчика в текстах региональной литературы (на материале рассказов Е. Айпина) // Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике. Барнаул, 2018.
- Кукуева Г.В. Художественно-речевая структура прозаического текста. Сургут, 2018.

Марьина О.В. Дезинтеграционные процессы в синтаксисе русских художественных текстов рубежа XX-XXI веков (к постановке проблемы) // Филология и человек. 2010. № 3.

Марьина О.В., Будникова Н.Н. Вставка как интеграционный и дезинтеграционный синтаксический процесс // Филология и человек. 2018. № 3.

Лагунова О.К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги): автореф. дис. ... док. филол. наук. Тюмень, 2007.

Покровская Е.А. Чужая речь и диалог в потоке сознания (на материале русской литературы XX века). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chuzhaya-rech-i-dialog-v-potoke-soznaniya-na-materiale-russkoy-literatury-hh-v>

Рыбальченко Т.Л. Интуиция метафизического в прозе В. Распутина // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения. Вып. 16. М., 2007.

Сязи В.Л. Художественная концепция любви в прозе Е.Д. Айпина: национальное своеобразие, система образов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ханты-Мансийск, 2017.

Чумаков Г.М. Синтаксис конструкций с чужой речью. Киев, 1975.

Цукор А. Лишь бы не было лжи и путаницы // Литературная Россия. 2004. № 41 (2173).

Цымбалистенко Н.В. Литературно-художественное осмысление исторических судеб коренных народов северо-запада Сибири (на материале ненецкой и хантыйской литературы): автореф. дис. ... док. филол. наук. СПб., 2005.

Список источников

Айпин Е. Собрание сочинений в 4-х тт. СПб., 2014. Т. 4. Божья Матерь в кровавых снегах.

References

Agakishyeva U.D. *Leksicheskiye cherty idiositilya E. Aypina* [Lexical Features of Idiositilya E. Aypin]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]. Tambov. 2016. No. 12 (66). Vol. 3.

Bakhtin M.M. *Eстетика slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Literary Creativity]. Moscow, 1986.

Voloshinov V.N. *Marksizm i filosofiya yazyka. Osnovnyye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke* [Marxism and the Philosophy of Language. The Main Problems of Sociological Method in the Science of Language]. Leningrad, 1930.

Vella Yu.K. *Belyye kriki (Stikhi i proza)* [White Cries (poems and prose)]. Surgut, 1996.

Zalygin S.P. *Letopisets naroda khanty (Predisloviye)* [Chronicle of the Khanty People (Preface)]. *Aypin Eremey. Khanty, ili Zvezda Utrenney Zari* [Aypin Eremey. Khanty, or the Star of the Morning Dawn]. Moscow, 1990.

Isakova S.A. *Emopoetika rannikh rasskazov Eremeya Aypina (na materiale sbornika «Vremya dozhdya»)* [Jetnopojetika Early Stories about Jeremy Aypin (on materials of «the time of rains»)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice] Tambov. 2018. No.6 (84). Vol. 1.

Kozhevnikova N.A. *Tipy povestvovaniya v russkoy literature XIX-XX vv.* [Types of Narrative in Russian Literature of the 19th and 20th centuries]. Moscow, 1994.

Kosintseva E.V. *Zhenskiye obrazy v khantyyskoy literature* [Female Images in the Khanty Literature]. Hanty-Manskiysk, 2010.

Kosintseva E.V., Kurenkova N.V. «Vse v etom mire ot Boga...»: roman E. D. Aypina «Bozh'ya Mater' v krovavykh snegakh» [«All in This World from God ...»: Novel by E.D. Aypin *Mother of God in bloody snow*]. Hanty-Manskiysk, 2010.

Kukuyeva G.V. *Vnutrenniy monolog rasskazchika v tekstakh regional'noy literatury (na materiale rasskazov E. Aypina)* [Internal Monologue of the Story-teller in Texts of Regional Literature (on material of stories of E. Aypin)]. *Innovatsionnyye tekhnologii i podkhody v mezhkul'turnoy kommunikatsii, lingvistike i lingvodidaktike* [Innovative Technologies and Approaches in Cross-cultural Communication, Linguistics and Lingvodidaktika]. Barnaul, 2018.

Kukuyeva G.V. *Khudozhestvenno-rechevaya struktura prozaicheskogo teksta* [Art and Speech Structure of the Prosaic Text]. Surgut, 2018.

Lagunova O.K. *Fenomen tvorchestva russkoyazychnykh pisateley nentsev i khantov posledney treti XX veka (E. Aypin, Yu. Vella, A. Nerkagi)* [Phenomenon of Works of Russian-Speaking Writers of Nenets and Khanty of the Last Third of the XX Century (E. Aypin, Yu. Vella, A. Nerkagi)]. Abstract of Philol. Doc. Tyumen, 2007.

Mar'ina O.V. *Dezintegratsionnye protsessy v sintaksise russkikh khudozhestvennykh tekstov rubezha XX-XXI vekov (k postanovke problemy)* [Disintegration Processes in the Syntax of Russian Art Texts of the Turn of the XX-XXI centuries (to the statement of the problem)]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2010. No. 3.

Mar'ina O.V., Budnikova N.N. *Vstavka kak integratsionnyy i dezintegratsionnyy sintaksicheskyy protsess* [Insert as an Integration and Disintegration Syntactic Process]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2018. No. 3.

Pokrovskaya E.A. *Chuzhaya rech' i dialog v potoke soznaniya (na materiale russkoy literatury XX veka)* [Someone Else's Speech and Dialogue in a Consciousness Stream (on material of the Russian literature of the 20th century)]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chuzhayarech-i-dialog-v-potoke-soznaniya-na-materiale-russkoy-literatury-hh-v>

Rybal'chenko T.L. *Intuitsiya metafizicheskogo v proze V. Rasputina* [Intuition of Metaphysical in V. Rasputin Prose]. *Tri veka russkoy literatury: Aktual'nyye aspekty izucheniya* [Three Centuries of Russian Literature: Actual Aspects of the Study]. Iss. 16. Moscow, 2007.

Syazi V.L. *Khudozhestvennaya kontseptsiya lyubvi v proze E.D. Aypina: natsional'noye svoyeobraziye, sistema obrazov* [The Art Concept of Love in E.D. Aypin's Prose: National Originality, System of Images]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Hanty-Manskiysk, 2017.

Chumakov G.M. *Sintaksis konstruktivnyy s chuzhoi rech'yu* [Syntax of Designs with Someone Else's Speech]. Kiev, 1975.

Tsukor A. *Lish' by ne bylo lzhi i putanitsy* [If Only There Was No Lie and Confusion]. *Literaturnaya Rossiya* [Literary Russia]. 2004. № 41 (2173).

Tsymbalistenko N.V. *Literaturno-khudozhestvennoye osmysleniye istoricheskikh sudeb korennykh narodov severo-zapada Sibiri (na materiale nenetskiy i khantyyskiy literatur)* [Literary and Art Judgment of Historical Fate of Indigenous People of the Northwest of Siberia (on material of the Nenets and Khanty literatures)]. Abstract of Philol. Doc. St. Petersburg, 2005.

List of sources

Aypin E. *Sobraniye sochineniy* [Collected works]. In 4 vols. Vol. 4. *Bozh'ya Mater' v krovavykh snegakh* [Mother of God in bloody snow]. St. Petersburg, 2014.

НЕКОТОРЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАГОЛОВКОВ ПОДКАСТОВ УОРТОНСКОЙ ШКОЛЫ БИЗНЕСА)

Л.И. Миляева, Ю.А. Черноусова

Ключевые слова: деловой дискурс, подкаст, заголовки, языковые средства, стилистические приемы.

Keywords: business discourse, podcast, headings, language means, stylistic devices.

DOI 10.14258/filichel(2020)1-05

Интенсивное развитие процессов глобализации в сфере экономики и торговли способствует возрастающему интересу ученых к вопросам улучшения эффективности межкультурной коммуникации в сфере бизнеса [Черноусова, 2012, с. 16]. Поиском решений существующих проблем в данной области занимаются исследователи делового дискурса, который представляет собой «целенаправленную статусно-ролевую речемыслительную деятельность людей, общей характерной чертой которых являются деловые отношения, нацеленные на получение прибыли и базирующиеся на нормах и правилах общения, принятых в деловом сообществе» [Ширяева, 2010, с. 119]. Не вызывает сомнений тот факт, что деловой дискурс направлен на бизнес, который является его основным концептом, раскрываемым при помощи специфических институциональных фреймов: экономика, предпринимательство, маркетинг, институты власти; его доминантные черты – клиент-ориентация, менеджмент, конкуренция, человеческие ресурсы, реформаторство, партнерство [Ширяева, 2006, с. 84–91]. Принимая во внимание значимость ситуативно-культурного контекста, деловой дискурс можно рассматривать как особый социокультурный феномен, суть которого может быть выражена формулой «дискурс = подъязык + текст + контекст» [Карасик, 2002, с. 233]. Таким образом, в англоязычном деловом дискурсе наблюдается вовлечение непосредственно самого текста в определенную сферу употребления и языковую ситуацию [Трубникова, 2019, с. 100].

Современные интернет-технологии предоставляют новые возможности для репрезентации текстов деловой тематики, предоставляя адресатам шанс максимально погрузиться в аутентичную

языковую среду [Cebeci, Tekdal, 2006]. В настоящее время особую актуальность приобретают подкасты – аудио- и видеофайлы, бесплатно размещаемые и распространяемые в Интернете с образовательной целью [Малушко, 2013, с. 11], которые позволяют получать актуальные, постоянно обновляемые новости из большего количества источников.

Безусловно, для любого представителя делового сообщества значимы и релевантны тексты, написанные и представленные в звуковом (видео) формате учеными, осуществляющими образовательную деятельность в авторитетных организациях. В их число входит, например, Уортонская школа бизнеса – одно из старейших и самых престижных образовательных учреждений мира, где изучают бизнес, финансы, маркетинг, страхование, политологию и др. [Уортонская школа бизнеса..., URL]. В профессиональном сообществе Уортонская школа бизнеса известна своими подкастами, размещенными в режиме открытого доступа, что делает их актуальным объектом для исследования.

Одну из ключевых ролей в любом подкасте играет заголовок – «текстовый знак, занимающий одно и то же место, образующий сильную позицию» [Лукин, 1999, с. 59]. Именно заголовки в компактной форме способны включать в себя как полноту передаваемой информации, так и эмоционально-оценочную окрашенность языковых средств, задавая тон общения, заинтересовывая адресата, побуждая его прослушать подкаст. Отметим, что под заголовком мы, вслед за Н.Г. Асмус, понимаем «некую синтаксически оформленную коммуникативную единицу, предваряющую текст, эксплицитно или имплицитно указывающую на содержание сообщения и отделяющую одну единицу от другой» [Асмус, 2019, с. 23]. Заголовки в текстах деловой тематики выполняют графически-выделительную, информативную, номинативную, рекламно-прагматическую и прогностическую функции. Заголовки могут быть классифицированы по различным основаниям. Так, принимая в качестве критерия полноту / неполноту информации, можно выделить *полноинформативные заголовки*, отражающие тему или основную мысль, и *неполноинформативные заголовки*, раскрывающие лишь логическую тему, которая становится понятной только после прочтения всего текста [Асмус, 2019, с. 23].

Заголовок играет очень важную роль для привлечения внимания адресата, что подтверждается выделением трех основных прагматических типов заголовков: *фактуальные, персуазивные и директивные* [Комаров, 2003, с. 9]. *Фактуальные заголовки* передают достоверную и эксплицитную информацию, призванную убедить адресата в объективности представленных материалов, сделав их частью

его профессиональной картины мира [Клинк, 2016, с. 81]. Информативная функция в таких заголовках играет ведущую роль, в то время как рекламно-прагматическая отходит на второй план. Языковыми средствами выражения таких заголовков выступают как полные, так и неполные предложения, которые передают необходимую информацию.

Основная цель *персуазивных заголовков* – воздействие на аудиторию, что выражается в активном использовании эмоционально-окрашенной лексики, стилистических средств и приемов, нестандартных синтаксических конструкций или пунктуационной организации.

Директивные заголовки отражают суждения адресанта об окружающей действительности и нацелены на то, чтобы призвать адресата к конкретным речевым или неречевым действиям. Директивные заголовки обычно представляют собой советы, рекомендации, обращения, призывы, что на языковом уровне выражается путем использования императивных высказываний и обращений к читателю или слушателю подкаста.

Согласно проведенному нами исследованию, наибольшую часть среди прагматических типов заголовков подкастов составляют персуазивные (75%), что может быть напрямую связано со спецификой отобранного нами фактического материала (подкастов деловой тематики), который характеризуется высоким уровнем содержания воздействующих на аудиторию средств. Информативная функция также важна, о чем свидетельствует значительная доля выявленных фактуальных заголовков (15%). Директивные заголовки встречались в меньшем количестве, так как сфера их реализации в подкастах ограничена (10%).

Целью проведенного нами исследования было определение основных языковых средств, используемых в заголовках подкастов Уортонской школы бизнеса, и выявление различий между ними в зависимости от тематической группы подкастов. Используя методы контекстуального, сравнительного анализа, а также дескриптивный метод, мы сопоставили 500 заголовков подкастов, по 100 из каждой тематической группы: «Лидерство», «Менеджмент», «Инновации», «Финансы», «Маркетинг». Результаты полученного исследования позволяют сделать следующие выводы:

В *тематической группе «Лидерство»* выявлен ряд языковых средств, используемых адресантами с целью заинтересовать адресатов и обеспечить компрессию бизнес-информации [Миляева, 2010, с. 23].

В 45% заголовков использовалось такое средство, как *пунктуационный знак двоеточия* для спецификации информации, содержащейся в первой части заголовка:

The legacy of Muhammad Ali: «The Greatest Promoter».

Здесь также следует особо подчеркнуть тот факт, что для усиления эмоциональной составляющей заголовков, содержащих двоеточие, авторы используют различные выразительные средства языка:

1) имена собственные (теоретиков и практиков менеджмента, лидеров компаний, названий научных трудов и т.д.), придающие большую достоверность излагаемой информации:

Taiwan's Leslie Koo: A Business Leader Who Loved to Be Underestimate;

2) стилистические приемы:

- метафору:

To Hell and Back: Lessons from a Successful Subprime Survivor;

- аллюзию:

The Emperor Has No Clothes: Recasting Leadership in the Open-source Era;

- антитезу, вводимую словом vs (versus):

Myth vs Reality: Four Behaviors That Define Successful Leaders;

- аллюзию и антитезу одновременно:

The «Deadly Sin»: The Positive and Negative Power of Pride;

- оксюморон:

When Guilt is Good: Unexpected Traits That can Help You at Work;

- повтор, парафраз и скрытую аллюзию:

Location, location, location: What Adds to a Patent's Valuation;

- антитезу и аллитерацию:

Friend and Foe: Balancing Competition and Cooperation.

Утвердительные предложения с инициальным «how»

составляют **40%** из числа заголовков и применяются, на наш взгляд, для того, чтобы представить пошаговую инструкцию достижения успеха на примере какой-либо компании:

How CEO's Can Align the Leadership Team with Corporate Goals.

В данных типах предложений также отмечено частотное использование стилистических приемов:

- метонимии: *How Silicon Valley Could Confront Gender Discrimination;*
- метафоры: *How a Budget Chinese Airline Carved a Niche in Japan.*

Утвердительные предложения с инициальным «why», «what» составляют **10%** и представляют собой ответ на специальный вопрос.

В них также возможно использование таких приемов, как

- антитеза:

Why Leaders Are Made, Not Born;

- метафора:

What to Do When Life Hands You «Option B».

Наименьший процент заголовков представлен **общими вопросами** (7%), предназначенными, на наш взгляд, для инициирования аргументированной дискуссии: *Are You a Self-aware Leader?* и **специальными вопросами** (3%), содержащими «wh» – слова: *Who Was the Worst U.S. President Ever?*

Таким образом, для заголовков из тематической группы «Лидерство» характерны утвердительные предложения с пунктуационным знаком двоеточия и специальными «how» и «wh»-словами, вместе с которыми используются различные стилистические приемы.

Тематическая группа «Менеджмент» также характеризуется использованием **пунктуационного знака двоеточия** (36%), преимущественно в сочетании **со специальными вопросами, вводимыми «how» и «wh»-словами**, и различными стилистическими приемами:

- Vs + метонимия + антитеза:

Cats vs Dogs: How Feline Agility in Business Leads to Long-Term Growth?

- аллитерация + повтор + антитеза:

AT&T's Time Warner Deal: Big Risk or Reward?

- метафора:

The Future of Work: How You Can Ride the Wave of Change?

Утвердительные предложения с «wh»-словами и «how» составляют 35% от общего числа заголовков в данной тематической группе:

How Unconscious Biases Block Effective Interaction

и используются в сочетании

- с метафорой:

How to Bully-proof the Workplace;

- антитезой и метафорой:

How Pursuit of Happiness Has Made Us Nervous Wrecks.

Общие вопросы также представлены и составляют 21% от общего числа заголовков этой группы: *Can Volkswagen Rebuild Its Brand?*

Часть из них усилены метафорой: *Is the Rise of Contract Workers Killing Upward Mobility?*

Незначительный процент составляют **специальные вопросы** (8%) в сочетании с метафорой: *How Goldman Sachs is Moving the Needle on Diversity?*

Обобщая вышеизложенное, подчеркнем, что для тематической группы «Менеджмент» характерно использование вопросительных предложений с пунктуационным знаком двоеточия и специальными «how» и «wh»-словами, включающими в себя различные стилистические приемы.

Тематическая группа «Инновации» в большом объеме представлена **пунктуационным знаком двоеточия 36% в утвердительных предложениях** и рядом различных стилистических приемов:

- двоеточие + vs антитеза + аллитерация:

Assets vs Access: a Digital Reality for Commercial Real Estate;

- двоеточие + ссылка на научный труд + метафора:

«Industries of the Future»: Alec Ross Unveils the Winners;

- двоеточие + метафора:

Demographic Shifts: Shaping the Future of Car Ownership.

Утвердительные предложения (29%), включающие в себя следующее:

- односоставные предложения + антитеза:

Science – No Longer Just Fiction – at Comic-Con;

- односоставные предложения + метафора:

Mapping Critical Knowledge for Digital Transformation;

- односоставные предложения + аллитерация:

Making Medical Devices More Accessible, Affordable and Reliable.

Вопросительные предложения с «how» (18%):

How to Avoid Pitfalls of Innovation in Emerging Markets?

Утвердительные предложения с «wh»-словами и с «how» (12%):

Why Smart Cities Need to Be Happy Ones;

- how + метафора:

How to Regulate Innovation–Without Killing It;

- why + метафора:

Why Blockchain Creates a New «Architecture of Trust».

Незначительный процент составляют **общие (3%):** *Is This the Year Electric Cars Become Exciting?* и **специальные вопросы (2%):** *What's Blocking Corporate Creativity?*

Таким образом, в заголовках из тематической группы «Инновации» представлены в большом количестве утвердительные предложения, в том числе со знаком двоеточие и с вопросительными словами «wh», «how», а также вопросительные предложения с «how». Неотъемлемой частью данных заголовков являются используемые в них метафоры, антитезы и аллитерация.

В заголовках, объединенных **тематикой «Финансы»**, преобладают **функциональные слова (how, what, why) в утвердительных предложениях (35%)**:

How Tax Reform Could Impact Senior Citizens;

What Italy's Referendum Means for Europe.

В заголовках такого типа применяются метафоры:

Why Payday Lending is Creeping into the Middle Class.

Двоеточие также используется в данной области (27%) и сопровождается следующими тропами для усиления эмоциональной составляющей заголовка:

- метафора:

India's 2017 Budget: Why Prudence Trumped Populism;

- аллитерация + градация:

India's Economic Slowdown: Is It Dire, or Just a Disruption?

Общие вопросы характеризуют данную тематическую группу (18%):

Is South Africa Facing More Economic Trouble Ahead?

Отметим, что общий вопрос может *сопровождаться ответом*, что исключает момент дискуссионности:

Will OPEC's Cut in Oil Output Help US Producers? Absolutely.

Специальные вопросы (12%). В этом сегменте различаются следующие вариативные составляющие:

- с инициальным «how»:

How Will Trump's Policies Affect the US Economy?

- с инициальным «what»:

What Would Dismantling Dodd-Frank Mean for Banks and Consumers?

На фоне заголовков с двусоставной структурой предложений, сложноподчиненными предложениями выделяется незначительное количество односоставных номинативных предложений (8%): *Creating a Pension to Fit the Needs of the Rural Poor.*

Тематическая область «Маркетинг» представлена **инициальными «wh» «how» (33%)** в утвердительных утверждениях:

How Stern Influences Decision-making.

Заголовки с **двоеточием** составляют **28%** от общего количества заголовков:

It's All About Tuning: How Nonprofits Can Increase Charitable Donations;

- двоеточие + антитеза, вводимая разделительным союзом *or*:

Boom or Bust: How Will Retail Fare in the New Year?

- аллитерация:

Woo, Wow and Win: Designing a Captivating Customer Experience.

Специальные вопросы с «wh»-словами и «how» (29%):

What Insights Lie at the Intersections of Neuroscience and Marketing?

- олицетворение: *What Does It Mean For a Brand to Have a Point of View?*
- метонимия: *How Can the Gulf Countries Change Their Image?*

Общие вопросы с различными стилистическими приемами (10%):

- метонимия: *Are Retailers Facing a Coming Tsunami?*
- аллюзия: *Has Black Friday Lost Its Magic?*
- метафора: *Will Traditional Retailers Get a Frosty Reception This Holiday Season?*

Подводя итог, подчеркнем, что для представителей делового сообщества важно получать новейшую профессионально-ориентированную информацию из достоверных источников, какими, на наш взгляд, являются подкасты Уортонской школы бизнеса. Безусловно, преобладание персуазивных заголовков в подкастах с целым «арсеналом» стилистических приемов способствует привлечению внимания адресатов и побуждению их к прочтению или прослушиванию подкаста. Следует, однако, отметить, что вне зависимости от тематической группы, одним из самых популярных языковых средств является использование пунктуационного знака двоеточия, специфицирующего информацию, содержащуюся в первой части заголовка, в сочетании с такими стилистическими приемами, как метафора, метонимия, аллитерация, антитеза и т.д. Эти же тропы актуальны и для вторых по частотности утвердительных и вопросительных предложений, вводимых специальными словами «what», «why», «how», нацеленных одновременно и на постановку вопроса, и на ответ, что, несомненно, является важным фактором для активизации внимания адресатов и убеждения их в необходимости дальнейшей работы с подкастом.

Литература

Асмус Н.Г. Прагматические особенности заголовков в политическом медиадискурсе// Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот. Екатеринбург, 2019.

Миляева Л.И. «Корпорация XXI века» как объект лингвистического исследования. Пятигорск, 2010.

Малушко Е.Ю. Методика формирования иноязычной профильной аудитивной компетенции магистрантов лингвистики (на основе инфокоммуникационной технологии подкастов, английский язык): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Пятигорск, 2013.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

Клинк Е.И. Средства формирования целевой установки информирования в текстах имиджевых статей // Филология и человек. Барнаул, 2016. № 2.

Комаров Е.Н. Ценностные ориентиры в заголовках французских и российских средств массовой информации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.

Лукин В.А. Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа. М., 1999.

Трубникова Ю.В. Проблемы реализации жанра делового письма в современной деловой коммуникации: коммуникативно-прагматический, структурный и нормативный аспекты // Филология и человек. Барнаул, 2019. № 2.

Уортонская школа бизнеса при Пенсильванском университете [Электронный ресурс]. URL: <https://studyglobe.ru/mba/wharton.html>

Черноусова Ю.А. Язык бизнес-контрактов: композиционно-структурные, лексико-семантические и лингво-прагматические особенности (на материале современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2012.

Ширяева Т.А. Когнитивная модель делового дискурса. Пенза, 2006.

Ширяева Т.А. Деловой дискурс: сущность, признаки, структура // Вестник ПГЛУ. Пенза, 2010. № 2.

Cebeci Z., Tekdal M. Using Podcasts as Audio Learning Objects // Interdisciplinary Journal of E-Learning and Learning Objects. Informing Science Institute. 2006. № 2 (1).

Список источников

- Finance. Knowledge@ Wharton. [Электронный ресурс]. URL: <https://knowledge.wharton.upenn.edu/topic/finance/>
- Innovation Knowledge@ Wharton. [Электронный ресурс]. URL: <https://knowledge.wharton.upenn.edu/topic/innovation/>
- Leadership. Knowledge@ Wharton. [Электронный ресурс]. URL: <https://knowledge.wharton.upenn.edu/topic/leadership/>
- Management Knowledge@ Wharton. [Электронный ресурс]. URL: <https://knowledge.wharton.upenn.edu/topic/management/>
- Marketing. Knowledge@ Wharton. [Электронный ресурс]. URL: <https://knowledge.wharton.upenn.edu/topic/marketing/>

References

Asmus N.G. *Pragmatische osobnosti zagolovkov v politicheskom mediadiskurse* [Pragmatic Features of Headings in Political Media Discourse]. *Lingvopoliticheskaya personologiya: diskursivnyy povorot* [Lingvopolitical Personology: Discursive Turn]. Ekaterinburg, 2019.

Milyaeva L.I. «Korporatsiya XXI veka» kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya [21 century Corporation as an Object of Linguistic Study]. Pyatigorsk, 2010.

Malushko E.Yu. *Metodika formirovaniya inoyazychnoy profil'noy auditivnoy kompetentsii magistrantov lingvistiki (na osnove infokommunikatsionnoy tekhnologii podkastov, angliyskiy yazyk)* [Methodology of Formation of Foreign Language Profile Audio Competence of Masters of Linguistics (Based on Information-communication Technology of Podcasts, English Language)]. Abstract of Pedagog. Cand. Diss. Pyatigorsk, 2013.

Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, 2002.

Klink E.I. *Sredstva formirovaniya tselevoy ustanovki informirovaniya v tekstakh imidzhevykh statey* [Means of Forming of the Informing Aim in the Texts of Image Articles]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. Barnaul, 2016. № 2.

Komarov E.N. *Tsennostnye orientiry v zagolovkakh frantsuzskikh i rossiyskikh sredstv massovoy informatsii* [Value Benchmarks in French and Russian Media Headlines]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Volgograd, 2003.

Lukin V.A. *Khudozhestvennyy tekst: osnovy lingvisticheskoy teorii i elementy analiza* [Literary Text: the Basics of Linguistic Theory and Elements of Analysis]. Moscow, 1999.

Trubnikova Yu.V. *Problemy realizatsii zhanra delovogo pis'ma v sovremennoy delovoy kommunikatsii: kommunikativno-pragmaticheskiy, strukturnyy i normativnyy aspekty* [Problems of Implementation of the Genre of Business Writing in Modern Business Communication: Communicative-Pragmatic, Structural and Regulatory Aspects]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. Barnaul, 2019. № 2.

Uortonskaya shkola biznesa pri Pensil'vanskom universitete [Wharton School of the University of Pennsylvania]. [Electronic resource]. URL: <https://studyglobe.ru/mba/wharton.html>

Chernousova Yu.A. *Yazyk biznes-kontraktov: kompozitsionno-strukturnye, leksiko-semanticcheskie i lingvo-pragmaticheskie osobennosti (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka)* [The language of Business Contracts: Compositional, Lexico-Semantic, Pragmalinguistic Features (Based on the Modern English Language)]. Philol. Cand. Diss. Pyatigorsk, 2012.

Shiryayeva T.A. *Kognitivnaya model' delovogo diskursa* [Cognitive Model of Business Discourse]. Pyatigorsk, 2006.

Shiryayeva T.A. *Delovoy diskurs: sushchnost', priznaki, struktura* [Business Discourse: Essence, Features, Structure]. *Vestnik PGLU* [Bulletin of PGLU]. Pyatigorsk, 2010. № 2.

Cebeci Z., Tekdal M. Using Podcasts as Audio Learning Objects // *Interdisciplinary Journal of E-Learning and Learning Objects. Informing Science Institute*. 2006. № 2 (1).

List of sources

Finance.	Knowledge@	Wharton.	[Electronic	resource].	URL:
https://knowledge.wharton.upenn.edu/topic/finance/					
Innovation	Knowledge@	Wharton.	[Electronic	resource].	URL:
https://knowledge.wharton.upenn.edu/topic/innovation/					
Leadership.	Knowledge@	Wharton.	[Electronic	resource].	URL:
https://knowledge.wharton.upenn.edu/topic/leadership/					
Management	Knowledge@	Wharton.	[Electronic	resource].	URL:
https://knowledge.wharton.upenn.edu/topic/management/					
Marketing.	Knowledge@	Wharton.	[Electronic	resource].	URL:
https://knowledge.wharton.upenn.edu/topic/marketing/					

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО КОДА В ПОЭТИКЕ РОМАНОВ ПИСАТЕЛЕЙ-ЛАУРЕАТОВ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ МИХАИЛА ШОЛОХОВА И МО ЯНЯ

С.Н. Баращикова, Ф.Ф. Желобцов, С.Ф. Желобцова

Ключевые слова: роман, поэтика, М. Шолохов, Мо Янь, историзм, традиции.

Keywords: novel, poetics, M. Sholokhov, Mo Yan, historicism, traditions.

DOI 10.14258/filichel(2020)1-06

Трансграничная стратегия нового литературоведения актуализирует сопоставительный анализ произведений литературы России и стран АТР. Знаковыми романами XX века, отмеченными высокой международной Нобелевской премией, являются книги советского писателя Михаила Шолохова «Тихий Дон» и китайского прозаика Мо Яня «Большая грудь, широкий зад». Нобелианты развернули в художественном тексте эпическую панораму переломного периода народной жизни. Личная причастность авторов к трагическим событиям XX века, мировоззренческие принципы сформировали особый художественный мир романов, отражающий творческую индивидуальность каждого из них. Причем эстетические и нравственные оценки определяются более чем полувековой разницей в издании произведений, внесшей значимые коррективы в авторский взгляд на прошлое.

Известны непростая история публикации романа «Тихий Дон» М. Шолохова, длительная полемика о писательском авторстве [Вишнякова, 2012; Ермолаев, 2000], продолжающаяся дискуссия в критике [Макаров, Макарова, 2000], вневременная востребованность

произведения театром, кино и телевидением. Перед молодым писателем стояла сложная задача художественно переосмыслить жизнь казачества, втянутого в гибельный водоворот революции и гражданской войны, разделивших классовую идеологией общество и семью. Развитие эстетических принципов социалистического реализма как главного направления советской литературы в творчестве писателя базировалась не только на силе его природного таланта, но и на глубоком знании реальной действительности в ее историческом движении. Концептуальны в междисциплинарных связях для нас размышления Б. Реизова о жанре исторического романа в творчестве В. Скотта, который преодолел личную привязанность к малой родине в пользу прогрессивного возвышения Англии, захватившей Шотландию. *«Человек не может создавать закономерности по собственному произволу, строить историю так, как ему хочется, вопреки потребностям общественного развития. В вымышленном персонаже можно воплотить больше исторической правды, чем в персонаже историческом; чтобы создать и, следовательно, объяснить вымышленного героя, можно привлечь больше сведений о нравственной жизни, быте, существовании масс – сведений, отсутствующих в документах, но определяющих характер всей эпохи»* [Реизов, 1971]. В тексте романа «Тихий Дон» драматически переплетаются жизнь и судьба казаков и казачества на фоне переломных событий века. Трансформируется жанровая природа исторического романа, наполняясь эпическим содержанием. Роман-эпопея М. Шолохова, состоящий из 4-х томов, концентрируя внимание на событиях в хронологии, делает главным персонажем семью Мелеховых. Писатель продолжает классические традиции Л. Толстого, связывающего жизнь семьи с судьбой народа в романе «Война и мир», реализуя их в разных сюжетных линиях «Тихого Дона». Бытие всех поколений семьи Мелеховых и их земляков хронологически связано с катаклизмами русского общества, которыми стали Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции, Гражданская война. Объемный роман китайского прозаика Мо Яня тоже воспроизводит историю страны с 1940-х по 1990-е годы, горестными вехами которой стали японская интервенция, братоубийственная гражданская война, культурная революция и экономические перемены 1980-х годов. Местом действия произведений становятся русская станица и китайская деревня, в которых живут семьи Мелеховых и Шангуань. В основе художественных романских перипетий находятся автобиографические факты писателей.

Бедное детство и юность Мо Янь прошли в обычной китайской провинции, где на его духовное становление оказали сильное влияние устные сказания шошудов. Маленький мальчик эмоционально пересказывал матери предания о древних героях и волшебных превращениях лис в красавиц в собственной интерпретации. Имя писателя Мо Янь означает «Не говори» и объясняет тревогу матери за будущее «болтливому» сыну во времена тоталитарного режима. Со временем она освободила его от воскресного тяжелого физического труда, отпускала его на рынок слушать сказителей, поверив в его природный талант рассказчика. В нобелевской лекции он исповедально подчеркнул: *«Я рассказчик. Рассказывая истории, я заработал Нобелевскую премию по литературе. Много интересных историй произошло со мной до того как я получил эту премию, и они убедили меня, что правда и справедливость торжествуют. Поэтому я продолжу рассказывать свои истории и в будущем»* [Барашкова и др., 2018, с. 127-128].

Неоднозначна в поэтике текста смысловая природа названий романов, в которых отсутствует причинно-следственная связь между содержанием и топографическим маркером реки, а также характеристикой археологической находки. Выразительна авторская интерпретация традиционного обращения к Дону, превращающего его в метафору истории. Лексическими локациями языковой структуры становится традиционное фольклорное обращение к Дону как к отцу-кормильцу, переживающему непростые времена. В то время как любовь к матери позиционирует идею романа «Большая грудь, широкий зад», символизирующую первородную роль женщины, воплощенную в фигурке, известной как «Венера палеолита». В идеологическом подтексте констатируется ироническая мысль автора о пагубной привязанности определенной части китайской интеллигенции к власти. Женские характеры преобладают в образной системе произведения, представляющей мать героя Шангуань Лу с восемью дочерьми. Следует выделить гендерную линию развития сюжета, по которой сестры Цзиньтуна отличаются силой характера, смелостью поступков, жертвенностью помыслов. Не случайно их имена воплощают традиционное для китайской семьи ожидание сына: Лайди (Ждем братика), Чжаоди (Зовем братика), Линди (Приводим братика), Сянди (Хотим братика), Паньди (Надеемся на братика), Нянди (Молим о братике) и Цюди (Просим братика). Важно, что мелеховский курень, по замыслу М. Шолохова, держится на материнской силе Ильиничны, способности глубоко любить Аксиньи, преданности и жертвенности Натальи. Мо Янь, продолжая традицию

известного китайского романа о повстанцах «Речные заводы», активным героем народного сопротивления японским оккупантам делает тетушку Сунь: *«Подняв сверкающий меч, он наставил его ей в грудь и бросил что-то непонятное, но грубое. Тетушка Сунь спокойно смотрела на него чуть ли не с издевательской улыбочкой на лице. Она отступила на шаг, но японец тут же шагнул вперед. Она отступила еще на пару шагов, но солдат не отставал. Сверкающее острие меча все время оставалось у ее груди. Уступи такому цунь, так захватит и целый чи, и тетушка Сунь, не выдержав, подняла руку, отвела меч в сторону, а потом в воздух взлетела ее маленькая ножка, и она до невозможности изящным движением ударила японца по руке. Меч упал на землю. Тетушка подалась всем телом вперед и закатила солдату оплеуху»* (Мо Янь, 2013 с. 18)¹. Оба писателя органично вписывают в кульминационные развития драматического действия женские персонажи, оттеняющие мужские судьбы, их гендерный выбор в экстремальной ситуации. Конфуцианская природа семейной философии, архетипично возвеличивающая роль сына, делает значимым рождение Цзиньтуна – девятого ребенка от европейца. Портретная характеристика подчеркивает в мальчике особые черты. Он родился белолицым, с золотыми волосами, а со временем превратился в высокого юношу, напоминающего своего отца католического миссионера Мюррея. Тайна незаконнорожденного ребенка воспроизводит в гротескной форме непорочное зачатие Девы Марии, а появление муленка в хлеву – библейский миф о рождении Христа. *«Муленок, пошатываясь, встал на ноги, но тут же свалился. Гладкая как бархат шерстка, красные губы цвета розовых лепестков. – Молодец, – проговорил Фань Сань, помогая ему встать. – Наша все же порода. Племенной – мой сынок, а ты, малец, стало быть – внучок мне, а я тебе – дед. Почтенная сестрица, приготовь немного рисового отвара, покорми мою сноху-ослицу»* (Мо Янь, 2013, с. 22). В комментариях Нобелевского комитета выделена привязанность художника к реинтерпретации китайского фольклора, мировых мифов и легенд в рамках «галлюцинаторного реализма» или как называют критики «магического реализма», соединяющего реальность с мистическими верованиями народа. Творческая работа над текстом показывает особую привязанность обоих писателей к народным истокам.

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

Примечательно, что фольклорные эпитафии к томам романа ментально обозначают особую ценность для М. Шолохова казачьей песни о Доне:

«Ой, что же ты, тихий Дон, мутнехонек течешь? Ах, как мне, тихому Дону, не мутну течи! Со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьют, Посередь меня, тиха Дона, бела рыбица мутит» (Шолохов, 1956, кн. 3, с. 7). Лексический ряд, экспрессивная ритмика песни выразительно фиксируют наступившее смутное время и задают тревожную тональность историческим событиям. Не просто пережили переменчивое время станичники. Вера в народ сближает классиков русской и китайской литературы. Как Шолохов, так и Мо Янь, продолжая оставаться коммунистами, в творчестве своем следуют жизненной правде реализма. Главный герой романа «Тихий Дон» Григорий Мелехов, оказавшись между двумя историческими силами времени, делает нравственный выбор, ориентируясь на ценности, которые он получил в семье. В финале романа герой отказывается от оружия, войны и смерти в пользу жизни. *«Странное равнодушие овладело им! Нет, не поведет он казаков под пулеметный огонь. Незачем. <...> Не трусость, не боязнь смерти или бесцельных потерь руководили им в этот момент. Недавно он не щадил ни своей жизни, ни жизни вверенных его командованию казаков. А вот сейчас словно что-то сломалось... Еще никогда до этого не чувствовал он с такой предельной ясностью всю никчемность происходившего. <...> Он неясно думал о том, что казаков с большевиками ему не примирить, да и сам в душе не мог примириться»* (Шолохов, 1968, с. 442–443).

М. Шолохов сказал на вручении Нобелевской премии прямо и просто: *«Искусство обладает могучей силой воздействия на ум и сердце человека. <...> Мой родной народ на своих исторических путях шел вперед не по торной дороге. <...> Я хотел бы, чтобы мои книги помогали людям стать лучше, стать чище душой, пробуждать любовь к человеку, стремление активно бороться за идеалы гуманизма и прогресса человечества. Если мне это удалось в какой-то мере, я счастлив»* (Шолохов, 1965, URL). В 2012 году китайский писатель, размышляя о гуманистической миссии художника, продолжил шолоховскую мысль, как Конфуций, метафорично. Мо Янь сослался на притчу о каменщиках, которые, боясь дракона, принесли ему в жертву одного из своего круга. Расплатой за злодеяние стала их смерть под стенами рухнувшего храма. *«Для писателя, лучший способ говорить – это писать. Все что я должен сказать, вы можете найти в моих работах. Сказанное уносится ветром, а написанное – вечно»*

[Барашкова и др., 2018, с. 126]. Оба писателя верны силе печатного слова как источнику любви к человеку.

В поэтике романов раскрывается талант описания авторами быта и природного мира, пропущенного через призму историзма. Убийство японскими оккупантами отца и сына, описанное натуралистически в романе «Большая грудь, широкий зад», разрушает мирное течение крестьянской жизни: *«Два больших жеребца под седлами ципали стебли гаоляна, что подпирали запасы арахиса, а ослиха с муленком жались в углу двора. Муленок спрятал голову между ног матери, и лишь его голенький хвостик ходил змейкой туда-сюда. Один из японцев в форме цвета хаки вытирал платком свой меч, другой рубанул мечом по стеблям гаоляна, и вся тысяча цзиней арахиса, заготовленного семьей Шангуань еще с прошлого года, чтобы выгодно продать этим летом, с шелестом рассыпалась по земле»* (Мо Янь, 2013, с. 18). Данный фрагмент текста по художественному уровню сопоставим с эпизодом смертельной схватки в романе «Тихий Дон», в котором озверевшие люди, убивая друг друга, втягивали в смертельный круг испуганных лошадей.

В романе «Тихий Дон» текстообразующими часто становятся картины природы, которые оттеняют, углубляют, делают более чувственными и запоминающимися душевные страдания персонажей. Природа в романе рассматривается как неотъемлемая часть мира, в котором разворачиваются эпохальные события Гражданской войны. Знаковым символом времени становится для Григория Мелехова солнце, которое ярко освещает мгновения радости мирной жизни и становится черным в трагический час. *«К вечеру собралась гроза. Над хутором стала бурая туча. Дон, взлохмаченный ветром, кидал на берега гребнистые частые волны. За левадами палила небо сухая молния, давил землю редкими раскатами гром. Под тучей, раскрылатившись, колесил коршун, его с криком преследовали вороны. Туча, дыша холодком, шла вдоль по Дону, с запада. За займищем грозно чернело небо, степь выжидая молчала»* (Шолохов, 1956, с. 29).

Функционирование исторического кода в поэтике романа Мо Яня расширяет художественное пространство во временном измерении, не ограничиваясь 1930-1940 годами, но включая и другой период Китая, обозначенный культурной революцией и экономическими реформами 1980-х годов. Читатель имеет возможность наблюдать за возрастным и личностным ростом Цзиньтуна. В авторской оценке непростых перипетий жизни героя отсутствует приукрашивание социалистического Китая. Сорокалетний Цзиньтун, отсидев в период культурной революции 15 лет в тюрьме, выходит на свободу и не

может вписаться в «лихие» 1980-е годы. Он пытается работать в фирме по перепродаже утиля, на птицефабрике, директором первого в городе универмага, теряет бизнес и возвращается к старой и нищей матери. Историческая правда замыкает жизненный круг героя Мо Яня и делает его символом «потерянной интеллигенции». Психологическая достоверность характера, построенная на конкретных фактах, например, избиение хунвэйбинами своих учителей, унижение старшего поколения, коррумпированность отношений, насаждение обмана и лицемерия, убеждает в цельности художественной самобытности автора.

М. Шолохов стремится аргументировать исторический контент известными именами, фактами, документами. Вот один из них: *«Представители английской и французской военных миссий на юге России, в целях своеобразной политической рекогносцировки, решили послать в Новочеркасск несколько офицеров»* (Шолохов, 1968, с. 85). Исторический код структурирует все компоненты поэтики романов, начиная от хронотопа, социально-идеологических конфликтов, этно-бытового контекста до образной системы и роли главных героев в многоуровневом движении сюжета. Установка на саму жизнь в ее многообразии, переменчивом течении, глубокое знание материала, отказ от идеологической схемы оценок сближает М. Шолохова и Мо Яня, их произведения, востребованные читателем XXI века.

Итоги и наблюдения опыта сопоставительного анализа произведений классиков русской и китайской прозы в теоретическом и прикладном аспектах помогают студентам-филологам расширить представления об эстетических закономерностях развития мирового литературного процесса, его гуманистических идеалов, преемственности традиций и открытия нового.

Литература

- Барашкова С.Н. Литература АТР. Якутск, 2013.
- Барашкова С.Н., Желобцов Ф.Ф., Желобцова С.Ф. Писатели России и стран АТР – лауреаты Нобелевской премии. ЭОР, 2018.
- Вишнякова Е.А. Роман М.А. Шолохова «Тихий Дон» в литературной критике конца 1920-х – начала 1940-х годов. М., 2012.
- Володин Э. Соприкосновение миров: Шолохов и Фолкнер. М., 2002. № 7.
- Ермолаев Г.С. Михаил Шолохов и его творчество. СПб., 2000.
- Макаров А.Г., Макарова С.Э. Вокруг «Тихого Дона»: от мифотворчества к поиску истины. М, 2000.
- Реизов Б.Г. История и вымысел в романах Вальтера Скотта. М., 1971. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/literature3>reizov-71>

Список источников

- Мо Янь. Большая грудь, широкий зад. М., 2013.
Шолохов М. Тихий Дон: в 4-х кн. М., 1956. Кн. 1.
Шолохов М. Тихий Дон: в 4-х кн. М., 1968. Кн. 3, 4.
Шолохов М. Выступления, речи, интервью Шолохова. [Электронный ресурс].
URL: <http://sholohov.lit-info.ru/sholohov/public/index.htm>

Reference

- Barashkova S.N. *Literatura ATR* [Literature of Asia-Pacific Countries]. Yakutsk, 2013.
Barashkova S.N., Zhelobtsov F.F., Zhelobtova S.F. *Pisateli Rossii i stran ATR – laureaty Nobelevskoi premii* [Writers of Russia and Asia-Pacific Countries – Nobel Prize Winners]. EOR, 2018.
Wishnyakova E.A. *Roman M.A. Sholohova «Tihiy Don» w literaturnoy kritike konca 1920-h nachala 1940-h godow* [M.A. Sholokhov's Novel *The Quiet Don* in Literary Criticism of the late 1920s – early 1940s]. Moscow, 2012.
Wolodin E. *Soprikosnovenie mirow: Sholohov I Folkner* [Contact of the Worlds: Sholokhov and Faulkner]. Moscow, 2002. № 7.
Ermolaev G.S. *Mihail Sholohov I ego tvorzestwo* [Mikhail Sholokhov and His Works]. St.-Petersburg, 2000.
Makarov A.G., Makarova S.E. *Wokrug «Tihogo Dona»: ot mifotvorzestwa k poisku istiny* [Around *The Quiet Don*: From Mythology to the Search for Truth]. Moscow, 2000.
Reisov B.G. *Istoriya i wymysel w romanach Waltera Skotta* [History and Fiction in Walter Scott's Novels]. Moscow, 1971. URL: <http://www.philology.ru/literature3>reizov-71>

List of sources

- Mo Yan. *Bolshaya grud, shirokiy sad* [Big Breasts, Wide Ass]. Moscow, 2013.
Sholohov M. *Tihiy Don* [The Quiet Don]. In 4 books. M., 1956. Bk. 1.
Sholohov M. *Tihiy Don* [The Quiet Don]. In 4 books. M., 1968. Bk. 3, 4.
Sholohov M. *Vystupleniya, rechi, interv'yu Sholohova* [Performances, Speeches, Interviews of Sholokhov]. URL: <http://sholohov.lit-info.ru/sholohov/public/index.htm>

ТЕМА ЖИЗНИ И СМЕРТИ В РАССКАЗАХ А.Е. НОВОСЕЛОВА*М.П. Гребнева***Ключевые слова:** рассказ, жизнь, смерть, смысл, бессмыслица.**Keywords:** short story, life, death, meaning, nonsense.**DOI 10.14258/filichel(2020)1-07**

В «Очерках русской литературы Сибири» отмечалось, что в первом произведении А.Е. Новоселова «Катка», «в этом психологически точно написанном этюде нетрудно уловить настроения, родственные чеховским рассказам» [Очерки, 1982, т. 1, с. 540], что в рассказе «Экзамен» «молодому писателю оказалась особенно близкой художественная манера Льва Толстого, по примеру которого он старался проникнуть во внутренний мир героев, в сложные движения человеческой души» [Очерки, 1982, т. 1, с. 541].

М.В. Шиловский подчеркивал, «что знакомые с его творчеством говорили об Александре Ефремовиче как о будущем сибирском Льве Толстом» [Шиловский, 2007, с. 194].

В.П. Трушкин писал, что в первых произведениях А.Е. Новоселова «есть что-то от художественной манеры и особенно настроений чеховских рассказов» [Трушкин, 1985, с. 170]. В связи с «Жабьей жизнью» он упоминал о том, что «весь рассказ построен, как почти всегда у Новоселова, на психологически точных и художественно емких деталях» [Новоселов, 1981, с. 172].

Повести и рассказы Новоселова действительно по-чеховски лаконичны и емки, насыщены психологическими подробностями, связаны с современной автору жизнью, посвящены разным темам – старообрядчества [Гребнева, 2004], природы [Гребнева, 2013], земного и небесного [Гребнева, 2002], преступления [Гребнева, 2017], но среди них есть и такие, которые, будучи традиционно психологическими, обращены к философской теме жизни и смерти. В них автор предстает не только как психолог, но и как философ. Возможно, это связано и с чеховской традицией, представленной, например, в «Скучной истории», где герой переосмысливает «свою прошлую жизнь перед лицом смерти» [Бердников, 1984, с. 208] и с толстовской традицией, например, в рассказе «Три смерти», обращенном к «вечной проблеме жизни и смерти» [Одинокое, 1978, с. 20] или «Смерти Ивана Ильича» – повести «о самом больном и тревожащем человека, о самом близком и

таинственном: о жизни и смерти, о смысле и бессмыслице жизни» [Маймин, 1978, с. 151].

Рассказы «Экзамен (1910) и «Легкая жизнь» (1909) посвящены жизненным судьбам несостоявшихся интеллигентов – Николая Андреевича Климова и диакона-расстриги Андрея.

Климов находится в самом начале своего жизненного и педагогического пути, он – *«юноша лет девятнадцати, прошлогоднего выпуска»* (Новоселов, 1981, с. 186)¹. Его представления об учительском поприще проверяются в столкновении *«то с атаманами, то с попечителем, то с целым обществом»* (Новоселов, 1981, с. 187), и юный учитель готов от этого плакать.

Его намерения предстают благими, так как он не желает уподобляться окружающим его людям, пытается выполнять, хотя бы мысленно, свои непосредственные обязанности: *«Не позволю на экзамене соваться со своими идиотскими вопросами ни атаману, ни попечителю, а есаула тоже в рамки поставлю»* (Новоселов, 1981, с. 187). Он предполагает, как не пригласит их в свою квартиру, не будет подличать и раболепствовать перед ними, заказывая самовар для них.

Однако на самом деле незваные гости оказываются в его жилище, а он сам *«водрузивши на стол коробку с папиросами и пару пива»* бежит, именно бежит, *«к соседке, у которой столовался, распорядиться насчет чая»* (Новоселов, 1981, с. 189), а затем напивается *«по-настоящему, по-здешнему»* (Новоселов, 1981, с. 191).

Интересно, что герой, в отличие от автора рассказа, называет все происходящее с ним в этот момент жизнью: *«Потянуло куда-то вдаль, захотелось жизни, смеха, одиночество стало пугать, – и Климов был рад компании»* (Новоселов, 1981, с. 192).

Вечерняя вакханалия сменяется описанием ночи, которая вызывает в сознании и душе Климова мысли о настоящей жизни, не имеющей ничего общего с тем, в чем он принимал участие только что. Описание природы призвано продемонстрировать, что есть и другая жизнь, настоящая: *«Что-то мятежное было в этой ночи, как бывает ранней весной, когда прет черная земля, выгоняя к солнцу молодые сочные побеги, и наполняет воздух одуряюще-острым ароматом, когда еще не распустились пахучие смолистые почки, когда впереди еще все – самая жизнь»* (Новоселов, 1981, с. 197).

У героя есть и образец для подражания, кумир – Алексей Андреевич Глушин, на которого он мечтал быть похожим и к которому

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

он обращается со словами: *«Знаешь, в семинарии еще живет о тебе память. Я все мечтал, как бы встретиться с тобой, посмотреть, как ты живешь, поучиться у тебя...»* (Новоселов, 1981, с. 198). Память живет, а Глушин, как выясняется, смирился с подобием жизни: *«Слышу, где-то рядом, совсем близко, кипит жизнь, а попасть туда не могу. Плакал, брат, горькими плакал, все рвался, тянулся, карабкался, а потом прижился»* (Новоселов, 1981, с. 198). Слова *жизнь, прижился, живет, жил* становятся лейтмотивными и в рассказе, и в творчестве Новоселова.

Повествуя о себе, Глушин предсказывает дальнейшую судьбу Климова, однако его душа, которую он почитал умершей, вдруг проснулась и ей *«стало душно, тесно, невыносимо больно»* (Новоселов, 1981, с. 199). Понимая безысходность своего положения, герой плачет: *«Из крепко закрытых глаз его неудержимо катились слезы, сбегали по морщинам щек, уходили в сено»* (Новоселов, 1981, с. 200). Мотив слез сближает Климова и Глушина, показывает их отличие от атамана, заведующего станцией. Однако они, и старый и молодой, сдают экзамен перед жизнью, и оба его не выдерживают.

Диакон Андрей в рассказе «Легкая жизнь» так же, как и Климов, когда-то учился в семинарии, был студентом, принимал участие в забастовке, за что и был изгнан *«с волчьим билетом»* (Новоселов, 1981, с. 183). Это обстоятельство стало началом духовного конца, духовной смерти.

Бывший студент становится псалмопевцем, диаконом, находится в подчинении у отца Григория и оказывается не только в религиозной среде, но и в среде скотоводов. Новоселов не щадит служителей божьих, рассказывая об их пьянках, дебошах, святотатствах, в которых принимают участие и местные «интеллигенты» – Иван Никитич Коновалов, *«владелец нескольких участков, между прочим, торгующий мелочью, а главным образом – скотовод»* (Новоселов, 1981, с. 171), Василий Павлович Понявин, занимающийся «маслом», скотовод Фрол Алексеевич Джибулин, старшина местного судходного участка и другие. Общие ценности манифестирует Джибулин: *«Пусть наша жизнь будет легка, пусть возьмем мы от нее все хорошее!»; Ждет нас неглубокая яма, холодная, сырая... Так вытьем же за жизнь полную и легкую!»* (Новоселов, 1981, с. 176).

Диакон ломается под напором обстоятельств, перед желанием вкусно есть, говоря словами Глушина, он приживается. *«Захочешь кушать, продашь себя вместе с потрохами»* (Новоселов, 1981, с. 183), – говорит священник.

Мысленно, как и Глушин, герой обращается к своей прошлой жизни, вспоминает Леночку Бочевскую, чудную девушку, *«ту далекую светлую, дорогую молодость»*, когда *«держал же он свое знамя высоко и крепко»* (Новоселов, 1981, с. 177). Священник предполагает, что и героиня могла оказаться в похожей ситуации, что и ее жизнь неотличима от смерти: *«Если и она уже тонет в необъятном болоте, если тоже попала в такую трещину жизни, в которой гибнет одинаково слабый и сильный, разве с той только разницей, что первый гибнет с опущенными руками и опошлевшей в трусости душой, а второй – с криком желания жить...»* (Новоселов, 1981, с. 177).

Диакон понимает, что он гибнет «с криком желания жить». За это отец Григорий его ненавидит, *«сердится»* (Новоселов, 1981, с. 172), награждает *«гордым молчанием»* (Новоселов, 1981, с. 174), бабушка, по словам автора, *«внушительно, вместе со стулом отвернулся»* (Новоселов, 1981, с. 178).

Прошлая высокодуховная жизнь противопоставляется бездуховному существованию, равносильному смерти в настоящем не только главного героя, но и скотовода Ивана Никитича Коновалова, который покупает шкуры больных чумой животных по дешевой цене, Василия Павловича Понявина, «царя и бога» соседних киргизских волостей, его дочери, Клавдии Васильевны Понявиной, которую диакон сравнивает с животным, отца Григория, которого Джибулин называет «батей», который обирает прихожан и разбойничает.

Только в состоянии опьянения Андрей способен выплеснуть свою ненависть на тех, от кого зависит его материальное благополучие: *«Вы думаете, человек свободен в том, как устраивать свою жизнь, что он свободен в этом? Пусть! Это хорошо! Но за какую такую легкую жизнь вы пьете? Как вы ее понимаете? Как свинья на капустной гряде...»* (Новоселов, 1981, с. 178); *«Свинья, у которой под рылом ежедневно стоит полное корыто, счастлива не менее вас всех <...> Да... она тоже находит свою жизнь легкой, цель достигнутой и больше у нее нет желаний...»* (Новоселов, 1981, с. 180). Герой сравнивает окружающих его людей с животными, забывая только, что он сам ничем не отличается от них.

Полнота человеческой жизни недостижима для диакона, он способен только резонировать, как героини драмы А.П. Чехова «Три сестры»:

Маша: *«Надо жить... Надо жить...»* (Чехов, 1985, с. 301).

Ирина: *«<...> а пока надо жить... надо работать, только работать!»* (Чехов, 1985, с. 301).

Ольга: *О, милые сестры, жизнь наша еще не кончена. Будем жить!»* (Чехов, 1985, с. 301).

Диакон: *«Как мне хочется жить! Я люблю жизнь. Как она прекрасна! Что такое жизнь, Клавдия Васильевна, вы знаете, что такое жизнь? Я хочу ее! Ну, говорите же что-нибудь, смейтесь! Будем жить, жить, жить!»* (Новоселов, 1981, с. 184).

Его исповедь перед Понявиной не нашла отклика: *«Такое же животное... нет, это именно животное!»* (Новоселов, 1981, с. 184). У Чехова Андрей Прозоров, тезка диакона, сравнивает свою жену с животным: *«Она честная, порядочная, ну, добрая, но в ней есть при всем том нечто принижающее ее до мелкого, слепого, этакое шаршавого животного»* (Чехов, 1985, с. 292–293).

Итог несбыточным надеждам священника подводит Джибулин: *«Сволочь ты, Андрюшка, ей богу. Пить, брат, пей, а умом не заедай... Надебоширил, как скот...»* (Новоселов, 1981, с. 185).

Надежда на возрождение Новоселова и его героя и в этом рассказе связана не с людьми, а с природой, окружающей их. В ней заключается правда и желание жить: *«Широко раскрытыми глазами смотрел он [диакон – М.Г.] на ту сторону реки, где стоит в тумане густой и темный лес»* (Новоселов, 1981, с. 181), *«Как после долгого ненастья, блеснул у него в душе яркий теплый луч, казалось, что запахло испарениями черной, усеянной цветами земли, и дышать хотелось полной грудью»* (Новоселов, 1981, с. 181), *«начинался обычный, скучный и длинный день, хотя солнце говорило о красивой полной жизни и прыгавшие по двору воробьи уже пользовались ею, выражая во всех своих движениях горячее желание жить»* (Новоселов, 1981, с. 185).

Произведения о жизни, которая ничем не отличается от смерти, а живые люди в них – от мертвецов, соседствуют в творчестве Новоселова с произведением, в котором человек стремится к возрождению, оживлению мертвого. Речь идет о рассказе «Смерть Атбая» (1911), который посвящен извечному желанию человека преодолеть смерть.

При жизни главный герой, чьим именем названо произведение, *«прогрел своим богатством и умом»* (Новоселов, 1981, с. 200). Казалось, что у него есть все, что может пожелать человек: материальные блага, жена, дети, но вот он *«берет себе еще двух жен»* (Новоселов, 1981, с. 201). Берет их, не считаясь, по-видимому, в первый раз с мнением и со слезами своей первой жены Карип. Если исходить из религиозных представлений персонажей Новоселова, в Атбая вселяется шайтан, добавим, вселяется еще при жизни. Он становится носителем зла, злого начала. В мусульманской мифологии шайтан – дух зла, сатана, дьявол. Каждого человека сопровождают

ангел и шайтан, побуждающие его соответственно к добрым и нечестивым поступкам. В герое возобладали темное начало, и он наказан смертью. Атбай умирает насильственной смертью от руки своего сына Дюсюпа. Убитый герой не находит успокоения в могиле, в потустороннем мире, мире мертвых, его мучает шайтан, он просится наружу, в мир живых. По словам Дюсюпа, *«он просится, он требует, и он имеет на то право»* (Новоселов, 1981, с. 208).

Дюсюп не отличим в этом рассказе от шайтана, он готов на подкуп, убийство отца, истязания брата и все это ради денег: *«Он уже чувствовал в себе достаточно силы потягаться с самым опасным соперником, уже стал привыкать к мысли о близком, почти неограниченном господстве – и вдруг эта скверная история с покойником»* (Новоселов, 1981, с. 208). Сын мечтает вбить кол в грудь отца и тем самым успокоить его, умертвить вторично. С этим намерением старшего сына не согласна Карип, в которую, на первый взгляд, также вселяется злой дух, поскольку она мечтает раскопать могилу мужа и выпустить его на волю, то есть оживить.

Мать превращается, по словам младшего сына Садвакаса, в сумасшедшую, дикую кошку, животное, *«страшное в своей безумной ярости»* (Новоселов, 1981, с. 210). Она напоминает дьявола и ведьму одновременно: *«на лице ее застыл беззвучный дьявольский смех, глаза, как угли чернотала, метали искрами безумия, и вся она была точь-в-точь как та старуха, о которой говорится в сказке»* (Новоселов, 1981, с. 210). Новоселов и в этом случае сравнивает свою героиню с животным, однако если эта метаморфоза и происходит, то не ради денег, а ради любви, ради того, чтобы восторжествовала справедливость, чтобы обидчик Карип и ее мужа, пусть он и является их родным сыном, был наказан.

Героиня у Новоселова наделяется силой, которая способна преодолеть все препятствия, даже смерть, ради достижения цели. Карип не идет, а бежит, хотя *«раньше пешком из аула не делала ни шагу»* (Новоселов, 1981, с. 210). В этом ей помогает дух, вселившийся в нее. Не случайно люди «обознались», признали в бегущей Карип призрак ее умершего мужа и пытались загнать его в могилу. Такой перевертыш для Новоселова легко объясним – Атбай не может отомстить за себя, не может выступить против несправедливости, но это может сделать его жена. Духовная обеспокоенность, а не жажда материальной наживы или привычного существования вместо настоящей жизни движет героиней.

Новоселов, без всякого сомнения, на стороне героини, обезумевшей от горя и от невозможности осуществления заветной

мечты – оживить мужа. Ее порыв – это стремление вырваться из области жалкого существования и оказаться в мире настоящих человеческих ценностей. Автору даже, может быть, и не важно, понимает ли это Карип или нет. Важно, чтобы это понял читатель.

Карип перед смертью, сблизившей ее с мужем (и с настоящей жизнью), успела выкрикнуть его имя и доказать гнавшимся за ней, что ловили они ради своих корыстных целей не ее мужа, а ее саму, не шайтана, якобы вселившегося в нее, а живого и продолжающего любить человека, вопреки измене мужа, взявшего себе еще двух жен, вопреки самой смерти Атбая и ее собственной смерти.

Смерть в произведениях А.Е. Новоселова многолика. В коротких по объему рассказах автору удается размышлять о вечном. Психологическая манера писателя особым образом проявляется в произведениях, посвященных самому главному. Новоселов немногословен, в его лаконичных сочинениях нет обширных внутренних монологов героев, но они поражают своей простотой. Так, в рассказах «Легкая жизнь» и «Экзамен» речь идет о судьбах людей, задумывающихся о жизни и смерти, а в рассказе «Смерть Атбая» содержатся не размышления на тему жизни и смерти, а описывается реальный поступок, способный преодолеть смерть. Жизнь может быть неотличимой от смерти, а смерть может стать катализатором или источником по-настоящему наполненной жизни. Претендующие на интеллигентность и образованность люди оказываются бессильными перед мыслью о смерти, а необразованная и слабая женщина предстает негибаемой перед реальным концом.

Литература

- Бердников Г. А.П. Чехов. Идеиные и творческие искания. М., 1984.
- Гребнева М.П. Роль оппозиции «земное – небесное» в повести А.Е. Новоселова «Беловодье» // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2002.
- Гребнева М.П. К теме старообрядчества в творчестве А.Е. Новоселова // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2004.
- Гребнева М.П. Человек и природа в рассказах Г.Д. Гребенщикова и А.Е. Новоселова об Алтае // Современное общество, образование и наука. Тамбов, 2013.
- Гребнева М.П. Тема преступления в рассказе А.Е. Новоселова «Смерть Атбая» // Danish Scientific Journal. 2017. № 2.
- Маймин Е.А. Лев Толстой. Путь писателя. М., 1978.
- Одинокое В.Г. Поэтика романов Л.Н. Толстого. Новосибирск, 1978.
- Очерки русской литературы Сибири: в 2-х тт. Новосибирск, 1982. Т. 1.
- Трушкин В.П. Пути и судьбы. Иркутск, 1985.
- Шиловский М.В. Судьбы, связанные с Сибирью: Биографические очерки. Новосибирск, 2007.

Список источников

- Новоселов А. Беловодье. Иркутск, 1981.
Чехов А.П. Собрание сочинений: В 12-ти тт. М., 1985. Т. 10.

References

- Berdnikov G. A.P. *Chehov. Idejnye i tvorcheskie iskanija* [A.P. Chekhov. Ideological and Creative Searches]. М., 1984.
- Grebneva M.P. *Rol' oppozitsii «zemnoe – nebesnoe» v povesti A.E. Novoselova «Belovod'e* [The Role of the Opposition «Earthly – Heavenly» in the A.E. Novoselov's Novel *Belovodye*]. *Altayskiy tekst v russkoy kul'ture* [Altai text in Russian culture]. Barnaul, 2002.
- Grebneva M.P. *K teme starobryadchestva v tvorchestve A.E. Novoselova* [On the Theme of the Old Believers in the A.E. Novoselov's Works]. *Altayskiy tekst v russkoy kul'ture* [Altai Text in Russian Culture]. Barnaul, 2004.
- Grebneva M.P. *Chelovek i priroda v rasskazakh G.D. Grebshchikova i A.E. Novoselova ob Altae* [Man and Nature in the Stories of G.D. Grebshchikov and A.E. Novoselov about Altai]. *Sovremennoe obshchestvo, obrazovanie i nauka* [Modern Society, Education and Scienc]. Tambov, 2013.
- Grebneva M.P. *Tema prestupleniya v rasskaze A.E. Novoselova «Smert' Atbaya»* [The Theme of the Crime in the A.E. Novoselov's Short Story *Death of Atbay*]. *Danish Scientific Journal*. 2017. No. 2.
- Maimin E.A. *Lev Tolstoj. Put' pisatelja* [Lev Tolstoy. The Path of the Writer]. М., 1978.
- Odinokov V.G. *Pojetika romanov L.N. Tolstogo* [Poetics of L.N. Tolstoy's Novels]. Novosibirsk, 1978.
- Ocherki russkoj literatury Sibiri* [Essays on Russian Literature of Siberia]. In 2 vols. Novosibirsk, 1982. Vol. 1.
- Trushkin V.P. *Puti i sud'by* [Ways and Destinies]. Irkutsk, 1985.
- Shilovsky M.V. *Sud'by, svjazannye s Sibir'ju: Biograficheskie ocherki* [Fates Associated with Siberia: Biographical Essays]. Novosibirsk, 2007.

List of sources

- Novoselov A. *Belovod'e* [Belovodye]. Irkutsk, 1981.
Chekhov A.P. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. In 12 vols. М., 1985. Vol. 10.

**ОБРАЗ «ЯБЛОКО» В ФОЛЬКЛОРНОМ СОЗНАНИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ БАШКИРСКОГО
НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА)¹**

Н.А. Хуббитдинова

Ключевые слова: мотив, образ, яблоко, сказка, эпос, художественная функция, символ жизни, райские плоды, художественные универсалия культур.

Keywords: motif, concept, apple, fairy tale, epic, artistic function, symbol of life, Paradise fruits, artistic universal of cultures.

DOI 10.14258/filichel(2020)1-08

Яблоко в картине мира многих народов представляется древним символом жизни, вечной молодости и бессмертия. Благодаря своей почти идеальной шарообразной форме, оно символизирует также целостность, бесконечность, вечность, обратимость, цикличность, совершенство.

Как писал А.Н. Афанасьев, иногда яблоня могла олицетворять райское дерево, древо жизни, известное из Библии. Хотя в священном писании не уточняется, о каком конкретном древе и плодах его («приятные на вид и хорошие для пищи») идет речь. Говорится лишь о том, что посреди сада росло древо познания добра и зла, и Бог, как известно, запретил человеку есть его плоды. Змий-искуситель хитростью заставил Адама и Еву нарушить божий запрет, в результате они были изгнаны из рая. Традиционный мотив «запрета» неизменно влечет за собой цепочку мотивов «нарушение запрета» и «наказание». Таким образом, дальнейшая судьба людского рода была предрешена.

Рассуждая об упомянутом в Библии древе добра и зла, Дж. Фрезер пришел к выводу о существовании не одного, а двух деревьев: древе жизни и древе смерти. Очевидно, «...что человеку было предоставлено на выбор: либо вкусить от одного и получить в удел вечную жизнь, либо вкусить от другого и умереть...» [Фрезер, 1985, с. 31].

Яблоневое дерево в жизни башкир, видимо, имело особое значение. Во-первых, оно было повсеместно культивировано намного позже, чем у других народов. Раньше в одной деревне, например, садов

¹ Печатается при финансовой поддержке гранта РФФИ 19-412-020008 Архаический эпос башкирского народа: художественно-стилистический аспект (эпосы «Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу»).

с плодоносящими яблонями можно было пересчитать по пальцам. Поэтому-то именно эти немногочисленные сады были объектом «нападений» со стороны детворы. Если недалеко от деревни располагался город (например, город Магнитогорск Челябинской области граничит с деревнями Абзелиловского района Республики Башкортостан), то его жители (по большей части имеющие свои собственные сады) ехали сюда с мешками яблок для обмена на сельские продукты – молоко, творог и яйца. Такой был своеобразный примитивный бартер.

Во-вторых, возможно, эта исключительность яблони зародилась и сохранилась издревле. Еще в башкирских народных волшебных сказках именно сад с золотыми яблоками является местом зарождения конфликта: *«Давно жил один царь. Из сада этого царя каждый день пропадают золотые яблоки...»* (Башкирское народное творчество..., 1976, с. 53)¹; *«...Каждое утро в сад этого старика прилетала одна золотая птица и клевала его золотые яблоки»* (Башкирское народное творчество..., 1976, с. 55) и т.д. Пропажа яблок или их надкусывание влечет за собой выяснение причины этого события. снаряжение охоты за птицей, ее ловля или установление вора и т.д. приближают к развязке, которая традиционно выражается в бракосочетании молодых.

Как видно из приведенных примеров, яблоко в сказке изображается золотым. Это значит, что они являются драгоценными, волшебными, необычными. Как утверждает А.Н. Афанасьев, ссылаясь на индоевропейскую мифологию, образ «золотого яблока» представляет собой символ молодости, вечной жизни и красоты, а также символ брака, райских плодов [Афанасьев, 2000, с. 287].

Яблоко, символизируя нежные чувства, любовные отношения, в башкирском фольклоре имеет особую смысловую, идейно-эстетическую нагрузку, выполняет своеобразную идейно-художественную функцию. Так, в народном эпосе «Кузыйкурпес и Маян-хылу», известном и среди барабинских татар, казахов, ногайцев, два друга Кусярхан и Кусмясхан по совету старика-авлии или старухи угостили своих бездетных жен разделенными пополам яблоками или семечками этого яблока. В подобном варианте главные герои названы как Алмабикэ – Маян-хылу и Алмабатыр – Кузыйкурпес, где корень «алма» в переводе с башкирского языка означает все то же – «яблоко». В результате, у них родились долгожданные дети – у одного дочь, у другого сын, которые в будущем должны были быть обручены

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

(Башкирское народное творчество..., 1973, с. 343). Как и в русском песенном, обрядовом фольклоре, яблоко приобретает «двойственное значение» – с представлением мужчины, и с представлением женщины [Фадеева, 2006, с. 73]. В упомянутом справочно-библиографическом сборнике А.Н. Афанасьева на тему яблока также приведены следующие мотивы: «...Незнакомец дает герою яблоко, которое съедает его жена, кобыла и собака, после чего каждая из них родила сына (серб.), Королева съедает яблоко, принесенное вороном, и становится беременной» и т.д. [Афанасьев, 2000, с. 29]. Следовательно, яблоко символизирует начало жизни, построенной на любви и преданности.

В народных сказках образ яблока часто включается в мотив «выбор суженого посредством одаривания его яблоком». Так, в сказках типа АТ532 («Златохвостый-Серебряногривый», «Златовласый джигит») царевна выбирает себе жениха, вручая ему яблоко: «...*Царь, давая старшей дочери яблоко, говорит: “Бросай яблоко в толпу, кто будет в состоянии и поймает яблоко, тот и станет твоим женихом”* (“Златовласый джигит”» (Башкирское народное творчество..., 1976, с. 51). Дарение яблока символизирует проявление любовных чувств, на чем основывается выбор суженого.

Мотив «выбор суженого посредством одаривания его яблоком» нашел свое отражение и в башкирском народном архаичном эпосе «Урал-батыр»:

*...Урал тоже строй не нарушал,
Вместе с другими стоял.
Дочь падишаха, проходя по рядам,
Всех егетов (юношей. – Н.Х.) перебрала,
Но среди них по душе
Ни одного егета не нашла.
Наконец, она к Уралу
Приблизилась, говорят.
Остановилась возле него,
На Урала взглянула, говорят.
Взяла в руку яблоко она,
Подарила ему, говорят...
«Дочь падишаха полюбила его,
Он зятем падишаха стал!» –
Закричали так, зашумели все...
(Урал-батыр..., 1977, с. 284-285).*

Действительно, батыр проходит через испытание, а именно побеждает свирепого быка, воинов и рабов Катила – царя тьмы. Только

после этого он женится на царской дочери. Так, мотив «выбора суженого посредством одаривания его яблоком» породил один из микросюжетов, который помогает в построении главного сюжета.

Но также известно, что яблоко могло быть символом раздора и спора. Согласно древнегреческому мифу о Троянской войне, на свадьбу Пелея и Фетиды были приглашены все олимпийские боги, кроме богини раздора Эриды, которая, оскорбившись, бросила среди пирующих золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей». Это вызвало спор, приведший к войнам и раздорам (Мифы народов мира, 1988, с. 528).

В эпосе «Урал-батыр» яблоко не сразу символизировало любовь и брак. Когда дочь царя Катила отдала свое предпочтение Уралу, даже приняв подарок, он сперва отверг предложение стать ее мужем. Когда по велению девушки его позвали во дворец, он вдруг заявил:

*«...Порядков ваших не знаю я,
Чем все это кончится, посмотрю,
Потом, может быть, и пойду,
Девушку [сам] отыщу», –
Так Урал ответил, говорят.
Приглашение приближенных
Так он, говорят...
(Урал-батыр..., 1977, с. 285).*

Отказ героя от предложения стать мужем царевны привел пусть не к раздору, но конфликту, заключающемуся в испытании его на мужество и бесстрашие: ему пришлось сражаться с воинами-стражами царя, затем с его свирепым бугом – быком. Лишь одержав победу, другими словами, пройдя все испытания, Урал-батыр согласился-таки на брак с царевной. В результате выполняется первоначальная смысловая, идейно-художественная функция мотива «выбор суженого посредством одаривания его яблоком» и самого образа «яблоко».

Таким образом, яблоко как художественный символ и как часть мотива «выбор суженого...» в устно-поэтическом народном творчестве является традиционным поэтическим элементом. Он, в основе своей восходя к древним мифологическим корням, воззрениям и поверьям народов, выполняет разнообразные функции. Эти традиционные образ с мотивом могут играть как положительную, так и отрицательную роль, как в случае с образом «яблока раздора». При этом в произведении они не теряют своей первоначальной сюжетообразующей функции, своего идейно-эстетического своеобразия. В башкирском архаическом эпосе «Урал-батыр» образ яблока и связанный с ним мотив также нашли свое идейно-художественное отражение. В какой-то момент ощущение, что

заявленный мотив «выбор суженого...» не получит своего развития и не выльется в сюжет (а подобных, так называемых, недоразвитых мотивов, лакун в данном эпосе множество), пропадает после выполнения ряда законов эпосотворчества: герой должен пройти испытания. Только выполнив все поставленные перед ним условия, он достигает своей цели, женившись на одарившей его яблоком девушке. В любом случае, образ «яблоко» и связанный с ним мотив являются частью художественного универсалия культур, традиционных для многих народов мира, в частности для башкир.

Литература

- Афанасьев А.Н. Поэтическое воззрение славян на природу. М., 2000.
 Fadeeva L.V. «Яблонеый сад» А.Н. Островского (о народно-поэтических основах комедии «Правда – хорошо, а счастье – лучше») // Традиционная культура. 2006. № 1.
 Фрезер Дж. Фольклор в Ветхом завете. М., 1985.

Список источников

- Башкирское народное творчество: Эпос. Уфа, 1973. Кн. 2.
 Башкирское народное творчество: волшебнo-герoические сказки. Уфа, 1976. Т. 2.
 Троянская война // Мифы народов мира. М., 1988. Кн. 2. К-Я.
 Урал-батыр // Башкирский народный эпос: Эпос народов СССР. М., 1977.

References

- Afanas'ev A.N. *Poeticheskoe vozzrenie slavyan na prirodu* [The Slavic Poetic View of Nature]. Moscow, 2000.
 Fadeeva L.V. «*Yabloneyyj sad*» A.N. Ostrovskogo (o narodno-poeticheskikh osnovah komedii «*Pravda – horosho, a schast'e – luchshe*») [A.N. Ostrovsky's «Apple Orchard» (on the folk poetic foundations of the comedy «Truth is Good, but Happiness is Better»)]. *Tradicionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2006. No. 1.
 Frezer Dzh. *Fol'klor v Vethom zavete* [Folklore in the Old Testament.]. Moscow, 1985.

List of sources

- Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo: Epos* [Bashkir Folk Art: Epic]. Ufa, 1973. Vol. 2.
Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo: volshebno-geroicheskie skazki [Bashkir Folk Art: Magical and Heroic Tales]. Ufa, 1976. Vol. 2.
Troyanskaya vojna [Trojan War]. *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Moscow, 1988. Book 2. K-I.
Ural-batyr [Ural-Batyr]. *Bashkirskij narodnyj epос: Epос narodov SSSR* [Bashkir People's Epic: Epic of the Peoples of the USSR]. Moscow, 1977.

СЛОВА ГОРОД И ГОРОДСКОЙ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Цзян Нань

Ключевые слова: фразеологизм, перифраза, семантика, синоним, стилистическая помета.

Keywords: phraseology, periphrasis, semantics, synonym, usage label.

DOI 10.14258/filichel(2020)1-09

Фразеологизмы в русском языке всегда были востребованы в силу того, что они наделены особой выразительностью. В конце XX – начале XXI века их популярность возросла. В.М. Мокиенко пишет, что «в России последнее двадцатилетие можно без преувеличения назвать эпохой Фразеологизации всей страны» [Мокиенко, 2012, с. 59]. Тем, кто изучает русский язык как иностранный, необходимо обращать внимание на фразеологию, чтобы понять русскую культуру и избежать коммуникативных неудач в общении.

Как известно, в каждом языке имеются слова, «особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры» [Вежицкая, 1996, с. 282]. К таким лексическим единицам можно отнести *город* и *городской*.

Расширение семантического объема слова *город* зависело от изменения функций города в человеческом обществе, а также от процесса урбанизации. С момента своего появления город выступал как окруженное оградой убежище для защиты жителей от врагов [Арсеньев, URL]. Само слово *город* происходит от общеславянского *гордь* – «городить, огораживать» [Крылов, 2005]. Это значение отражено в словаре В. Даля: «городьба, ограда около жилья, населения» [Даль, 1956, с. 380]. По мере развития цивилизации город стал обладать все большим количеством функций: административной, промышленной, торгово-финансовой, культурной и др. В разных толковых словарях показано изменение значения этого слова: крупный населенный пункт, управляемый по особому положению, административный, промышленный и торговый центр [Ушаков, 2013, с. 100]; крупный населенный пункт, являющийся административным, промышленным, торговым и культурным центром, и жители такого населенного пункта [Ефремова, 2012].

Со словом *город* тесно связано церковнославянское по своему происхождению существительное *град*, являющееся его стилистическим синонимом, что отражено в словарных

функционально-стилевых пометах «традиционно-поэтическое» и «устаревшее».

Представляется интересным рассмотреть употребление слов *город*, *град* и *городской* во фразеологизмах. Известно, что фразеологизмы определяются как семантически связанные сочетания слов, которые «не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов <...>, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [Телия, 1990, с. 559].

Нами отмечены следующие фразеологические обороты и перифразы со словами *город*, *град* и *городской* в современном русском языке: *города и веси*, *по городам и весям*, *грады и веси*, *город Глухов*, *городу и миру*, *ни к селу ни к городу*, *ни в городе Богдан*, *ни в селе Селифан*, *сделать басней города*, *сделаться басней города*, *смычка города и деревни*, *породненные города*, *град Божий*, *град Земной*, *Небесный град*, *стольный град*, *невидимый град Китеж*, *Святой град*, *град Петров*, *вечный город*, *мать русских городов*, *город желтого дьявола*, *городской сумасшедший*. Материал отбирался из толковых, фразеологических и энциклопедических словарей; современных периодических изданий, художественной и публицистической литературы, Национального корпуса русского языка (см. Списки словарей и источников).

Рассмотрим эти словосочетания.

Фразеологические обороты *города и веси*, *по городам и весям* и *грады и веси* близки по семантике («все вокруг»). Они также имеют одинаковые словарные пометы: «высокое», «книжное» или «публицистическое». *По городам и весям* означает «повсюду, повсеместно». Сочетание *грады и веси* – «все обитаемое пространство» – отмечено как фразеологизм с архаической, книжной и высокой стилистической окраской [Мокиенко, Никитина, 2007, с. 160]. В современном русском языке эти выражения иногда обыгрываются, что характерно для масс-медиа. Например, *Все остальные города и веси лишь присоединялись к Москве, создавая этаким торжественный фон очередного «всенародного праздника* (Грищенко, 2004¹). *Ситуация, к сожалению, по городам и весям Самарской области запущена давно, и больной скорее мертв, чем жив* (Коммерсантъ. Самара. 16.11.2018). *Первый из них отлично известен всем IT-компаниям, в частности, как главное основание уплаты по всем градам и весям России мзды*

¹ Здесь и далее в круглых скобках указан источник эмпирического материала исследования.

чиновникам за согласование размещения сотовых вышек (Коммерсантъ. 14.02.2011); 8 октября губернатор региона-33 Владимир Сипягин неожиданно провел пресс-конференцию для владимирской прессы в Петушинском районе. Произошло это после многочасового путешествия по городам и весям, где журналистам рассказывали, как «колосится» Владимирская область (Владимирская газета. 09.10.2019).

Языковая игра наблюдается и в употреблении фразеологизма *ни к селу ни к городу* – «совершенно не к месту, некстати». *Город* и *село* как его компоненты противостоят друг другу, но лишились своих значений (ср. *ни то ни се*). В СМИ можно встретить употребление этого выражения и в дословном значении, при этом возникает игра слов. Например, заголовок статьи: «*Ни к селу, ни к городу. Географ Алла Махрова – о национальных особенностях российской урбанизации*» (Огонек. 12.10.2015).

Особое место занимает фразеологизм *городу и миру*, который имеет значение «широковещательно, всему свету, всем без исключения» [Мокиенко, Никитина, 2007, с. 156]. Это выражение, как пишет В.В. Серов, происходит от латинского *Urbi et orbi*: при избрании Папы Римского с конца XIII века Кардинал облачал нового Папу в мантию и произносил фразу: «Облачаю тебя римским папским достоинством, да предстоишь ты городу и миру» [Серов, 2005, с. 189]. Под городом подразумевался Рим. В качестве современного примера можно привести заголовок статьи Андрея Угланова «*Послание городу и миру – про бедных*» в газете «Аргументы недели», посвященной предстоящему выступлению Владимира Путина с Посланием Федеральному собранию (Аргументы недели. 14.01.2020).

Есть фразеологизмы литературного происхождения. К ним относится выражение *город Глухов*, которое имеет в словаре стилистические пометы «книжное», «публицистическое», «ироническое» и «презрительное» и обозначает мещанский город, живущий в рутине мелких бед и невежества. Глухов – название выдуманного города в сатирическом романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «*Истории одного города*» [Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998, с. 130].

Можно отметить, что в современных СМИ сочетание *город Глухов* встречается и с упоминанием источника, и без него. Например: *В Неманском районе области и вовсе сложился семейный подряд, достойный пера Салтыкова-Щедрина, автора истории про город Глухов: родственники руководителей администрации возглавляют фирму* (Аргументы и Факты. 13.05.2015); *Или судьба такая у нас,*

живущих в России, – точно город Глупов: за что ни возьмутся нами управляющие – все через одно место! (Огонек. 20.02.2012).

Фразеологизм *ни в городе Богдан, ни в селе Селифан* обозначает недалекого, посредственного человека, ленивого и неспособного на серьезное дело [Федоров, 2008, с. 152]. Принято считать, что Богдан выступает как городское имя, а Селифан – как сельское. После того, как Н.В. Гоголь применил эту характеристику к своему герою Манилову в поэме «Мертвые души», она стала ассоциироваться именно с этим персонажем. *Вы читаете о Манилове, а чувствуете ли вы, как это страшно, когда в человеке никакого, ну решительно никакого «задора» нет, когда он «ни то ни се, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан»?* [Кабо, 1985].

Выражение *сделать басней города* – «сделать предметом пересудов, разговоров» упоминается в Словаре русского языка XVIII века [Словарь русского языка..., 1984]. Однако оно не утратило актуальности и в более поздние эпохи. Приведем пример из произведения И.А. Бунина: *Я вовсе не хочу, чтобы мы сделали басней города. Вот соберемся как-нибудь компанией. Вы ведь все равно знаете, что я для вас поеду* (Бунин, 1897).

Ряд фразеологизмов связан с христианскими трудами: *град Божий* и *град Земной* заимствованы из книги «Град Божий», автор которого – христианский богослов, философ-мистик Августин Блаженный (354 – 430). *Град Божий* обозначает изображение человеческого общества, руководствующегося любовью к Богу, а *град Земной* – изображение сил зла в человеческой истории, которые противостоят воле Бога [Мак-Ким, 2004, с. 96]. Словосочетание *Небесный град* возникло в «Откровении святого Иоанна Богослова» Библии, оно символизирует предельную гармонию, единство физического и духовного и объясняет с помощью земных образов божественные категории [Михаленко, URL]. В этих фразеологизмах слово *град* обладает религиозным символическим смыслом. Перифраза *Святой град* обычно ассоциируется с Иерусалимом. Устойчивое словосочетание *невидимый град Китеж* называет священный город, который по преданию ушел на дно озера Светлояра Нижегородской области.

К известным перифразам Петербурга относится словосочетание *град Петров. Вечный город* – это устойчивое в мировой литературе наименование Рима, которое восходит к элегии римского поэта Тибулла (ок. 50–19 годы до н.э.). Перифраза *мать русских городов* – Киев. «Город желтого дьявола» – очерк Максима Горького из цикла «В Америке», который был опубликован в 1906 году. *Желтый дьявол*

означает деньги, золото. Перифраза *город желтого дьявола* у Горького символизирует город, где все подчинено власти денег, наживы.

Фразеология города может определяться историческими факторами. Так, словосочетание *смычка города и деревни* пришло из общественного движения 1920–1930-х годов и является лозунгом, направленным на преодоление разрыва в уровне жизни рабочих и крестьян. На первый взгляд это архаизм. Однако в новостях на Первом телеканале прозвучало: *В минувшую среду в Кремле глава государства обсуждал подготовку к референдуму об объединении Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. <...> О сибирской смычке города и деревни с места объединения – наш корреспондент Евгения Саяпина* (Первый канал. 09.04.2006).

Исторически сложилось и выражение *породненные города*, или *города-побратимы*, – города в разных государствах, между которыми установлены постоянные дружеские связи в области культуры, науки, истории, туризма. Этот термин восходит ко времени Второй мировой войны. Сейчас уже существует ассоциация породненных городов.

Среди выражений с прилагательным *городской* наиболее устойчивым можно считать словосочетание *городской сумасшедший*, которое понимается как «чужак». Такое определение можно встретить в словаре «Язык Одессы»: *Такие люди есть в каждом городе, но в Одессе они особенно колоритны* [Котов-Памеранченко, 2005, с. 34]. Можно привести пример из современной прозы: *У нее стадо коз, и она каждый день ездит к ним в соседний городок. Дальше – обыкновенный городской сумасшедший. Он ездит на велосипеде круглый год* (Конрадова, 2007).

В отличие от фразеологизмов, устойчивые атрибутивные словосочетания с прилагательным *городской*, такие как *городской сад, городской парк, городская усадьба, городской транспорт, городская жизнь, городской житель, городская среда* и др., являются относительно свободными. По данным исследователей, они наделены высокой частотностью употребления. Например, Т.А. Лапаева соотносит устойчивость «с детерминированностью связей в словосочетаниях или с предсказуемостью компонентов. Устойчивыми сочетаниями с этой точки зрения являются не только ФЕ, но и другие разновидности несвободных сочетаний» [Лапаева, 2007, с. 75]. Эти словосочетания приводятся в словарной статье как типичный *синтагматический контекст* слова и в то же время функционируют как *цельные номинативные единицы*. Наиболее показательными представляются выражения *городская жизнь* и *городской житель*. *Городской житель (горожанин)* – особый тип личности, он

самостоятелен в выборе рода занятий и норм поведения. *Городская жизнь* предполагает образ жизни, характерный для города – с его многолюдностью, обилием транспорта, многообразием социальных связей.

Как мы могли убедиться, фразеологизмы со словами *город, град, городской* охватывают разные области русской культуры и являются важной составляющей языкового фонда. Данные русские фразеологизмы востребованы в силу того, что они аккумулируют в себе исторический и религиозный опыт и в то же время связаны с современной тематикой.

Литература

- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Лапаева Т.А. Устойчивые сочетания в системе языковых единиц // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2007. № 44.
- Михаленко Н.В. Небесный Град в творчестве С.А. Есенина и в культурном контексте конца XIX – начала XX веков. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rupisateli.ru/esenin/index.htm>
- Мокиенко В.М. Жизнь русской фразеологии в современной речи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4.
- Телия В.Н. Фразеологизм // Большой энциклопедический словарь. Языковедение. М., 2000.

Словари

- Арсеньев К.К. Город // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/>
- Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник. СПб. 1998.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. М., 1956. Т. 1.
- Ефремова Т.Ф. Толковый словарь русского языка. М., 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/rus/efremova-tolk/276305.html>
- Котов-Померанченко В. Язык Одессы. Слова и Фразы. Одесса, 2005.
- Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. СПб., 2005.
- Мак-Ким Д.К. Вестминстерский словарь теологических терминов. М., 2004.
- Мокиенко В.М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М., 2007.
- Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М., 2005.
- Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю.С. Сорокин. Л., 1984.
- Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М., 2013.
- Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008.

Список источников

- Аргументы и факты. [Электронный ресурс]. URL: www.aif.ru
- Аргументы недели. [Электронный ресурс]. URL: <https://argumenti.ru>

- Бунин И.А. Без роду-племени (1897) // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 13-и тт. М., 2006. Т. 1.
Владимирская газета. [Электронный ресурс]. URL: www.tomiks33.ru/vg/
Грищенко Б. Посторонний в Кремле. М., 2004.
Издательский дом Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. URL: www.kommersant.ru
Кабо Л.Р. Наедине с другом. Беседы. М., 1985.
Конрадова Н. Подсели на колеса [Электронный ресурс]. URL: https://expert.ru/russian_reporter/2007/07/velosipedniy_bum/
Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.search.ruscorp.org
Огонек. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/ogoniok>

References

- Vezhbitskaya A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Knowledge]. Moscow, 1996.
Lapaeva T.A. *Ustojchivye sochetaniya v sisteme jazykovyh edinic* [Stable Combinations in the System of Language Units]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Jaroslava Mudrogo* [Novgorod State University Yaroslav the Wise University Bulletin]. 2007. № 44.
Mikhaleiko N.V. *Nebesnyy Grad v tvorchestve S.A. Esenina i v kul'turnom kontekste kontsa XIX – nachala XX vekov* [Heavenly City in the Works of S.A. Esenin and in the Cultural Context of the late XIX – early XX centuries]. URL: <http://www.rupisateli.ru/esenin/index.htm>
Mokienko V.M. *Zhizn' russkoy frazeologii v sovremennoy rechi* [Life of Russian Phraseology in Modern Speech]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Kemerovo University Bulletin]. 2012. No. 4.

Dictionaries

- Arsen'ev K.K. *Gorod* [City]. *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Ephron Encyclopedic Dictionary]. URL: <https://gufo.me/dict/brockhaus>
Birikh A.K., Mokiyenko V.M., Stepanova L.I. *Slovar' russkoy frazeologii. Istoriko-etimologicheskij spravochnik* [Dictionary of Russian Phraseology. Historical and Etymological Directory]. St. Petersburg, 1998.
Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Definition Dictionary of the Living Great Russian Language]. In 3 vols. Moscow, 2006.
Efremova, T.F. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Definition Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 2012. URL: <https://slovar.cc/rus/efremova-tolk/276305.html>
Kotov-Pomeranchenko V. *Yazyk Odessy. Slova i Frazy* [Odessa Language. Words and Phrases]. Odessa, 2005.
Mak-Kim Donald K. *Vestminsterskiy slovar' teologicheskikh terminov* [Westminster Dictionary of Theological Terms]. Moscow, 2004.
Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [Large Dictionary of Russian Sayings]. Moscow, 2007.
Serov V.V. *Entsiklopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy* [Encyclopedic Dictionary of Winged Words and Expressions]. Moscow, 2005.
Slovar' russkogo yazyka XVIII veka [Russian Language Dictionary of the XVIII century]. Leningrad, 1984.
Ushakov D.N. *Tolkovyy slovar' sovremennoy russkogo yazyka* [Definition Dictionary of the Modern Russian Language]. Moscow, 2013.

Fedorov A.I. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Phraseology in Russian Literary Language]. Moscow, 2008.

List of sources

- Argumenty i fakty* [Arguments and Facts]. URL: www.aif.ru
Argumenty nedeli [Arguments of the Week]. URL: <https://argumenti.ru>
Bunin I.A. *Bez rodu-plemeni (1897). Polnoe sobranie sochineniy* [Without a Tribe (1897). A Complete Set of Works]. In 13 vols. Moscow, 2006. Vol. 1.
Vladimirskaia gazeta [Vladimir Newspaper]. URL: www.tomiks33.ru/vg/
Grishchenko B. *Postoronniy v Kremle* [An Outsider in the Kremlin]. Moscow, 2004.
Izdate'skij dom Kommersant.' [Publishing House Kommersant]. URL: www.kommersant.ru
Kabo L.R. *Naedine s drugom Besedy* [Alone With a Friend. Conversations]. Moscow, 1985.
Konradova N. *Podseli na koleasa* [Hooked on Wheels]. URL: https://expert.ru/russian_reporter/2007/07/velosipedniy_bum/
Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. URL: www.search.ruscorpora.ru
Ogonek [Light]. URL: <https://www.kommersant.ru/ogoniok>

ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РАННЕНОВОВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

А.С. Новикова

Ключевые слова: восклицательное предложение, ранненововерхненемецкий, фастнахтшпиль, синтаксис.

Keywords: exclamatory sentence, Early New High German, fastnachtspiel, syntax.

DOI 10.14258/filichel(2020)1-10

Экскламативные или восклицательные предложения (эти понятия синонимичны) отличаются повышенной эмоциональностью и экспрессивностью и являются одним из способов выражения переживаний и состояний говорящего. Существуют различные подходы к изучению и определению восклицательного предложения, однако в целом исследования делятся на две группы:

– экскламатив трактуется как отдельный тип предложения [Нэф, 1996; Альтман, 2016]

– восклицательность рассматривается как дополнительная характеристика, которая накладывается на основные типы предложений [Адмони, 1973, 1990; Кострова, 2004; д'Авис, 2013].

Экскламативные предложения могут обладать различной синтаксической формой. В грамматике немецкого языка Г. Цифонун, Л. Хоффманна и Б. Штрекера указаны пять моделей построения восклицательного предложения, которые отличаются постановкой финитного глагола и наличием союзов и союзных слов. Изменяемый глагол может стоять на втором месте, в этом случае экскламативное предложение по форме совпадает с декларативным. Также допустима постановка глагола в начале предложения. Отдельно выделяются восклицания с союзом *dass*, в которых финитный глагол занимает конечную позицию. Кроме того, особый тип образуют экскламативы с вопросительными местоимениями и наречиями, так называемые *w-Sätze*. Следует также отметить оценочные предложения с именным сказуемым, которые в сокращенной модели могут содержать только оценочный предикатив [Zifonun, 1997, s. 672].

Экскламативные предложения тесно связаны с установкой говорящего и его эмоциональным состоянием, данный тип наблюдается уже на ранних стадиях развития языка как неотъемлемая часть человеческой коммуникации. Восклицательное предложение

упоминается в некоторых грамматиках средневерхненемецкого языка, хотя исследования этого времени носят несистемный характер и не могут считаться достаточными для определения статуса экскламативного предложения с исторической перспективы. В грамматике средневерхненемецкого языка Г. де Бора и Р. Вишневской экскламатив обозначен как отдельный тип предложений немецкого языка, наряду с повествовательным, вопросительным и побудительным [de Boor/Wiscnievski, 1984, s. 163]. Критерием разграничения служат порядок слов, залог и ударение. Примечательно, что в исследовании не дается подробного описания характеристик экскламативных предложений, здесь также отсутствуют указания на то, по какому принципу можно отличить восклицательные предложения от других типов. В грамматике названы только два специальных свойства, присущих экскламативам – это повышенная эмоциональность и употребление экспрессивных лексических средств (которые могут выражать радость, гнев, отчаяние, волнение и т.д.) в начале предложения [de Boor/Wiscnievski, 1984, s. 169].

В монографии «Исторический синтаксис немецкого языка» В.Г. Адмони обращается к экспрессивной стороне предложения, называя коммуникативный, качественно-функциональный и эмоциональный аспекты. Тем не менее, исследователь не выделяет экскламатив как отдельный тип предложения в средневерхненемецком языке. Адмони обращает внимание лишь на средства выразительности, подчеркивающие экспрессию, такие как междометия, звукоподражательные формы слов (*tandaradei*) и так далее [Admoni, 1990, s. 110].

При рассмотрении вопроса исторического развития восклицательного предложения, необходимо помнить о том, что знаки препинания возникли на более поздних этапах становления языка. Поэтому восклицательный знак не может рассматриваться как критерий выделения экскламативов, ведь в средневерхненемецком и в ранних ранненоверхненемецких текстах его вовсе не было. Ш. Хехли пишет, что в XV и начале XVI века знак, внешне похожий на современный восклицательный, употреблялся как смысловозначительный символ и назывался запятой («*Soma*») [Höchli, 2010, s. 287]. В XV веке книгоиздатель Фридрих Ридерер (1450-1510) отмечает и другой знак, более жирно пропечатанный, чем запятая. Он называет его *exclamativus* или *admirativus* и указывает, что тот служит для выражения подчеркнутого удивления. В этом случае можно говорить, что мы имеем дело с предшественником современного восклицательного знака [Höchli, 2010, s. 287]. Интересно, что в

современных исследованиях ученые Ф. Д'Авис, К. Гобер, Г. Цифонун, рассматривая семантику восклицательных предложений, предлагают выделить в качестве общей смысловой составляющей именно отклонение от ожиданий, то есть удивление. Вольфганг Ратке (1571-1635) оказался наиболее близок к современному пониманию восклицательного знака и предложения в целом, о чем говорит сам придуманный им термин *Ausruffungszeichen*. Он ставит его в конце выражений восклицания, желания или удивления. Как отмечает Ш. Хехли, за исключением побуждений Ратке охватывает весь спектр значений, которые сейчас характерны для восклицательного знака [Höchli, 2010, s. 288].

Материалом данного исследования послужили избранные фастнахтшпили¹ (масленичные действия) Ганса Сакса (1494-1576), немецкого поэта и драматурга, жившего на рубеже XV-XVI веков. В его произведениях экскламативные предложения могут рассматриваться как средство имитации устной непринужденной речи, которая за счет своей мнимой спонтанности обладает эмоциональностью и экспрессивностью, возникающей при непосредственном общении. Среди различных типов экскламативных предложений наиболее маркированный тип – это восклицательные предложения с начальным *w*-элементом (так называемые, *w-Sätze*). В рассмотренных фастнахтшпилях Сакса насчитывается 23 примера экскламативов, в которых встречается вопросительное местоимение или наречие на *w*, при этом абсолютное большинство составляют конструкции на *wie* (20 примеров).

Предложения с наречием «*wie*» в начальной позиции могут содержать градуируемый элемент, как мы видим в примере (1) из фастнахтшпиля «*Das heiß Eysen*»:

(1) *Auwe, Auwe der meinen Hende! / Wie übel hat michs Eyssen prent / Von meiner Hende har vnd hawt!* (Sachs, 1883, s. 144)²

В данном случае характеристика действия выражена эксплицитно (*übel*), однако даже при опущении наречия, усиливающего негативное значение действия, смысл высказывания может быть выведен из контекста. Жена должна пройти проверку верности горячим железом. Она берет в руки раскаленный металл; если ее руки остаются без ожогов, ее невиновность считается доказанной. Героиня шпиля

¹ Материал исследования включает фастнахтшпили «*Der farent Schuler im Paradeiß*», «*Das heiß Eysen*», «*Das narren-schneyden*», «*Der doctor mit der grosen nasen*», «*Der böß Rauch*».

² Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

вскрикивает от боли, в примере встречается повторение междометия *auwe*, которое служит зачином восклицания, затем следует экскламативное предложение. Возникает ироничная ассоциация с рыцарским романом. Сам по себе сюжет испытания железом, или Божий суд, связан со средневековой традицией (вспомним легенду о Тристане и Изольде). Кроме того восклицательная конструкция, в начале которой стоят междометия *ôwî/auwe*, типична для средневекового куртуазного романа, ср. пример (2) из произведения «Tristan» Готфрида Страсбургского, в котором верная Изольде Брангена вскрикивает в отчаянии, узнав, что герои выпили любовный напиток и обрели себя на несчастье:

(2) *Ôwî ôwî isôt, / ôwî, daz dîn lop und dîn nam / ie hin ze Curnewâle kam!* (Gottfried von Straßburg, 1993, s. 590)

В примере (1) из фастнахтшпиля Сакса возникает снижение пафоса ситуации, действие приобретает ироничный характер. Поступки героев повседневны, в них отсутствует крайняя степень эмоциональной напряженности. Жена обжигается железом и вскрикивает от физической боли, описывая при этом свои неприятные ощущения. Таким образом подчеркивается насмешливый тон, свойственный всему произведению Сакса.

В случае, если предложение не содержит градуируемый элемент, читатель должен опираться на контекст и самостоятельно определять подразумеваемую автором оценку. В шпиле «Der farendt Schuler im Paradeiß» герой, пораженный глупостью своей жены, которая не только поверила школяру, что тот отправляется в рай и сможет передать посылку ее усопшему мужу, но и рассказывает всей округе о невероятной встрече, восклицает:

(3) *Ey, das vergelt der Teuffel dir! / sie haben all nut dein gespodt! / Wie hab ich ein Weib, lieber Gott! – Geh nein, richt mir ein Millich ahn.* (Sachs, 1982, s. 82)

Эмоциональная насыщенность подчеркивается раздраженным началом примера (3). Во втором предложении, таким образом, прослеживается негативная коннотация, которая становится очевидной исходя из контекста. В самом экскламативе отсутствует оценочный элемент. В другом ситуативном окружении можно представить ту же самую конструкцию с противоположной, восхищенной интонацией. Обращение (*lieber Gott*) в конце предложения усиливает экспрессивность высказывания. Изменяемый глагол стоит на втором месте, однако в конструкциях данного типа встречается также постановка финитного глагола на первом месте, как в примере (4) из шпиля «Das narren-schneyden»:

(4) *Wie hat er so ein gschwollen kopff!* (Sachs, 1870, s. 9)

Такая вариативность может быть связана с ритмическими и стилистическими особенностями. В некоторых случаях глагольное сказуемое отсутствует:

(5) *Schau, wie ein wilder wüster Wurm!* (Sachs, 1870, s. 14)

(6) *Schau, mein Gsell, wie ein großer Tropf!* (Sachs, 1870, s. 9)

(7) *Schau, wie ein viereckichten Narrn!* (Sachs, 1870, s. 9)

В примерах (5), (6) и (7) из фастнахтшпиля «Das parrenschneyden» восклицание связано с нарушением или превышением степени соответствия ожидаемого градуируемого признака определенному предмету. Императивная форма глагола *schau* в начале предложения позволяет подчеркнуть разговорный оживленный характер повествования, создается имитация устной речи. Предложения с начальным *w*-элементом в основном используются для передачи определенной эмоциональной оценки, зачастую формируя ироничный тон.

Среди экскламативов данного типа выделяется группа с конструкцией *was vor / was für*. В рассмотренных фастнахтшпилях Сакса встретилось два подобных примера:

(8) *Flucks nimb das Eyssn, weil es ist heiß, / vnd trag es sittlich auß dem kreiß, / das ich darbey mög nehmen ab, / was vor ein frommes Weib ich hab!* (Sachs, 1883, s. 143)

(9) *Ei, was bist für ein Lumpenmann!* (Sachs, 1883, s. 38)

В примере (8) изменяемый глагол стоит на последнем месте, в примере (9) – на втором месте. Вероятно, здесь играет ключевую роль расстановка смысловых акцентов. В первом случае муж уговаривает свою жену взять в руки раскаленное железо, чтобы доказать свою благопристойность и чистоту; ударение падает на прилагательное *fromm*. Во втором случае, напротив, акцентируется глагол, устанавливающий смысловую связь между существительным *Lumpenmann* и подлежащим, которое при этом опущено в предложении.

Изменяемый глагол может стоять на втором месте в экскламативах, тогда они по форме совпадают с декларативным предложением. При этом необходимым элементом оказываются маркеры, свидетельствующие о восклицательном характере предложения. Эту функцию выполняют междометия, которые в совокупности с контекстом создают повышенную экспрессивность высказывания:

(10) *Ach, ich bin halt mit jr verdorben!* (Sachs, 1882, s. 78)

В примере (10) из шпилья «Der farenndt Schuler im Paradeiß» крестьянин сокрушается из-за глупости своей жены, которая отдала деньги и вещи школяру, поверив, что тот отправляется в рай и передаст их ее умершему мужу. Междометие *ach*, а также особенности сюжетной линии передают экспрессивность предложения. Герой использует восклицание для выражения своего внутреннего состояния.

Необходимо отметить, что в случае предложений с изменяемым глаголом во второй позиции велика опасность субъективного разграничения типов предложения, так как остается нерешенным вопрос, где проходит граница между более эмоциональным и менее эмоциональным и в каком случае предложение, по форме совпадающее с повествовательным, можно считать экскламативом.

Некоторые исследователи предлагают рассматривать восклицательность как дополнительную характеристику, которая накладывается на основные типы предложений, если они содержат повышенную эмоциональную нагрузку. В этом случае побудительные предложения могут одновременно быть экскламативными. Так, В.Г. Адмони в «Синтаксисе современного немецкого языка» пишет, что «восклицательные предложения отличаются от других предложений только в одном определенном плане – в плане особой повышенной эмоциональности. Поэтому восклицательными предложениями могут быть также не только повествовательные, но и повелительные и вопросительные предложения, поскольку эти типы предложений различаются не с точки зрения своего эмоционального содержания, а с точки зрения стоящей перед ними задачи в процессе общения» [Адмони, 1973, с. 206]. О.И. Кострова в монографии «Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка» также упоминает эмоциональные побуждения. Согласно концепции исследователя, «классификация предложений по эмоциональной окраске накладывается на классификацию по коммуникативной целеустановке», поэтому экскламативы могут относиться к одному из трех типов: повествовательному, вопросительному или побудительному [Кострова, 1973, с. 153]. В анализируемых фастнахтшпильях Ганса Сакса широко представлены императивные восклицания. Тем не менее, при отсутствии авторской пунктуации вопрос градации экспрессивности побуждения кажется спорным. Повышенная эмоциональность высказывания в ряде случаев подчеркивается ситуативным контекстом и некоторыми лексическими и грамматическими маркерами.

Так, восклицания могут содержать обращение, которое должно воздействовать на собеседника (в приказе может выражать нетерпение и досаду, прагматически оно направлено на ускорение действия, в просьбе может использоваться для установления личного контакта, создания определенного эмоционального настроения, который позволит достигнуть поставленной цели и т.д.). О.И. Кострова отмечает, что обращение, способствующее установлению контакта между говорящими, воздействует намного сильнее, если оно произносится с восклицательной интонацией [Кострова, 1973, с. 142]. Обратимся к примеру из шпилья «Das heiß Eysen»:

(11) *Mein liebes Weib, da hab gedult! / Die lieb im herzen ligt verporgen!* (Sachs, 1883, s. 138)

В примере (11) муж отвечает на жалобы жены, которая сомневается в его верности. Ласковое обращение содержит в себе иронию, которая в дальнейшем по мере развития комического сюжета становится все очевиднее читателю.

Необходимо подчеркнуть, что в фастанхтшпильях Ганса Сакса восклицательные предложения перестают быть средством украшения и поэтизации языка (что мы наблюдаем в средневековых рыцарских романах), напротив, автор передает простой повседневный язык. Речь героев имеет подчеркнута устный характер, экскламаты часто содержат обращение, направлены на установление контакта между собеседниками и требуют ответной реакции. Восторженность и эмоциональная напряженность, связанная с описанием героических действий и соответствующих переживаний в средневековых рыцарских романах, заменяется ироничным повествованием, тяготеющим к оживленной разговорной речи.

Список литературы

Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка: система отношений и система построения. Л., 1973.

Кострова О.А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка. М., 2004.

Admoni V.G. Historische Syntax des Deutschen. Tübingen, 1990.

Altmann H. Zur Problematik der Konstitution von Satzmodi als Formtypen. Satzmodus zwischen Grammatik und Pragmatik. Berlin, 2016.

D'Avis F. Exklamativsatz. Satztypen des Deutschen. Berlin - New York, 2013.

De Boor H., Wiscniewski R. Mittelhochdeutsche Grammatik. 9. um eine Satzlehre erw. Aufl. Berlin, 1984.

Höchli S. Zur Geschichte der Interpunktion im Deutschen. Walter de Gruyter, 2010.

Näf A. Die w-Exklamativsätze im Deutschen – zugleich ein Plädoyer für eine Rehabilitierung der Empirie in der Sprachwissenschaft. Zeitschrift für germanistische Linguistik, 1996. Vol. 24.

Zifonun G., Hoffmann L., Strecker B. *Grammatik der deutschen Sprache*. Walter de Gruyter, 1997.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Gottfried von Strassburg. *Tristan*. Stuttgart, 1993.
Sachs H. *Elf Fastnachtspiele aus den Jahren 1550 u. 1551*. Halle, 1883.
Sachs H. *Fünfter Band*. Tübingen, 1870.
Sachs H. *Vierzehnter Band*. Tübingen, 1882.

References

- Admoni W.G. *Sintaksis sovremenogo nemetskogo yazyka: sistema otnosheniy i sistema postroeniya* [The Syntax of Modern German: a System of Relations and a System of Construction]. Leningrad, 1973.
Kostrowa O.A. *Ekspressivnyy sintaksis sovremenogo nemetskogo yazyka* [Expressive Syntax of Modern German Language]. Moscow, 2004.
Admoni V.G. *Historische Syntax des Deutschen*. Tübingen, 1990.
Altmann H. *Zur Problematik der Konstitution von Satzmodi als Formtypen. Satzmodus zwischen Grammatik und Pragmatik*. Berlin, 2016.
d'Avis F. *Exklamativsatz. Satztypen des Deutschen*. Berlin - New York, 2013.
De Boor H., Wiscniewski R. *Mittelhochdeutsche Grammatik. 9. um eine Satzlehre erw.* Aufl. Berlin, 1984.
Höchli S. *Zur Geschichte der Interpunktion im Deutschen*. Walter de Gruyter, 2010.
Näf A. Die w-Exklamativsätze im Deutschen – zugleich ein Plädoyer für eine Rehabilitierung der Empirie in der Sprachwissenschaft. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 1996. Vol. 24.
Zifonun G., Hoffmann L., Strecker B. *Grammatik der deutschen Sprache*. Walter de Gruyter, 1997.

List of sources

- Gottfried von Strassburg. *Tristan*. Stuttgart, 1993.
Sachs H. *Elf Fastnachtspiele aus den Jahren 1550 u. 1551*. Halle, 1883.
Sachs H. *Fünfter Band*. Tübingen, 1870.
Sachs H. *Vierzehnter Band*. Tübingen, 1882.

ФИЛОЛОГИЯ: ЛЮДИ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ

**90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИДЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ
ВОРОБЬЕВОЙ, ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОРА, ПЕРВОГО ЗАВЕДУЮЩЕГО КАФЕДРОЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ПОСВЯЩАЕТСЯ¹**

DOI 10.14258/filichel(2020)1-11

Ида Александровна Воробьева (1929–1996) – российский ученый-лингвист, заслуженный деятель науки РФ.

Преподавательская и научная деятельность И.А. Воробьевой началась в Томском государственном университете, где и была подготовлена докторская диссертация «Топонимическая система средней части бассейна Оби».

С 1973 по 1990 год И.А. Воробьева бесценно руководила сначала кафедрой русского языка, а после разделения последней – кафедрой общего и исторического языкознания. В числе более ста публикаций И.А. Воробьевой пять монографий, в том числе – «Топонимика Западной Сибири», «Язык земли. О местных

географических названиях Западной Сибири», «Русская топонимия бассейна

¹ В обзоре использованы материалы Т.В. Чернышовой, опубликованные на сайте Алтайского государственного университета: «В АлтГУ состоялся научно-практический семинар “Третьи Воробьевские чтения”, посвященный 90-летию со дня рождения Иды Александровны Воробьевой». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.asu.ru/structure/faculties/mass/news/events/34901/>

средней части Оби» и др. Исследования профессора И.А. Воробьевой известны не только в России, но и за рубежом. Ее научные доклады были представлены на международных конгрессах в Софии, Берлине, Лейпциге.

Заслуженный деятель науки Российской Федерации И.А. Воробьева – инициатор, организатор и руководитель региональной программы комплексного исследования русских говоров Алтая, в рамках которой был осуществлен не только выпуск словаря русских говоров, но и подготовка ономастического и диалектного словарей по произведениям В.М. Шукшина, а также энциклопедического словаря-справочника «Творчество В.М. Шукшина». При участии Иды Александровны вышел в свет первый том «Словаря русских говоров Алтая», подготовлен второй и третий тома.

И.А. Воробьева – талантливый педагог. За годы работы в Томском и Алтайском государственных университетах (стаж научно-педагогической работы около 40 лет) ею были разработаны и прочитаны курсы «Древнерусский язык», «Современный русский язык», «Введение в языкознание», «Общее языкознание», спецсеминары по русскому языку. Своеобразной «визитной карточкой» профессора стал спецкурс «Топонимика Западной Сибири». Под руководством И.А. Воробьевой защищены кандидатские диссертации преподавателями вузов Томска, Кемерово, Барнаула, ее ученики работают во многих вузах и средних школах Сибири.

Ида Александровна Воробьева награждена медалями «За трудовое отличие», «Ветеран труда», нагрудным знаком Министерства высшего и специального образования СССР «За отличные успехи в работе».

30 октября на факультете массовых коммуникаций, филологии политологии прошел научно-практический семинар **Третьи Воробьевские чтения: «Филология – XXI век: проблемы, перспективы, новации в науке и образовании»**, посвященный 90-летию со дня рождения первого заведующего кафедрой профессора **Иды Александровны Воробьевой** – Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора, основателя филологического факультета, стоявшего у истоков образования Алтайского государственного университета.

С приветственным словом к участникам семинара обратился декан ФМКФиП к. филол. н. Сергей Анатольевич Мансков, поддержавший идею научного мероприятия и отметивший его объединяющий для филологов факультета потенциал. Зав. кафедрой общей прикладной филологии, литературы и русского языка д. филол. н. Татьяна Владимировна Чернышова рассказала присутствующим на семинаре студентам кафедры об Иде Александровне Воробьевой и ее вкладе в становление русской филологии на Алтае, а также о современных научных и образовательных проектах кафедры, содержание которых было проиллюстрировано в ходе проведения семинара преподавателями кафедры д. филол. н., проф. Десятовым Вячеславом Владимировичем; д. филол. н., проф. Гребневой Мариной Павловной; д. филол. н., проф. Трубниковой Юлией Витольдовной; к. филол. н., доцентом Дорониной Светланой Валерьевной; к. филол. н., доцентом Сафроновой Еленой Юрьевной; к. филол. н., доцентом Качесовой Ириной Юрьевной; к. филол. н., доцентом Романовой Екатериной Геннадьевной; к. филол. н.,

доцентом Скубач Ольгой Александровной в выступлениях, раскрывших богатую научно-исследовательскую и образовательную направленность тематики исследований, которые в настоящее время ведутся на кафедре в рамках 10 направлений в области изучения литературы и современного русского языка.

В работе семинара приняли участие ветераны Алтайского государственного университета, внесшие свой вклад в развитие классического филологического образования на Алтае: д. филол. н., проф. Светлана Михайловна Козлова, представившая интересный доклад о безымянной топографии русской прозы; к. филол. н., доцент Валентина Алексеевна Чеснокова, рассказавшая о разработках кафедры в прошлом, актуальных и в настоящее время; доцент Тамара Ивановна Злобина, поделившаяся воспоминаниями об исследованиях научным коллективом под руководством Иды Александровны Воробьевой диалектологии и топонимии Западной Сибири; заведующая кабинетом редкой книги филфака АлтГУ Надежда Борисовна Миненко.

Активное участие в работе семинара приняли выпускники-филологи, работающие в АлтГУ и рассказавшие о результатах своих интересных и перспективных исследований: д. филол. н., зав. кафедрой русского языка как иностранного Лидия Михайловна Дмитриева; д. филол. н., профессор кафедры связей с общественностью и рекламы Наталья Васильевна Халина; к. филол. н., доцент, начальник подготовительного отделения ФМКФиП Алена Васильевна Горелова; к. филол. н., доцент, преподаватель подготовительного отделения Елена Геннадьевна Гусар, аспиранты и магистранты АлтГУ и АлтГПУ.

Гостями университета стали выпускники филологического факультета разных лет, принявшие очное и заочное участие в работе семинара и представившие вниманию слушателей свои научные и методические разработки. Это д. филол. н., профессор кафедры литературы АлтГПУ Александр Иванович Куляпин; д. филол. н., профессор кафедры русского языка и литературы Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина Марина Геннадьевна Шкуропацкая; к. филол. н., доцент кафедры русского языка как иностранного АлтГТУ им. И.И. Ползунова Олег Александрович Киба; к. филол. н., доцент кафедры коммуникативных, социокультурных и образовательных технологий АлтГТУ им. И.И. Ползунова Елена Юрьевна Позднякова; к. филол. н., доцент кафедры общего и русского языкознания АлтГПУ Вероника Юрьевна Краева. Гостем факультета стал Оскорбин Николай Михайлович, д.т.н., профессор кафедры теоретической кибернетики и прикладной математики АлтГУ, поделившийся с участниками семинара возможностями математического моделирования социальных и экономических процессов по произведениям А.С. Пушкина.

В ходе подведения итогов семинара неоднократно поднимался вопрос о важности результатов исследований в области диалектологии, топонимики, ономастики, проведенных профессором Идой Александровной Воробьевой лично и авторскими коллективами под ее руководством, и необходимости их переиздания.

Участники семинара также поддержали идею выпуска ежегодного электронного сборника научных трудов преподавателей и выпускников кафедры. Выход сборника запланирован на первое полугодие 2020 года.

Отдельные издания И.А. Воробьевой¹

К вопросу о развитии глагольной префиксации в русском языке (история приставки в-): дис. на соиск. уч. степени канд. филол. наук. Томск, 1956.

Русская топонимия средней части бассейна р. Оби. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1973. 247 с.

Топонимическая система средней части бассейна реки Оби: в 2-х тт.: дис. на соиск. уч. степени докт. филол. наук. Новосибирск, 1973.

Язык Земли: о местных географических названиях Западной Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. 152 с.

Топонимика Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1977. 152 с.

Историческая картография и топонимия Алтая / И. А. Воробьева, А.М. Малолетко, М. Ф. Розен. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1980. 122 с.

Русская топонимия Алтая: колл. монография / под ред. И. А. Воробьевой. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983. 253 с.

Ономастика в школе: учеб. пособие. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1987. 111 с.

Словарь русских говоров Алтая / Алт. гос. ун-т; ред. И.А. Воробьева, А.И. Иванова. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993–1998. Т. 1–4.

Т. 1 (буквы А–Г). 1993. 241 с.

Т. 2, ч. 1 (буквы Д–И). 1997. 196 с.

Т. 2, ч. 2 (буква К). 1997. 135 с.

Т. 3, ч. 1 (буквы Л–О). 1997. 210 с.

Т. 3., ч. 2 (буква П). 1997. 191 с.

Т. 4 (буквы Р–Я). 1998. 264 с.

Словарь диалектизм в произведениях В.М. Шукшина / отв. ред. Л.И. Шелепова. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. 109 с.

Литература о жизни и деятельности, воспоминания коллег и учеников

О присвоении почетных званий Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 6 янв. 1995 г. № 9 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 2. Ст. 130. С. 250.

Воробьева Ида Александровна // Известия Алтайского государственного университета. Серия: Филология и журналистика. История. Социология. Педагогика. Юриспруденция. Экономика. 1996. № 2. С. 151.

Мищенко В.В. Воробьева Ида Александровна // Энциклопедия Алтайского края. Барнаул, 1997. Т. 2. С. 95.

¹ При формировании перечня изданий использованы материалы сайта Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В.Я. Шишкова: Воробьева Ида Александровна (1929–1996). Библиография работ профессора И.А. Воробьевой / подгот. Д.А. Денисова, В. А. Чеснокова // Языковая концепция регионального существования человека и этноса. Барнаул, 1999. С. 165–171. [Электронный ресурс]. URL: <http://altlib.ru/personalii/vorobeveva-ida-aleksandrovna/>

Дмитриева Л.М. И.А. Воробьева и изучение региональной топонимической системы // Актуальные проблемы филологии. Барнаул, 1998. С. 3–4.

Чувакин А.А. Язык В.М. Шукшина в наследии профессора И.А. Воробьевой // Актуальные проблемы филологии. Барнаул, 1998. С. 8–9.

Воробьева Ида Александровна // Профессора Алтайского университета: биограф. справ. Барнаул, 2000. С. 33–35: портр. Список основных научных трудов. С. 35 (6 назв.).

Чеснокова, В.А. Воробьева Ида Александровна // Барнаул: энциклопедия. Барнаул, 2000. С. 69.

Ида Александровна Воробьева (1929–1996) // Воробьева, И. А. Словарь диалектизм в произведениях В. М. Шукшина. Барнаул, 2002. С. 5–8.

Воробьева Ида Александровна // Энциклопедия образования в Западной Сибири. Барнаул, 2003. Т. 3. С. 52.

Чеснокова В.А. Ида Александровна Воробьева (1929–1996) // Язык и культура Алтая. Барнаул, 2003. С. 4–6.

Блинова О.И. Профессор Ида Александровна Воробьева (томский период) // Языковая концепция регионального существования человека и этноса. Барнаул, 2005. С. 3–12.

Чеснокова В.А. Профессор И. А. Воробьева и региональные лингвистические исследования в Алтайском государственном университете / Л. И. Шелепова, В. А. Чеснокова // Языковая концепция регионального существования человека и этноса. Барнаул, 2005. С. 12–18.

Дмитриева Л.М. Алтайская топонимическая школа: итоги и перспективы развития // Языковая концепция регионального существования человека и этноса. Барнаул, 2005. С. 18–23.

Шелепова Л.И. Региональные исследования на филологическом факультете Алтайского государственного университета: лексикографический аспект // Язык, литература и культура в региональном пространстве. Барнаул, 2007. С. 66–74.

Библиография работ профессора И.А. Воробьевой / подгот. Д.А. Денисова, В.А. Чеснокова // Языковая концепция регионального существования человека и этноса. Барнаул, 1999. С. 165–171.

Иде Александровне Воробьевой – учителю, коллеге, наставнику (из воспоминаний) / Смирнова Н.А. Памяти учителя / Чувакин А.А. Ида Александровна Воробьева: воспоминания и размышления / Чернышова Т.В. Слово об Учителе // Филология и человек. 2013. № 3. С. 214–222.

Т.В. Чернышова

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ОБУЧЕНИЕ ЛАТИНСКОМУ ЯЗЫКУ В ЮРИДИЧЕСКОМ ВУЗЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД СОСТАВЛЕНИЕМ РАБОЧЕЙ ПРОГРАММЫ)

А.М. Абрамова

Ключевые слова: профессиональная компетенция, юридический дискурс, правовые концепты.

Keywords: professional competence, legal discourse, legal concepts.

DOI 10.14258/filichel(2020)1-12

Становление новой парадигмы юридического образования предъявляет высокие требования к подготовке будущих специалистов. Субкультурный феномен юридической учености выходит за рамки профессиональной среды и приобретает аксиологическую значимость в других институциональных структурах.

Профессиональная универсальность современного специалиста в сфере судебной и прокурорской деятельности влечет за собой необходимость передачи общеобязательных, социально значимых образцов коммуникативно-деятельных знаний, умений, установок и поведенческих реакций. Согласно обязательным требованиям ФГОС ВО¹ нового поколения, национальная модель подготовки специалиста в области права рассматривается как комплекс профессиональных компетенций (а не набора отдельных знаний и умений).

Цель нашей работы – предложить новое предметное содержание рабочей программы по дисциплине «Латинский язык» для специальности 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность» в аспекте профессионально

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность (уровень специалитета), утвержденный приказом Министерства образования и науки РФ от 16 февраля 2017 г. N 144. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213914/bc50cc53cbc7f6da0c9d40ef3d3d70f036c1e511/

ориентированного обучения, обеспечивающего статусность, институциональную закреплённость и целостность коммуникативной формации юридического дискурса. **Актуальность** проблемы не требует дополнительных доказательств: тот факт, что во многих современных языках сохранились юридические дефиниции латинского происхождения, наглядно иллюстрирует универсальность правовых концептов для всего мирового культурного континуума.

Латинский язык рассматривается нами в роли ключевой дисциплины общеевропейской традиции, формирующей способность к профессиональной коммуникации [Fritsch, 1999, s. 88]. Процессы глобализации и интеграции стран Европы обусловили проблему поиска общеевропейской идентичности. Очевидно, что истоки ее кроются в достижениях греко-римского мира, в нескончаемом диалоге правовых культур прошлого и настоящего [Следников, 2017а, с. 3]. И не случайно рецепция античного наследия языка *ratio scripta* столь значима в профессиональном становлении сильной и успешной языковой личности.

Опыт западноевропейских стран очень показателен в этом отношении. Альтернативный подход к латыни как «живому» языку, языку научного международного общения, позволяющий оптимизировать интерес к лучшим традициям античной культуры и литературы, а вместе с ним – навыки адекватной интерпретации оригинальных источников и хрестоматийных сочинений классических авторов, с каждым годом становится все более востребованным.

Движение «живой латыни» интенсивно развивается в римской академии «Новый Виварий», Институте латинского языка и литературы Кентуккийского университета в г. Лексингтон (США), в гимназии *Schola Nova* в Бельгии и в др. (см. обзор в [Следников, 2017б]).

В нашей стране успехов в рецепции новолатиноцентричного западного опыта добились сотрудники кафедры древних языков исторического факультета МГУ, в Университете Дмитрия Пожарского г. Москвы, в Летней школе Античности, проводимой ежегодно московскими и петербургскими антиковедами.

Интересен и показателен опыт преподавания латыни в Ярославском государственном университете им. П.Г. Демидова, где, помимо традиционной дисциплины, организован курс «Живая латынь»¹. Занятия ведутся по учебнику Г. Орберга «*Lingua Latina per se illustrata*», написанного на латинском же языке. В основе – натуральный метод обучения, построенный исключительно на античном материале. Ознакомление студентов с оригинальными источниками письменной культуры Древнего Рима происходит посредством визуализированного и беспереводного (по возможности) ввода новой лексики. Главные усилия направлены на то, чтобы активизировать, «оживотворить» пассивные знания латинской лексики и грамматики [Следников, 2018, с. 378].

¹ Термин «живая латынь» был, по-видимому, впервые введен в 1924 году немецким педагогом Г. Розенталем, в преподавательской деятельности которого говорение на латыни занимало видное место.

Нет сомнения, что именно в таком предметно ориентированном, репродуктивном овладении «мертвым» языком состоит полнота профессиональной компетентности и успешности.

Однако современное переосмысление обучения римской латыни в основном ориентировано на реконструкцию ее «живой» (разговорной) формы, во многом определившей стилистическую поливалентность древнеримской литературы, риторики, философии и многих языков современного социума.

В юридическом же вузе рассматривается книжно-письменная форма *Lingua Latina*, заданная прикладной значимостью изучаемого курса и когнитивным статусом языка-основы понятийно-терминологического аппарата. В этой связи традиционна и устойчива теория формального образования, согласно которой актуальность классических языков определяется их общеразвивающим потенциалом и детерминируется широкой опорой на апперцепционную базу. Грамматика изучается в упрощенном виде, без подробной лингвистической формализации и, главным образом, только на уровне терминологической лексики и фразеологии. В. Штро пишет о «крайней опасности» такой постановки проблемы: «Акцент здесь уже не на латыни *per se*, а на отвлеченном развитии способности к логическому мышлению либо, в более узком смысле – на ознакомлении с латынью как универсальной языковой моделью»¹. Мы разделяем эту точку зрения, поскольку опыт доказывает, что абстрактный, справочно-информативный характер в подаче материала, продуцируемый на ассоциативном восприятии и автоматически бессознательном заучивании терминов наизусть, не может в полной мере закрепить речемыслительную практику будущего специалиста, сформировать навыки цитирования и уместного употребления латинизмов в профессиональном дискурсе.

В Саратовской государственной юридической академии дисциплина «Латинский язык» носит элементарный характер и входит в состав блока обязательных дисциплин учебного плана. Согласно требованиям ФГОС ВО по специальности 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность» выпускник должен обладать способностью к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач профессиональной деятельности².

Цель дисциплинарного курса, заданная ОПК-9, далеко выходит за рамки лингвистического аспекта и предполагает формирование поликультурной языковой личности, способной использовать латинский язык в компетентностно ориентированной профессиональной среде.

¹ Цит. по вступительному очерку Следникова А.Г. «Берлинский филолог-классик Андреас Фрич и его книга» к монографии А. Фрича «Обучение устной речи на латыни: история, задачи, возможности». М., 2017, с.10.

² ОПК-9 - общепрофессиональные компетенции для специальности 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=213914&fld=134&dst=100036,0&rnd=0.5525014541070201#06543733332979129>

Векторно определен круг задач, связанных со спецификой изучения дисциплины: формирование системных представлений о латинской основе понятийно-терминологического аппарата; выработка навыков грамматического анализа латинского текста и его перевода на русский язык; развитие умений уместного применения и цитирования латинских языковых максим и констант в профессиональном дискурсе; формирование оценочного отношения к латинскому языку как классическому элементу правовой культуры и общеевропейской языковой идентичности.

Спектр проблем, которые пришлось учитывать, чрезвычайно широк. Самая основная – недостаточно высокий уровень мотивации и познавательной активности обучаемых. Студенты неохотно изучают латинскую грамматику, поскольку не осознают ее профессиональной значимости. Даже работа с простыми, искусственно изобретенными предложениями вызывает затруднение, а вместе с ним – потерю интереса к дисциплинарному курсу.

Одним из продуктивных методов решения подобной проблемы мы видим вовлеченность студентов в учебный процесс посредством новых технологий. Цифровизация современного обучения становится неотъемлемым дополнением к высшему образованию. Новые формации ИТ-индустрии и искусственного интеллекта (эдьютеймент и геймификация) облегчают процесс восприятия новой информации и делают его более интересным, увлекательным и максимально доступным. Например, онлайн-словари вроде Lexico от Оксфорда могут разделить лексику по смысловым блокам, времени возникновения и т.д., а сервис Abbyu сканирует бумажный документ, распознает слова и сразу предлагает варианты перевода¹. Приведенные примеры иллюстрируют изучение современных иностранных языков, но использование подобных информационно-коммуникационных технологий и в дидактике древних языков значительно повысит познавательную активность и образовательную мотивацию обучаемых. В нашей программе мы предлагаем авторитетные источники электронных ресурсов:

Ресурсы информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»:

1. Словари, справочники, энциклопедии. URL: (<http://www.lebed.com/slovo.htm>).
2. Служба тематических толковых словарей. URL: <http://www.glossary.ru>.
3. Электронно-библиотечная система «Знаниум» (<https://new.znanium.com>).
4. URL: www.klikovo.ru/books/46742/46752.html
5. URL: www.nsu.ru/classics/syllabi/grammar.htm
6. URL: www.zaumnik.ru/latinskij-jazyk/pervoe-sklonienie-latyni.html
7. URL: www.lingualatina.ru/index-13.php
8. URL: www.perseus.tufts.edu/hopper/

¹ Research Study on Significance of Gamification Learning and i- Campus Using Internet of Things Technology-Enabled Infrastructure. Исследование значимости геймификации обучения и i-Campus с использованием инфраструктуры Интернета вещей с поддержкой технологий. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.intechopen.com/books/trends-in-e-learning/research-study-on-significance-of-gamification-learning-and-i-campus-using-internet-of-things-techno>.

9. URL: <http://graecolatini.bsu.by/index.html>

Информационно-справочные системы:

- 1.Справочная правовая система «Консультант Плюс».
2. Электронные каталоги научной библиотеки СГЮА – автоматизированная библиотечная программа ИРБИС.
3. Ресурсы электронно-библиотечной системы «ИНФРА-М».
4. Виртуальная обучающая среда Moodle.
5. Информационно – правовая система «Lexpro».

Обратимся к тематическому содержанию рабочей программы.

Тема 1. Латинский язык в диалоге правовых культур прошлого и настоящего. Языковая традиция общеевропейской идентичности.

Тема 2. Латинский язык как источник формирования понятийно-терминологического аппарата в сфере судебной и прокурорской деятельности.

Тема 3. Латинская терминология в деятельности органов прокуратуры и суда за соблюдением и исполнением законов РФ. Существительные как номинанты правовых концептов: *persona, iudicium, jus, lex, actio, res* и др.

Тема 4. Латинские номинанты уголовно-исполнительного права в сфере прокурорского надзора и судебной практики. Именные части речи: склонение, образование и употребление надежных форм.

Тема 5. Латинский глагол в правовых категориях и формулах. Структура, порядок слов и правила перевода юридических формул и паремий.

Тема 6. Латинская терминология в рассмотрении дел судами. Глагольные формы времени, наклонения и залога в правовых формулах и определениях. Способы выражения отрицания в латинском предложении.

Тема 7. Синтаксис простого предложения. Правовая доминанта латинской фразы.

Тема 8. Латинский юридический текст. Его специфика и организация.

Ядро концептуальной платформы – базовые юридические термины, принятые в профессиональном дискурсе. При разработке лекционного блока мы изменили традиционный подход в презентации лексико-грамматических тем.

1. Сведения о грамматических нормах латинского языка рассматриваются нами в контексте терминологических фреймов, восходящих к римскому праву:

<i>Отрасли римского права</i>	<i>Источники римского права</i>	<i>Суд (iudicium)</i>	<i>Преступления и правонарушения</i>	<i>«Лица» в римском праве</i>
Jus privatum. Jus publicum. Jus civile. Jus gentium. Jus naturāle. Jus praetorium. Jus aequum. Jus humanum и др.	Senatus consultum. Constitutio principis Institutiones. Edictum, Digesta. Leges duodēcimim tabularum. Lex specialis. Corpus juris civilis и др.	Arbiter Judex Tertius interveniens. Accusator. Aulus Agerius. Numerius Negidius. Reus и др.	Delictum. Delictum privatum. Crimen privatum. Crimen publicum Maleficium. Alibi Injuria realis. Injuria verbalis и др.	Persona. Persōna (non) grata. Persōna sui juris. Libertini. Coloni. Servus. Peregrinus и др.

Табл. 1. Правовые концепты

Конечно, таких концептуальных групп гораздо больше, в качестве примера мы привели лишь некоторые из них.

2. Алгоритм методологического комплекса внутри каждой группы предполагает обращение к этимологии и словообразовательным моделям базовых терминов: *конституция, прокуратура, процесс, кодекс, санкция, апелляция, прокурор, адвокат, презумпция, коррупция, алиби, легитимный, юрисдикция, полиция, рецидив, перлюстрация* и др.

Рассмотрение продуктивных юридических терминологических элементов способствует развитию навыка узнавания латинских интернациональных аффиксов и реликтовых форм в русском и современных европейских языках. Сравнительный анализ терминологических корреляций, языковых эквивалентов очень важен, поскольку помогает студентам понять, что латынь – это универсальный проводник к пониманию современных западноевропейских языков, а вместе с ними – правовых культур и пространств.

В рамках дисциплинарного курса рассматриваются унифицированные формы сокращений, принятые в отдельных положениях юридических документов, например: и другие (*et alii*) – и др. (*et al.*); и так далее (*et cetera*) – и т.д. (*etc.*); то есть (*id est*) – т.е. (*i.e.*). Анализируется аббревиация как свидетельство латинской лапидарности в письменной культуре российского и международного права, например: *N.L. (non liquet)* – вопрос не ясен; *D.D. (dono dedit)* – дал в дар; *D.P.S. (de pecunia sua)* – на свои средства; *a.d. (ante diem)* – до такого-то дня; *U.R. (uti rogas)* – как просишь, то есть «за»; *A. (antiquo)* – сохраняю в прежнем виде, то есть «нет»; *H.H. (heredes)* – наследники; *H.E.T. (heres ex testamento)* – наследник по завещанию; *H.N.S. (heredem non sequitur)* – наследство не следует; *C. (condemno)* – осуждаю; *A. (absolvo)* – оправдываю.

Юридические выражения, ставшие техническими терминами (*termini technici*) [Рустикови, 2018, с. 214], тоже включены в программу дисциплинарного курса. Но их следует рассматривать на чисто семантической основе, поскольку вследствие редукции их нельзя перевести дословно. Сравните: *ad absurdum / reductio ad absurdum* – сведение к абсурду; *ad hominem / argumentum ad hominem* – аргумент к человеку; *coram populo / coram populo, senatu et patribus* – в присутствии народа, сената и патрициев, или *in jure* – первая часть процесса перед судебным магистратом (административная стадия процесса); *in judicio* – вторая часть процесса перед судьей; *in camera* – в кабинете (следователя), не внося в заседание; *in contumaciam* – в ответ на упорство [упрямство] (заочное вынесение судебного приговора в случае отказа обвиняемого явиться в суд) и мн. др.

Например:

Тема 2. Латинский язык как источник формирования понятийно-терминологического аппарата в сфере судебной и прокурорской деятельности

Лекция (2 часа):

1. Латинские номинанты основных понятий прокурорского надзора и судебной практики.

2. Терминологическое словообразование. Префиксальное, то есть приставочное (*pro-gredi* – продвигаться, *con-sensus* – с-). Суффиксальное (*reg-ul-us* – царек). Словосложение (*male-dicus* – злоречивый).

3. Юридические терминологические элементы. Продуктивность некоторых латинских префиксов и суффиксов в русском и современных европейских языках. Интернациональные аффиксы.

4. Латинская аббревиатура как элемент письменной правовой культуры.

5. Унифицированные формы сокращений, принятые в отдельных положениях юридических документов (и другие (*et alii*) – и др. (*et al.*); и так далее (*et cetera*) – и т. д. (*etc.*); то есть (*id est*) – т. е. (*i. e.*)).

Самостоятельная работа обучающихся (4 часа):

1. Подготовить сообщения о правовых фреймах (тематических группах) «Прокуратура» (от лат. *procurator*) и «Суд» (от лат. *judicium*).

2. Выписать из словаря юридических терминов номинанты основных понятий прокурорского надзора и судебной практики, сопоставить их с эквивалентами латинского языка.

3. Выучить наизусть юридические термины (по учебнику).

4. Подготовиться к чтению текста «*Arbitrium*».

3. Грамматика начинается не с глагола, а с существительного, поскольку терминологическая система латинского языка, как и русского, преимущественно номинативного типа. Именные части речи преобладают над глагольными: доминантны существительные с несогласованными определениями, выраженными беспредложными и предложными формами; существительные с согласованными определениями-прилагательными (*jus civile*, *jus publicum*, *lex specialis*, *corpus juris civilis*, *falsa accusatio*, *bona fides*, *argumentum ad hominem*, *obligationes ex delicto* и др.)

4. Сведения о системе склонения и особенностях употребления падежных форм именных частей речи подчинены тематическим группам правовых концептов: закон → *lex*; отрасли римского права → *jus*; суд и судопроизводство → *judicium*; виды исков → *actio*; название лиц-сторон и их представителей → *persona*; имущественные отношения → *res* и др.

Богатая система склонения латыни как языка синтетического типа позволяет устанавливать грамматические отношения между словами с помощью морфологических средств (окончаний), а не твердым порядком слов, как это принято в языках с аналитическим строем (английском, французском, немецком). Поэтому правильное употребление латинского термина определяется узнаванием формы числа, падежа и рода только в контексте.

Например: *Lex* (nom. sg.) *specialis derogate generali. Scire leges* (nom. pl.) *non hoc est verba earum tenere, sed vim ac potestatem* (D. 1. 3. 17. Celsus)¹. *Aequum et bonum est lex legum* (gen. pl.).

В контексте отрабатываются и навыки определения частеречной принадлежности терминов во избежание грамматической омонимии, например: *judicia private* (*judicia publica*) – *judicem dare*; *bona fide* – *bona fides* и др.

¹ Дигесты, книга 1, титул 3, фрагмент 17, Цельз.

5. Личные формы глагола встречаются реже в терминологических сочетаниях, в основном только в Praesens и Perfectum, но в обязывающих и запрещающих определениях норм права функция долженствования передается предикатом в этих временных значениях. Например, категоричным императивом звучит требование в формуле: *Legem brevem esse oportet* – закон должен быть кратким.

6. Особого внимания заслуживают безличные формы глагола *gerundium*, *gerundivum*, например: *jus possidendi, praedium serviens, de lege ferenda, de lege lata* и др. В юридических формулах и паремиях они столь же частотны, как и глаголы, но из-за ограничения учебного времени рассматриваются не столь подробно. В лекционном курсе *gerundium* и *gerundivum* мы предлагаем на материале юридических формул и паремий с опорой на правила перевода и грамматического разбора простого предложения.

Например:

Тема 5. Глагол в правовых категориях и формулах. Структура, порядок слов и правила перевода юридических формул.

Лекция (2 часа):

1. *Verbum*. Глагол как средство выражения функции долженствования в языке права.

2. Роль личных и безличных форм латинского глагола (*gerundium*, *gerundivum*, причастие и деепричастие) в юридических формулах и паремиях.

3. Особенности построения юридических формул, определений и паремий, подчеркивающих справедливость норм права.

Практическое (семинарское) занятие (4 часа):

1. «Застывшие» и производные формы латинского глагола в сфере прокурорской деятельности. Словарное описание латинского глагола.

2. Личные и безличные формы латинского глагола (*gerundium*, *gerundivum*, причастие и деепричастие) в юридических формулах и паремиях.

3. Правила перевода юридических формул, определений и паремий.

Для реализации целей и задач профессионально ориентированного обучения было подготовлено учебно-методическое пособие «Юридическая латынь»¹, составленное в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования (утвержденного приказом Министерства образования и науки РФ от 16 февраля 2017 г. № 144). Это интенсивный курс латинского языка, разработанный с учетом современных методик, интерактивных практик и апробированных общепризнанных знаний и положений.

Практика преподавания латинского языка позволила авторам-составителям выбрать концепцию учебника, которая проста и доступна в освоении не только языковых норм латыни, но и некоторых норм римского права. Именно для этой цели в пособии есть специальные разделы: «Правовые

¹ Абрамова А.М., Додыченко Е.А. Юридическая Латынь. М.: Изд-во ООО «ФЛИНТА» (в печати; договор № 2806).

концепты», «Латинские казусы», «Римские юристы», «Список юридических крылатых слов и выражений».

Теоретические сведения и разноуровневые упражнения объединяют дидактически обработанный и систематизированный языковой материал, достаточный для развития навыков декодирования оригинальных источников римского права. Существенное внимание уделяется методике грамматического анализа. Освоение языкового материала мыслится не как исключительно мнемонические упражнения, а как готовность уместного применения и цитирования в профессиональном дискурсе. Пособие снабжено подробными комментариями, примечаниями, алгоритмами грамматического анализа, примерами и образцами разбора языковых единиц.

Несомненный интерес представляет текстовый материал, рекомендуемый программой и учебником. К грамматической интерпретации, чтению, переводу и заучиванию наизусть привлекаются не только крылатые выражения, афоризмы, искусственно изобретенные предложения, но и процессуальные формулы, паремии, определения норм права, фрагменты хрестоматийных сочинений классических авторов (Папиниана, Павла, Гая, Модестина, Ульпиана, Цицерона и др.). Работа на грамматическом уровне с оригинальными источниками позволяет реконструировать прагматикон классиков *ratio scripta* и в полной мере раскрыть синтезированный характер *homo loques*, чья дискурсивная деятельность повлияла на становление языкового стиля и правового мышления в целом.

Конечно, декодирование текстов требует специальной и длительной подготовки. В юридическом же вузе обучение проходит в режиме ограниченного времени. Но, по оценке Штро, «прелесть говорения и письма на латыни состоит в стремлении не к дословному переводу, а к ситуативному варьированию языком: *fumare non consuevi, in hac saurona fumare non licet*» [Следников, 2017б, с. 87]. Для изучающего или итогового видов чтения и перевода со словарем рекомендуются фрагменты первоисточников римского права: «*Leges duodecim tabularum*», извлечения из трактатов римских классических авторов. Их тоже можно концептуально рубрицировать вокруг правовых фреймов, знакомя с самыми влиятельными образцами юридической литературы Древнего Рима. Например, вначале обучаемые знакомятся с терминами, отрабатывают навыки чтения на материале процессуальных формул и выражений, анализируют словообразовательные и лексико-грамматические особенности некоторых из них, а затем заучивают наизусть. «Услышанное слово не входит сразу в лексический запас человека. Для того чтобы новое слово вошло в «активную лексику», необходимо повторить его не менее двухсот раз, причем контекстно» [Далецкий, 2016, с. 100]. Этот алгоритм можно проиллюстрировать следующей схемой: *Правовые концепты* → *Legere* → *Memoriter* [Абрамова, Додыченко, 2019, с. 73-94].

Современные образовательные модели и методические комплексы по степени интерактивности должны органично вплестаться в информационное пространство XXI века. Пассивная работа с учебным материалом (в бумажном и электронном виде) уходит в прошлое. Именно с этой целью программа включает интерактивные практики учебного дискурса-опроса.

Под термином «учебный дискурс-опрос» мы понимаем, прежде всего, интерактивную модель взаимодействия, которая характеризуется статусной ориентированностью и институциональной закрепленностью ролей интерактантов. К подобным мы относим решение латинских казусов, круглый стол, устные турниры на знание юридических процессуальных формул и выражений; интеллектуальные игры-викторины в формате новейших технологий культуры массмедиа. Эти формы апробированы нами в практике преподавания латыни и не только активно используются при обучении, но и включены в фонд оценочных средств для измерения уровня достижения обучающимися установленных результатов.

Охарактеризуем некоторых из них:

Латинские задачи-казусы представляют собой поиск решения проблемной ситуации с привлечением свидетельств и толкований норм права древнеримскими юристами. Казусы анализируются с опорой на алгоритм перевода простого предложения (См. подробнее: [Абрамова, Додыченко, Леус, 2018, с. 14-20]).

Турнир на знание латинских терминов, процессуальных формул и паремий – это регламентированное задание, позволяющее диагностировать формирование профессионального тезауруса и аргументационных норм профессионального дискурса. Обучаемые должны продемонстрировать знание наизусть латинской терминологии и фразеологии, быстроту реакции в решении коммуникативно-деятельных задач, уместное употребление, интерпретацию, цитирование, умение работать в команде.

Интеллектуальная игра «Via Latina ad jus. – Латинская дорога к праву» – интерактивная форма учебного дискурс-опроса и образовательных технологий занимательного характера. Формат стилизованного жанра популярной телевизионной викторины «Своя игра» позволяет активизировать устойчивые мыслительно-познавательные реакции обучаемых, сформировать культурно-языковые компетенции в профессиональном дискурсе, установить межпредметные связи с дисциплинами «Римское право», «История зарубежных стран» и др. (См. подробнее: [Абрамова, 2016, с. 179-188]).

В результате освоения курса, заданного нашей программой, обучаемый должен:

Знать принципы и закономерности коммуникации в устной и письменной формах на латинском языке для решения профессиональных задач: правильное интонационное, грамматическое, лексическое и стилистическое оформление юридических максим и констант; свободное владение юридической терминологией, процессуальными формулами и выражениями; необходимыми для осуществления судебной и прокурорской деятельности; формирование профессионального тезауруса посредством латинской юридической терминологии.

Уметь читать и переводить со словарем оригинальные юридические тексты на латинском языке, определять содержание текста на основе знания грамматики латинского языка; применять в профессиональной коммуникации юридические формулы выражения и закрепления нормативно-правовых предписаний государства.

Владеть навыками коммуникации с использованием латинской юридической терминологии и фразеологии; навыками словесно-документального изложения норм права, ведения дискуссии и полемики на уровне основ профессионального общения; правилами историко-культурного и грамматического анализа латинского юридического текста; техникой работы со словарем.

В перспективе реализации проекта мы видим организацию факультативного курса «Юридическая латынь», установление продуктивного сотрудничества с российскими обществами по изучению латинского языка в сфере права, обогащение образовательного процесса коммуникативными технологиями, обращенными к новым формациям IT-индустрии и искусственного интеллекта.

Литература

Абрамова А.М. Нетрадиционное прочтение традиционных форм обучения латинскому языку в юридическом вузе // Русский язык и литература в образовательном процессе: материалы Международной научно-практической конференции. Саратов, 2016.

Абрамова А.М., Додыченко Е.А., Леус В.А. Латинские казусы в контексте языковой интерпретации правового мышления // Русский язык и литература в профессиональной коммуникации и мультикультурном пространстве. М., 2018.

Далекций Ч.Б. Риторико-коммуникативная культура личности юриста // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). М., 2016.

Ристикиви М. Язык римского права: теоретические принципы и методы преподавания в Тартуском университете // IVS ANTIQVVM. Древнее право. Ярославль, 2018.

Следников А.Г. Рецепция античного наследия: движение «живой латыни»: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Ярославль, 2017а.

Следников А.Г. Рецепция античного наследия: движение «живой латыни»: дис. ... канд. истор. наук. Ярославль, 2017б.

Следников А.Г. Новолатинские инновации в преподавании латыни магистрантам-историкам // Актуальные проблемы совершенствования высшего образования. Ярославль, 2018.

Сологубова Е.В. Элементы римского права в Российском судопроизводстве X-XVII вв. // IVS ANTIQVVM. Древнее право. Ярославль, 1999.

Fritsch A. Die Didaktik des Lateinunterrichts in der Bundesrepublik Deutschland. Versuch eines kurzen Überblicks // Forum Classicum. 1999. № 2.

Список источников

Абрамова А.М., Додыченко Е.А. Элементарный курс латинского языка для студентов-юристов. Саратов, 2019.

References

Abramova A.M. *Netraditionnoe prochtenie traditsionnykh form obucheniya latinskomu yazyku v yuridicheskom vuze* [Nontraditional Interpretation of Traditional Learning of the Latin

Language in a Law School]. *Russkiy yazyk i literatura v obrazovatel'nom protsesse* [The Russian Language and Literature in the Educational Process]. Saratov, 2016.

Abramova A.M., Dodychenko E.A., Leus V.A. *Latinskie kazusy v kontekste yazykovoy interpretatsii pravovogo myshleniya* [Latin Casus in the Context of Language Interpretation of Legal Thinking]. *Russkiy yazyk i literatura v professional'noy kommunikatsii i mul'tikul'turnom prostranstve* [The Russian Language and Literature in Professional Communication and Multicultural Space]. Moscow, 2018.

Daletskiy Ch.B. *Ritoriko-kommunikativnaya kul'tura lichnosti yurista* [Rhetoric-communicative Culture of a Lawyer's Personality]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA)* [Herald of the University of O.E. Kutafin (MGYUA)]. Moscow, 2016.

Ristikivi M. *Yazyk rimskogo prava: teoreticheskie printsipy i metody prepodavaniya v Tartuskom universitete* [The Language of Roman Law: Theoretical Principles and Methods of Teaching at the University of Tartu]. *IVS ANTIQVVM. Drevnee pravo* [IVS ANTIQVVM. The Ancient Law]. Yaroslavl', 2018.

Slednikov A.G. *Retseptsiya antichnogo naslediya: dvizhenie «zhivoy latyni»* [Reception of Ancient Heritage: Movement of the the «Living Latin»]. Abstract of Cand. History Diss. Yaroslavl', 2017a.

Slednikov A.G. *Retseptsiya antichnogo naslediya: dvizhenie «zhivoy latyni»* [Reception of Ancient Heritage: Movement of the the «Living Latin»]. Cand. of History Diss. Yaroslavl', 2017b.

Slednikov A.G. *Novolatinskie innovatsii v prepodavanii latyni magistrantam-istorikam* [Neo-Latin Innovations in Teaching Latin to Undergraduates Historians]. *Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya vysshego obrazovaniya* [Actual Problems of Improvement of Higher Education]. Yaroslavl', 2018.

Sologubova E.V. *Elementy rimskogo prava v Rossiyskom sudoproizvodstve X-XVII vv.* [Elements of Roman Law in Russian Legal Proceedings of the X-XVII centuries]. *IVS ANTIQVVM. Drevnee pravo* [IVS ANTIQVVM. The Ancient Law]. Yaroslavl', 1999.

Fritsch A. *Die Didaktik des Lateinunterrichts in der Bundesrepublik Deutschland. Versuch eines kurzen Überblicks.* Forum Classicum, 1999. №2.

List of sources

Abramova A.M., Dodychenko E.A. *Elementarnyy kurs latinskogo yazyka dlya studentov-yuristov* [Elementary Latin Course for Law Students]. Saratov, 2019.

ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛИЗАЦИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ДИСЦИПЛИН В ЮРИДИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Т.В. Иванова, О.В. Никитина

Ключевые слова: профилизация, языковые дисциплины, юридический дискурс, коммуникативно-речевая компетенция.

Keywords: profiling, language disciplines, legal discourse, communicative and speech competence.

DOI 10.14258/filichel(2020)1-13

Русский язык как вузовская филологическая дисциплина является универсальным объектом изучения, но концепция его преподавания определяется той образовательной системой, в которую эта дисциплина встроена, и во многом – теми факторами, которые напрямую с языком не связаны: языковой политикой государства, образовательной стратегией вуза и, конечно, запросами и задачами профессиональной подготовки студентов. Последнее и составляет цель и содержание так называемой *профилизации* преподавания языка в нефилологическом вузе.

Под *профилизацией преподавания языковых дисциплин* будем понимать такую организацию и такое планирование их теоретического и практического усвоения, которые подчинены общим целям и задачам профессионального образования, учитывают функцию языка в той или иной профессиональной сфере, контекст преподаваемых профильных дисциплин, нацеливают на получение речеведческих сведений и приобретение коммуникативно-речевых умений, актуальных в данной профессиональной среде.

Естественно, несмотря на общекультурную направленность самой дисциплины, что отражается в традиционном вузовском ее названии: «Русский язык и культура речи», – и политику государства, сделавшую эту дисциплину приоритетной для всех вузов, важнейшим фактором профилизации его преподавания является педагогическая задача формирования у студентов и других обучающихся (магистрантов, аспирантов) мотивации к изучению этого, в их представлении – школьного предмета, осознания пользы языковых знаний в их будущей профессиональной деятельности. Именно это заставляет педагогов прибегать к языковому материалу, ориентированному на профессиональную сферу: ее стилевому своеобразию, текстам, жанрам, элементам словесного творчества, характеру коммуникации и т.д.

В юридическом вузе другим немаловажным фактором необходимости профилизации языкового обучения становятся требования государственных образовательных стандартов к профессиональным знаниям и умениям юристов. Юридическая сфера многообразна по видам деятельности, но все они объединены теми профессиональными задачами, при выполнении которых необходимы языковые знания, речевые и коммуникативные умения.

Главные формы профессиональной деятельности юриста были прописаны еще в Римском праве: это *agere* – участие в судебном деле, руководство действиями сторон, ведение судебного дела, *cavere* – составление исков, сделок и юридических документов и *respondere* – дача ответов, консультаций по юридическим вопросам [Дождев, 2006, с. 101–105]. Таким образом, судебная, документная и консультативная деятельность лежат в основе юридической деятельности и определяют концепцию профилизации преподавания языка. Это, прежде всего, коммуникативная, речеведческая и жанровая его спецификация: формирование представлений и умений в области судебной и консультационной коммуникации, толкования и составления документов.

Требования к профессиональным умениям юристов современных образовательных стандартов уточняют и отчасти расширяют эти древние формы юридической деятельности. Так, к «видам профессиональной деятельности» ФГОСы относят деятельность *правотворческую, правоприменительную, экспертно-консультационную, правоохранительную, организационно-управленческую, научно-исследовательскую, педагогическую* (ФГОС ВО по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» и ФГОС по специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности»); те же плюс *оперативно-служебная* (ФГОС по специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность»); *экспертная, технико-криминалистическая, информационная, организационно-методическая и профилактическая* (ФГОС по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза»); *судебная и прокурорская* (ФГОС по специальности 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность»). Обозначенные виды деятельности требуют языковой и коммуникативно-речевой подготовки: умений работать с текстом, проводить научные исследования в сфере права, навыков составления документа, публичного выступления в рамках информирования населения о деятельности судебных и правоохранительных органов и т.д.

Оба обозначенных фактора формируют тот уровень профилизации преподавания русского языка, который можно считать обусловленным самим характером юридической профессии. Эти уровни пока еще не представляются системными и методически определенными, поскольку каждый преподаватель на свое усмотрение вводит в материал те или иные элементы характеристики профессиональной речи. Системность этим аспектам профилизации придает только традиционная прагматическая, социолингвистическая и общекультурная направленность преподавания языка: формирование представлений о социальных, политических и культурных функциях языка [Авдевинна, 2018; Васильев, 2010], его социальной стратификации и связи с понятием языковой личности, обучение правилам и нормам литературного языка и речевого поведения, а также выработка навыка отбора стиливых средств в той или иной речевой ситуации, умений работать с некоторыми жанрами профессиональной речи в устной и письменной формах, грамотно составлять служебные документы [Баранов, 2017; Иванова, 2016, 2017, 2018; Никитина, 2016, 2017, 2018; Чернышова, 2016]. Последние навыки и умения напрямую подчинены компетенциям, обозначенным во ФГОС.

Такой подход призван формировать отношение к русскому языку как инструменту профессиональной деятельности юристов, ведь, как справедливо замечает Н.В. Артыкуца, «право, его понятийно-категориальный аппарат, правовые нормы, законодательные предписания, судебные решения, научно-правовые идеи репрезентируются в форме языковых знаков, <...> в соответствии со смыслом и логикой правовой мысли <...>. Язык в праве должен рассматриваться, прежде всего, как сложный полифункциональный инструмент для эффективного регулирования социальных отношений, а степень владения этим сложным инструментом для вербализации правовых норм, решений и предписаний является показателем уровня общей профессиональной подготовки юриста. Качество законодательных и других юридических документов в значительной степени определяется профессионализмом тех, кто их составляет...» [Артыкуца, 2010, с. 245].

Русский язык преподается в юридическом вузе на первом курсе – тем студентам, которые не просто не являются еще юристами, но и не очень себя ими ощущают, поскольку еще не представляют характера выбранной ими в качестве жизненного поприща профессии. Поэтому наивно было бы предполагать, что коммуникативные и речевые профессиональные умения будут сформированы на первом курсе в полной мере. Более реальной задачей в рамках профилизации языковой дисциплины становится само знакомство с речевым и коммуникативным пространством юридической профессии. Реализовать эту задачу позволяет дискурсивный подход к обучению русскому языку, так называемое «введение в профессиональный дискурс» [Авдевинна, 2016; Киреева, 2016; Медведева, 2015; Попова, 2016], который предполагает освоение некоторых категорий юридической лексики, ее многозначности, лексических и дискурсивных характеристик, например, в сравнении с латинскими эквивалентами (реализация междисциплинарных связей), знакомство с традициями отечественного судебного разбирательства, с некоторыми жанрами и языковыми особенностями юридических документов.

Для более успешного осуществления дискурсивного подхода необходима соответствующая подготовка преподавателя: достаточная осведомленность о характере юридической коммуникации, что требует постоянного обращения к этому материалу. Ресурсы Интернета облегчают, конечно, знакомство с юридическими текстами, например, с законами или решениями судов, но не процессуальными документами (протоколами осмотров, допросов), которые доступны только для служебного пользования. Проблемой является и изучение устных жанров юридического дискурса. На базе Саратовской государственной юридической академии работает бесплатный консультационный центр по юридическим вопросам «Юридическая клиника». Консультации проводят студенты «под присмотром» преподавателей-юристов. Эффективность этого жанра юридической коммуникации во многом зависит от умения строить беседу с клиентом. Поэтому в числе преподавателей, обучающих студентов консультационной работе, много лет работает и филолог.

Как показывает практика, студенты, прибывшие на стажировку в «Юридическую клинику», имеют недостаточную коммуникативно-речевую компетенцию для организации конструктивного диалога с клиентом: они не

могут начать беседу, не владеют методикой постановки вопроса, не способны направить разговор в нужное русло, не учитывают типологию клиентов и этические нормы общения.

В таких условиях обучение профессиональной речи в «Юридической клинике» обусловлено, во-первых, практико-ориентированным подходом к организации деятельности студентов-клиницистов, во-вторых, особой образовательной задачей – соединив речеведческие знания и умения, полученные при изучении базового курса «Русский язык и культура речи» и правовых дисциплин, научить стажеров эффективным моделям речевого взаимодействия в ходе консультирования [Балашов, Никитина, 2016]. В связи с этим выбрана интерактивная форма занятий – тренинги, целью которых является развитие умений и навыков студентов в сфере деловой коммуникации посредством тренировки в определенных видах деятельности. В ходе каждого тренинга решается определенная задача, например, отработать порядок организации встречи с клиентом и уяснить основные формулы, способствующие эффективному общению (тренинг «Юридическое консультирование как особый вид деловой беседы»); закрепить навыки конструирования вопросов, соответствующих задачам коммуникации (тренинг «Эффективный вопрос»); понять особенности построения текста искового заявления и научиться грамотно и аргументировано излагать правовой конфликт (тренинг «Языковая модель искового заявления»). Для каждого тренинга подобрана соответствующая жизненная ситуация, моделирующая обращение гражданина за консультацией по поводу восстановления нарушенного права. Участвуя в тренингах, студенты-стажеры не только практикуются в применении соответствующих норм права, но и, что немаловажно, учатся находить оптимальные речевые формулы, подбирать уместные языковые средства в зависимости от условий общения (устная или письменная консультация, культурно-образовательный уровень человека, обратившегося за помощью) и собственной коммуникативной компетенции. Структура занятия позволяет оптимизировать обратную связь. Каждое занятие заканчивается рефлектирующими вопросами: *Что мне больше всего запомнилось? Что я буду использовать в практике консультирования?* В начале следующего занятия, выполняя упражнение-разминку «Включись в диалог», студенты рассказывают, какие из отработанных методик прошлого занятия удалось использовать в практике консультирования.

Ценность такого обучения нельзя не отметить: под руководством педагогов-наставников происходит погружение студентов-клиницистов в повседневный мир юридических коллизий; при этом не только закрепляются полученные теоретические знания, но и решаются практические задачи по оказанию юридической помощи малоимущим гражданам и совершенствуются навыки организации устного жанра юридического дискурса.

Итак, профилизация формирования лингвистических компетенций юриста определяется не подходом к языку и даже не отбором языковых тем, а материалом, на примере которого эти темы изучаются. Этот материал традиционно является основным средством профилизации преподавания русского языка. Систематизировать его можно по объекту лингвистической

интерпретации. В зависимости от того, какой аспект юридической речи анализируется, можно выделить виды профилизации «по объекту»: 1) работа с юридической лексикой, 2) работа с устными жанрами юридической профессиональной коммуникации (см. выше), 3) чтение, анализ (например, композиционный, стилевой), интерпретация и моделирование документов, 4) культурологическое направление – знакомство с наследием, традицией и современной спецификой отечественного судоговорения (см., например, [Девяткина, 2016, 2018]).

Это традиционные виды и направления профилизации. Менее традиционной является работа с языком как объектом правовых отношений. Но именно это направление, во-первых, способствует формированию профессиональной мотивации к изучению русского языка, заинтересованности в его изучении на новом, профессиональном уровне, во-вторых, помогает интегрировать социологические характеристики русского языка в формирующуюся в сознании студентов систему правовых понятий, таких как «правоотношения», «правовое регулирование» (например, речевое поведение, использования государственного языка или языка литературного, объектов интеллектуальной собственности и т.д.), «права и обязанности» личности или органов власти (например, по отношению к использованию русского языка, его изучению), язык, отдельные его элементы «как объекты правовой защиты» [Бляхман, 2010; Голев, 1999], смысловая двуслойность используемых в праве понятий: наличие общеязыкового и правового значения, порой вступающих в противоречие [Авдевина, Девяткина, 2017; Баранов, 2013; Баранов, 2017]. Обращение к этим «лингвоправовым» вопросам при чтении законов «О государственном языке Российской Федерации» или «О языках народов Российской Федерации», «Об экспертной деятельности», «О рекламе» и т.п. направлено на формирование не только языковой компетенции, но и так называемого правового мышления (сознания) – основы профессиональной компетенции юриста.

Действенным методом профилизации лингвистических знаний и навыков является работа с документным текстом. Опять-таки трудно ожидать от вчерашних школьников не просто документной зрелости и грамотности, а хотя бы отчасти взрослого внимания к документу как необходимому средству реализации социальных отношений и осуществления прав и обязанностей. Поэтому работа над моделированием документа строится в два этапа: 1) моделирование обиходно-деловых документов (автобиографии, резюме, заявления, доверенности и т.п.), способствующих первичной социализации молодого человека, вступающего во взрослую социальную жизнь, и 2) моделирование некоторых элементов судебных и процессуальных документов (описательных частей искового заявления, судебного решения, судебного приговора и т.д. [Иванова, 2018; Никитина, 2018]).

Студенты приходят в вуз с наивным пренебрежением к документу и естественным в их возрасте отсутствием понимания конвенциональности его языковой природы. Так, работа с простейшим жанром объяснительной записки, весьма актуальной в регулировании учебной дисциплины,

показывает, что у обучающихся отсутствует представление о функциональной и стилиевой дифференциации языка, формально-логической структуре документного текста, множественности и вариантности языковых средств. В составленных студентами текстах выявляются ошибки, связанные с последовательностью изложения информации, аргументацией, отбором языковых средств, нарушением языковых норм. Наиболее традиционным для студенческих работ является смешение жанра объяснительной записки с другими письменными жанрами: *Уведомляю вас о том, что опоздала; Довожу до Вашего сведения...* (первая формулировка используется в письме-уведомлении, вторая является клише другого служебного документа – докладной записки). В тексте документа наблюдается ослабленная аргументация в указании причины опоздания: *Опоздала вследствие того, что неправильно распределила время и поздно вышла из дома* (распределяй правильно); *Опоздала по причине того, что при входе в корпус образовалась очередь* (приходи раньше, не будет очереди); *Опоздала в связи с погодными условиями* (погодные условия бывают каждый день). В отдельных случаях текст официально-делового стиля может характеризоваться эмоциональным тоном и субъективным изложением информации, когда автор сам старается оценить ситуацию (*Причина моего отсутствия представляется мне уважительной*), дает обещания (*Обещаю, что такого больше не повторится*), просит извинения (*Прошу простить меня опоздание на лекцию; Признаю свою вину и приношу извинения за причиненные неудобства*). Использование подобных фраз противоречит таким качествам документа, как нейтральность изложения и неличный характер. Заметим, что использование подобных формулировок выдает правовую безграмотность составителя, поскольку в объяснительной записке излагаются причины, приводящие к нежелательным последствиям, но не дается оценка случившегося, это уже входит в компетенцию должностного лица. Нередко в документе используется разговорная, просторечная, оценочная лексика, нарушающая нормы официально-делового стиля: *в связи с тем, что я застрял в лифте* (а не *в связи с поломкой лифта, в котором я находился*); *Я опоздала по причине пробок* (а не *в связи с тем, что движение общественного транспорта было временно прекращено*); *опоздал на пары* (а не *на учебные занятия*); *в связи с тяжелой транспортной ситуацией, с тяжелыми погодными условиями* (включение оценочных слов; ср.: *с тяжелой утратой*). Кроме того, наблюдается нарушение норм языка: *опоздал* (проверочное слово – *поздний*); *до поздна* (наращение пишется слитно); *в связи с обильными осадками в г. Саратов* (в данном случае определяемое слово *город*, а *Саратов* - географическое название, выступающее в синтаксической функции приложения. По общему правилу, названия городов, выраженные склоняемым существительным, согласуются в падеже. Правильно: в г. *Саратове*).

Пренебрежительное отношение к документу – это в какой-то степени сигнал об отсутствии документной культуры в современном обществе. Исследователи юридической речи бьют по этому поводу тревогу, ведь такое отношение к языковому оформлению документа непременно сказывается на качестве законов и других правовых документов, многочисленные ошибки и двусмысленности в которых уже стали притчей во языцех в юрислингвистике и теории юридической техники [Баранов, 2017; Бляхман, 2010; Васильев, 2010].

Однако стоит ли на первом курсе вводить в преподавание языка конфликтный языковой материал, связанный с ошибками в законодательных текстах, уважать которые – профессиональный долг и прямая обязанность будущих юристов? Критиковать законы – это значит нравственно и интеллектуально ставить себя выше того, кого называют «законодателем» и под которым разумеют не конкретного автора текста, а государство. Поэтому такое использование документного материала вряд ли можно отнести к эффективной профилизации преподавания русского языка.

Помимо подбора материала для работы с профессиональной речью – направления традиционного (см. выше), но все-таки отчасти стихийного, системность профилизации преподавания русского языка в юридическом вузе определяется, прежде всего, организационно-методическими мерами: планированием языковых дисциплин и их распределением по юридическим специальностям. Корпус филологических дисциплин, связанных с изучением русского языка в Саратовской государственной юридической академии, включает «Русский язык и культуру речи», «Русский язык в деловой документации», «Лингвистическую экспертизу», «Основы судебной риторики», «Основы теории языка правовой науки», «Правовую аргументацию», «Теорию и практику научного творчества» (аспирантура), «Профессионально ориентированную риторику» (аспирантура), «Язык и стиль научного текста» (аспирантура). Обзор методической литературы обнаруживает, что в отечественном юридическом образовании изучаются и другие филологические дисциплины, отображающие этот организационно-методический уровень профилизации изучения русского языка: «Юридическая терминология», «Язык права», «Юридическая лингвистика» [Артыкуца, 2010]; пропедевтический курс лингвоконфликтологии [Кара-Мурза, 2010] и т.д.

При планировании перечисленных выше языковых дисциплин, имеющих сложившуюся, довольно универсальную, в силу универсальности самого языка, теорию, следует найти оптимальный подход к определению профилизации каждой специализации. Как представляется, основанием такой профилизации должен стать не категоричный подход, в рамках которого преподавание русского языка и культуры речи студентам «уголовно-правовой» специализации должно принципиально отличаться от преподавания на специализациях «гражданско-правовой», «государственно-правовой», «международно-правовой» и «военно-правовой», а дифференцированный, позволяющий дать студентам разных специализаций представление о широком коммуникативно-речевом контексте выбранной профессии, а главное, сформировать мировоззренческие основы, связанные с освоением языковой картины мира, культурологического, нормативно-ортологического, когнитивно-дискурсивного потенциала русского языка. А профилизация здесь будет связана с усилением внимания к тому виду профессионально-речевой деятельности, который для данной юридической сферы является определяющим.

Таким образом, профилизация преподавания языковых дисциплин в профессиональном вузе необходима, но в определенных границах: она должна быть подчинена формированию профессионального отношения к русскому языку как инструменту профессиональной деятельности или объекту профессионального

интереса, необходимости осознания феномена профессиональной речи и профессиональной коммуникации, эффективной социализации и приобщению студентов к ценностям и достоянию национальной культуры.

Литература

Авдевина О.Ю. Введение в профессиональный дискурс как лингвометодическая концепция // Русский язык и литература в образовательном процессе. Саратов, 2016.

Авдевина О.Ю. Педагогические установки вузовского преподавания русского языка в аспекте современной языковой политики // Русский язык и литература в профессиональной коммуникации и мультикультурном пространстве. М.; Саратов, 2018.

Авдевина О.Ю., Девяткина В.В. Истец vs истица: языковые нормы и социокультурные коды наименования лиц в юридическом дискурсе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 2.

Артыкуца Н.В. Об эффективной модели формирования лингвистической компетентности юристов // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция. Кемерово; Барнаул, 2010.

Балашов А.Н., Никитина О.В. Основы обучения в Юридической клинике (вопросы и ответы). Саратов, 2016.

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М., 2013.

Баранов В.М. Нормрайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6 (119).

Бляхман Б.Я. Юридическое образование: правосознание и культура // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция. Кемерово; Барнаул, 2010.

Васильев А.Д. Язык российского права и некоторые вопросы юридического образования // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция. Кемерово; Барнаул, 2010.

Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика – 1: проблемы и перспективы. Барнаул, 1999.

Девяткина В.В. Речь государственного обвинителя: имиджевые риски // Право, наука, образования: традиции и перспективы. Саратов, 2016.

Девяткина В.В. Обучение судебной речи в юридическом вузе (компетентностный подход в рамках ФГОС) // Язык: теория и практика преподавания. Саратов, 2018.

Дождев Д.В. Римское частное право. М., 2006.

Иванова Т.В. Деловое общение юриста: опыт практического обучения // Мир русского слова. 2017. № 3.

Иванова Т.В. Слово в речи юриста // Рациональное и эмоциональное в русском языке. М., 2016.

Иванова Т.В. Формирование документной грамотности будущих юристов // Русский язык и литература в профессиональной коммуникации и мультикультурном пространстве. М.; Саратов, 2018.

Кара-Мурза Е.С. Лингвоправовой конфликт как объект исследования в лингвоконфликтологии // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция. Кемерово; Барнаул, 2010.

Киреева Е.З. Жанры подзаконного дискурса // Жанры речи. 2016. № 1.

Никитина О.В. Жанры юридического дискурса в структуре профессионального обучения // Русский язык и литература в профессиональной коммуникации и мультикультурном пространстве. М.; Саратов, 2018.

Никитина О.В. Повышение коммуникативной компетентности студентов-юристов: тренинговая модель // Интеграционные технологии в преподавании филологических дисциплин. Н. Новгород, 2017. Вып. 8.

Никитина О.В. Язык и стиль искового заявления // Русский язык и литература в образовательном процессе. Саратов, 2016.

Медведева М.С. Юридический текст как объект профессионально ориентированного дискурса // Вестник ВГУ: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4.

Попова Е.В. Природа судебного дискурса // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 6 (194).

Чернышева Т.В. Прикладные аспекты изучения официально-деловой коммуникации: принципы оценки деловых текстов // Филология и человек. 2016 № 2.

References

Avdevnina O.U. *Vvedenie v professional'nyy diskurs kak lingvometodicheskaya kontseptsiya* [Introduction to Professional Discourse as a Linguistic Methodical Concept]. *Russkiy jazyk I literatyra v obrazovatel'nom protsesse* [Russian Language and Literature in the Educational Process]. Saratov, 2016.

Avdevnina O.U. *Pedagogicheskie ustanovki vuzovskogo prepodavaniya russkogo yazyka v aspekte sovremennoy yazykovoy politiki* [Pedagogical Directions of High School Teaching of Russian Language in the Aspect of Modern Language Policy]. *Russkiy jazyk i literatyra v professional'noy kommunikatsii i multikul'turnom prostranstve* [Russian Language and Literature in Professional Communication and Multicultural space]. Moscow; Saratov, 2018.

Avdevnina O.U., Devyatkina V.V. *Istets vs istitsa: yazykovye normy i sotsiokul'turnye kody naimenovaniya lits v yuridicheskom diskurse* [The Claimant vs the Claimant: Language Norms and Sociocultural Codes of Persons Naming in the Legal Discourse]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of Saratov State Law Academy]. 2017. No. 2.

Artykutsa N.V. *Ob jeffektivnoy modeli formirovaniya lingvisticheskoy kompetentnosti juristov* [About the Formation of Linguistic Competence of Lawyers' Effective Model]. *Jurislilingvistika-10: Lingvokonfliktologija i jurisprudencija* [Legal-linguistic-10: Linguistic Conflictology and Jurisprudence]. Kemerovo; Barnaul, 2010.

Balashov A.N., Nikitina O.V. *Osnovy obucheniya v Yuridicheskoy klinike (voprosy i otvety)* [Foundations of Teaching in the Legal Clinic (questions and answers)]. Saratov, 2016.

Baranov A.N. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta* [Linguistic Review of the Text]. Moscow, 2013.

Baranov A.N. *Normorayter kak professiya* [Normorater as a Profession]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of Saratov State Law Academy]. 2017. No. 6 (119).

Blyakhman B.Y. *Juridicheskoe obrazovanie: pravosoznanie i kul'tura* [Legal Education: Legal Awareness and Culture]. *Jurislilingvistika-10: Lingvokonfliktologija i jurisprudencija* [Legal-linguistic-10: Linguistic Conflictology and Jurisprudence]. Kemerovo; Barnaul, 2010.

Vasiliev A.D. *Jazyk rossijskogo prava i nekotorye voprosy yuridicheskogo obrazovaniya* [The Language of Russian Law and Some Issues of Legal Education]. *Jurislilingvistika-10: Lingvokonfliktologija i jurisprudencija* [Legal-linguistic-10: Linguistic Conflictology and Jurisprudence]. Kemerovo; Barnaul, 2010.

Golev N.D. *Yuridicheskij aspekt yazyka v lingvisticheskom osveshchenii* [The Legal Aspect of Language in Linguistic Highlighting]. *Jurislilingvistika – 1: problemy i perspektivy* [Legal-linguistic-1. Problems and Prospects]. Barnaul, 1999.

Devyatkina V.V. *Rech' gosudarstvennogo obvinitelja: imidzhevye riski* [Speech of the Public Prosecutor: Image Risks]. *Pravo, nauka, obrazovaniya: tradicii i perspektivy* [Law, Science, Education: Traditions and Perspectives]. Saratov, 2016.

Devyatkina V.V. *Obuchenie sudebnoy rechi v yuridicheskom vuze (kompetentnostnyy podkhod v ramkakh FGOS)* [Teaching Court Speech in a Law School (competence-based approach within the framework of the GEF)]. *Yazyk: teoriya i praktika prepodavaniya* [Language: Theory and Practice of Teaching]. Saratov, 2018.

Dozhdev D.V. *Rimskoe chastnoe pravo* [Rome Private Law]. Moscow, 2006.

Ivanova T.V. *Delovoe obshchenie yurista: opyt prakticheskogo obucheniya* [Lawyer's Business Communication: the Experience of Practical Training]. *Mir russkogo slova* [World of Russian Word]. 2017. № 3.

Ivanova T.V. *Slovo v rechi yurista* [The Word in the Speech of a Lawyer]. *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke* [Rational and Emotional in Russian Language]. Moscow, 2016.

Ivanova T.V. *Formirovanie dokumentnoy gramotnosti budushchikh yuristov* [Formation of Documentary Literacy of Future Lawyers]. *Russkiy yazyk i literatura v professional'noy kommunikatsii i mul'tikul'turnom prostranstve* [Russian Language and Literature in Professional Communication and Multicultural Space]. Moscow; Saratov, 2018.

Kara-Murza E.S. *Lingvopravovoy konflikt kak ob'ekt issledovaniya v lingvokonfliktologii* [Linguistic Legal Conflict as an Object of Study in Linguistic Conflictology]. *Lingvokonfliktologiya i jurisprudenciya* [Legal-linguistic-10: Linguistic Conflictology and Jurisprudence]. Kemerovo; Barnaul, 2010.

Kireeva E.Z. *Zhanry podzakonnogo diskursa* [Genres of By-law Discourse]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2016. № 1.

Nikitina O.V. *Zhanry yuridicheskogo diskursa v strukture professional'nogo obucheniya* [The Genres of Legal Discourse in the Structure of Vocational Training]. *Russkiy yazyk i literatura v professional'noy kommunikatsii i mul'tikul'turnom prostranstve* [Russian Language and Literature in Professional Communication and Multicultural space]. Moscow; Saratov, 2018.

Nikitina O.V. *Povyshenie kommunikativnoy kompetentnosti studentov-yuristov: treningovaya model'* [Improving the Communicative Competence of Law Students: a Training Model]. *Integratsionnye tekhnologii v prepodavanii filologicheskikh distsiplin* [Integration Technologies in the Teaching of Philological Disciplines]. N. Novgorod, 2017. Ed. 8.

Nikitina O.V. *Yazyk i stil' iskovogo zayavleniya* [The Language and Style of the Statement of Claim]. *Russkiy yazyk i literatura v obrazovatel'nom protsesse* [Russian Language and Literature in the Educational Process]. Saratov, 2016.

Medvedeva M.S. *Yuridicheskiy tekst kak ob'ekt professional'no orientirovannogo diskursa* [Legal Text as an Object of Professionally Oriented Discourse]. *Vestnik VGU: Lingvistika i mezhhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin VSU: Linguistics and Intercultural Communication]. 2015. № 4.

Popova E.V. *Prupoda sudebnogo diskursa* [The Nature of Judicial Discourse]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University]. 2016. № 6 (194).

Chernyshova T.V. *Prikladnye aspekty izucheniya ofitsial'no-delovoy kommunikatsii: printsipy otsenki delovykh tekstov* [Aspects of Applied Research into the Official Business Communication: Principles of Business Text Assessment] *Filologia i chelovek* [Philology & Human]. 2016. № 2.

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

Е.Н. Арефьева. Динамический аспект картины мира тверского купца Михаила Тюльпина (на материале «Летописи о событиях в Твери 1762-1823 гг.»). В статье анализируются лингвосомиотические средства вербализации концепта «движение», входящего в концептосферу рукописи «Летопись о событиях в Твери 1762-1823 гг.» тверского купца Михаила Тюльпина. Обращение к концептосфере дневника тверского купца продиктовано значимостью рукописного документа для описания культурного пространства рубежа XVIII–XIX веков сквозь призму языка. Концепт «движение» – один из ключевых в концептосфере рукописи – отражает особенности динамической картины мира Михаила Тюльпина как жителя города Твери и как представителя купеческого сословия конца XVIII – начала XIX века. Проведенный концептуальный анализ помог воссоздать фрагмент индивидуальной картины мира тверского купца и сделать выводы о некоторых чертах языковой личности Михаила Тюльпина. Результаты исследования позволили выявить особенности осмысления автором «Летописи...» концептуальных категорий, связанных с осознанием человеком традиций своей культуры, этнической принадлежности, социальной деятельности и других составляющих человеческого бытия.

E.N. Arefeva. *Dynamic Aspect of Tver Merchant Mikhail Tyulpin's Picture of the World (Based on The Chronicle of Events in Tver of 1762-1823).* The article dwells upon the linguosemiotic means of verbalization of the concept of «movement» which is a part of the conceptual sphere of the manuscript *The Chronicle of events in Tver of 1762-1823* by a Tver merchant Mikhail Tyulpin. The reference to the conceptual sphere of the Tver merchant's diary is determined by the significance of a handwritten document to describe the cultural space of the turn of the 18th and 19th centuries, considering the linguistic aspect. The

concept of «movement» - one of the key concepts in the conceptual sphere of the manuscript - reflects the features of the dynamic picture of the world of Mikhail Tyulpin as a resident of the city of Tver and as a representative of the merchant class of the late 18th - early 19th century. The conceptual analysis, conducted by the author of the article, recreates a fragment of the individual picture of the world. Some conclusions about the features of Mikhail Tyulpin's language personality are made. The results of the study reveals the peculiarities of the author's comprehension of the *The Chronicle of events in Tver of 1762-1823* conceptual categories related to a person's awareness of his cultural traditions, ethnic identity, social activities and other components of human existence.

Сюе Чэнь. Энтропия как экзистенциальная проблема в «Солнце мертвых» И.С. Шмелева. Целью нашего исследования является освещение проблемы бытия и небытия в творчестве И.С. Шмелева на материале его эпопеи «Солнце мертвых», в основу которой положены воспоминания писателя о репрессиях и голоде в Крыму начала 1920-х годов. Поставленная цель реализуется в решении задачи проанализировать онтологические и экзистенциальные философемы, развитые в тексте через сопоставление двух героев, прошедших духовные и физические испытания в условиях социальной катастрофы. В произведении доминируют идея воли к жизни и идея энтропии, что определяет новизну основного аспекта. Энтропия осмыслена Шмелевым как результат истончения веры. Суицид представлен в «Солнце мертвых» как выражение ложного понимания свободы воли самоубийцы. Проявление энергии рассмотрено в статье через отношение героев к наполняющим бытие и быт вещам. Сделан вывод о жизнетворящей силе христианской аксиологии. Философский контекст трактовки повести составили положения трудов Н. Аббаньяно, М. Бланшо, Н. Лосского, М. Монтеня, Ф. Ницше, В. Топорова и др.

Xue Chen. Entropy as an Existential Problem in *The Sun of the Dead* by I.S. Shmelev. The purpose of the research is to highlight the problem of being and non-being in the work of I.S. Shmelev based on the material of his epic *The Sun of the Dead*, which rests upon the writer's memoirs about repressions and famine in the Crimea in the early 1920s. The goal is achieved by conducting the analysis of ontological and existential units of philosophy which develop in the text through a comparison of two heroes who pass spiritual and physical tests in a social catastrophe. The will to live and the idea of entropy prevail in the work. This fact determines the novelty of the main aspect of the research. Suicide is presented as an

expression of a false interpretation of a suicider's will. The manifestation of energy is presented by the author through his attitude to things that make one's life and construct one's being. The conclusion about life-giving power of Christian axiology is made. Philosophical context of the story's interpretation is based on the works of N. Abbagnano, M. Blanchot, N. Lossky, M. Montaigne, F. Nietzsche, V. Toporov and others.

М.В. Боброва. Репродуктивные средства образования современных пермских прозвищ. В статье рассмотрены современные прозвища жителей Пермского края как источник лингвокультурной информации. На материале прозвищ, мотивированных цветом волос человека, рассмотрены репродуктивные средства образования соответствующих антропонимий. В качестве таковых выступают коммуникативные фрагменты (по Б.М. Гаспарову, целостные отрезки речи, которые говорящий способен непосредственно воспроизвести в качестве готового целого в процессе своей речевой деятельности и которые он непосредственно опознает как целое в высказываниях, поступающих к нему извне), прецедентные тексты (факты культуры индивида, социальной или национальной группы, человеческого сообщества в целом, регулярно воспроизводимые речевые отрезки, обладающие устойчивыми ассоциациями и способные к реинтерпретации, то есть переосмыслению, наделению новыми смыслами на базе исходных) и нормативно-узуальные модели (в терминологии Л.А. Каджая) построения прозвищ. В способах образования прозвищ разных народов (русских и коми-пермяков), длительное время соседствующих на территории Пермского края, обнаруживаются сходства и различия. Сделано обобщение: в прозвищах отражается и, самое главное, оттачивается речевой опыт номинаторов.

M.V. Bobrova. Reproductive Means of Modern Perm Nicknames Creation. The article is about modern nicknames of the Perm territory inhabitants which serve as a source of linguocultural information. On the material of nicknames, determined by the color of hair, the reproductive means of corresponding anthroponym creation are considered. Such means are communicative fragments (according to terminology of B.M. Gasparov, complete segments of speech, which a speaker is able to directly reproduce as a ready-made unit in the process of his communication, the units a speaker immediately recognizes in the utterances he gets outside), precedent texts (facts of individual, social or national group culture, cultural properties of the human community as a whole, regularly reproduced speech segments that possess permanent

associations and that are capable to being reinterpreted, i.e., reconsidered, given new meanings on the basis of the original ones) and normative-usual models (according to terminology of L.A. Kadzhaya) of creating nicknames. There can be some similarities and differences in the ways of giving nicknames to different people - Russians and Komi-Permians, who have lived together for a long period of time in the Perm territory. The conclusion reads: people gain and master their language experience through the process of creating nicknames.

Г.В. Кукуева. Роль смешанных форм чужой речи в романе Е. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах». В статье рассматриваются смешанные формы чужой речи, выявляется их роль в романе хантыйского писателя Е. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах». В результате анализа установлено, что в речевой ткани произведения смешанные формы речи формируются на базе взаимодействия косвенной, тематической, прямой и несобственно-прямой речи. В процессе смешения наблюдаются нарушения устойчивых графических, структурно-семантических и стилистических признаков каждой формы речи. Смешанные формы чужой речи в романе Е. Айпина представляют собой доминантную композиционно-речевую единицу, интегрирующую в речевой ткани романа в единое семантико-стилистическое целое речевые партии повествователя и персонажей. Данные формы речи рассматриваются как особая стилиевая черта писателя, лежащая в основе конструирования сложного образа нарратора и особой модели мира, отражающей национальные принципы мировидения хантыйского народа. Принцип духовного единства просматривается в размывании границ между субъектно-речевыми сферами автора и положительного персонажа. Принцип непримиримого конфликта с «чужим» миром, нарушающим первозаданную гармонию природы, человека и его рода, видится в выстраивании смешанных форм чужой речи с использованием речевой интерференции при воспроизведении «голоса» отрицательного героя.

G.V. Kukueva. The Role of Mixed Forms of Non-Author's Speech in the Novel by E. Aypin *The Mother of God in Bloody Snow*. The article discusses mixed forms non-author's speech, as well as it reveals their role in the novel of a Khanty writer E. Aypin *The Mother of God in the Bloody Snows*. Having conducted the analysis, the author comes to the conclusion that in the novel's narration some mixed forms of speech appear through the interaction of indirect, thematic, direct and reported speech. In the process of combination, violations of graphic, structural-semantic and stylistic norms of each form of speech are observed. Mixed forms of non-author's

speech in E. Aypin's novel are a dominant compositional-speech unit that integrates the author's speech peculiarities and characters' speech properties into a single semantic and stylistic whole. These forms of speech are considered as a peculiar stylistic feature of the writer that underlies the construction of a complex image of the narrator and a peculiar model of the world reflecting national principles of the Khanty people worldview. The principle of spiritual unity can be noticed in the blurred boundaries between the subject-speech spheres of the author and a positive character. The principle of irreconcilable conflict with the «alien» world, violating the original harmony of nature, man and the human race, is seen in the mixed forms constructions of non-author's speech and speech interference of a negative character.

Л.И. Миляева, Ю.А. Черноусова. Некоторые языковые особенности современного англоязычного делового дискурса (на материале заголовков подкастов Уортонской школы бизнеса). Статья посвящена анализу некоторых языковых средств, используемых в современном англоязычном деловом дискурсе. Материалом для исследования послужили заголовки подкастов – текстов, представленных в письменном виде и в звуковом формате на сайте Уортонской школы бизнеса, из таких тематических групп, как «Лидерство», «Менеджмент», «Инновации», «Финансы», «Маркетинг». В результате исследования было выявлено, что персуазивные заголовки наиболее типичны для подкастов, способствуют привлечению внимания адресатов и побуждению их к прочтению или прослушиванию подкаста. Вне зависимости от тематической группы одним из самых популярных языковых средств является использование пунктуационного знака двоеточия, специфицирующего информацию, представленную в первой части заголовка, в сочетании с такими стилистическими приемами, как метафора, антитеза, метонимия, аллюзия, аллитерация. Вторыми по частотности использования являются утвердительные и вопросительные предложения с функциональными «wh»- словами и с «how», в которых не только задается вопрос, но и предлагается ответ на него.

L.I. Milyaeva, Yu.A. Chernousova. Some Language Peculiarities of Modern Business English Discourse (Based on the Headings of Wharton Business School Podcasts). The article deals with the analysis of language means in modern business English discourse. The material under study is a set of the podcast headings borrowed from the Wharton business school collection of thematic groups such as «Leadership»,

«Management», «Innovation», «Finance», «Marketing». The results of the research show that persuasive headings constitute the main part of the total body of the headings. Their aim is to attract the addressees' attention and encourage them to read or listen to the podcasts. Regardless of the thematic group, language means include the following: the use of a punctuation mark, such as the colon that specifies the information contained in the first part of the title, in combination with such stylistic devices as metaphor, antithesis, metonymy, allusion and alliteration. Affirmative and interrogative sentences with «wh – words» and a functional word «how» come second in the frequency of usage, they do not only put a question but also give an answer to it.

С.Н. Барашкова, Ф.Ф. Желобцов, С.Ф. Желобцова.
Функционирование исторического кода в поэтике романов писателей-лауреатов Нобелевской премии. В статье исследуется функционирование исторического кода, его текстообразующая роль в поэтике романов лауреатов нобелевской премии Михаила Шолохова и Мо Яня. Выбор писательских имен связан с новыми художественными стратегиями современного литературоведения в контексте расширения трансграничного культурного пространства России и стран АТР. Анализ поэтики текстов выявляет стилевые особенности художественных поисков авторов и роль исторического контекста в жанре романа-эпопеи. Исторический код структурирует все компоненты поэтики романов, начиная от хронотопа, социально-идеологических конфликтов, этно-бытового контекста до образной системы и роли главных героев в многоуровневом движении сюжета. Установка на саму жизнь в ее многообразии сближает М. Шолохова и Мо Яня. Опыт сопоставительного анализа произведений классиков русской и китайской прозы в теоретическом и прикладном аспектах обогащает представления студентов-филологов о мировом литературном процессе, его гуманистических идеалах.

S.N. Barashkova, F.F. Zhelobtsov, S.F. Zhelobtsova. Functioning of the Historical Code in the Poetics of Novels by Nobel Prize-Winning Writers. The article deals with functioning of the historical code, its text-forming function in the poetics of novels by Nobel Prize laureates Mikhail Sholokhov and Mo Yan. The choice of literary names is determined by new artistic strategies of modern literary criticism in the context of expanding the cross-border cultural context of Russia and Asia-Pacific countries.

The analysis of the texts poetics reveals some stylistic features of the authors' artistic studies and the importance of the historical context in the epic novel genre. The historical code structures all the components of the

novels poetics, from chronotope, socio-ideological conflicts, ethno-everyday context to the figurative system and the role of the main characters in the multi-level development of the plot. Their attitude to life in its diversity brings M. Sholokhov and Mo Yan closer. The results of the comparative analysis of works by the classics of Russian and Chinese prose in theoretical and applied aspects enrich the knowledge of philologists about the world literary process and its humanistic ideals.

М.П. Гребнева. Тема жизни и смерти в рассказах А.Е. Новоселова. В статье содержатся размышления о произведениях А.Е. Новоселова, посвященных теме жизни и смерти. Рассмотренные сочинения позволяют говорить не только о таланте автора-психолога, но и философа. С одной стороны, их создатель показывает беспросветность существования людей, которые считают себя интеллигентами, в рассказах «Экзамен» и «Легкая жизнь». Их существование, которое они считают легким, невозможно отличить от смерти. С другой стороны, Новоселов обращает внимание на то, как изменяется внешне благополучная, на первый взгляд легкая жизнь героини рассказа «Смерть Атбая», как исчезают признаки кажущегося довольства и как в последние мгновения своего пребывания на земле она поражает силой настоящей жизни и настоящей любви. Женщина, которая никогда не задумывалась о высших ценностях, демонстрирует их своим поведением. В публикации указывается на чеховское влияние в ранних произведениях Новоселова и на реминисценции из драмы А.П. Чехова «Три сестры», использованные в рассказе «Легкая жизнь».

M.P. Grebneva. The Theme of Life and Death in Short Stories by A.E. Novoselov. The article represents reflections on the works of A.E. Novoselov, dedicated to the topic of life and death. The works under discussion allow us to speak about the author's talent as both a psychologist, and a philosopher. On the one hand, in the stories *Exam* and *Easy Life* the author shows the hopelessness of life of people who consider themselves representatives of intelligentsia. Their existence, which they consider easy, cannot be distinguished from death. On the other hand, Novoselov draws our attention to how the apparently prosperous, at first glance easy life of the heroine of the story *Death of Atbay* changes, how the signs of seeming contentment disappear, and how at the last moments of her stay on earth she impresses us with the power of real life and true love. The woman who has never thought about supreme values demonstrates them in her behavior. The article points at Chekhov's influence on Novoselov's early works and at reminiscences from A.P. Chekhov's drama *Three Sisters* used in the short story *Easy Life*.

Н.А. Хуббитдинова. Образ «яблоко» в фольклорном сознании (на материале башкирского народного творчества). Яблоко издревле является символическим образом в культуре разных народов мира, в том числе и у башкир. Традиционный образ «яблоко», а также мотив «выбор суженого посредством одаривания его яблоком» в народных сказках и башкирском эпосе «Урал-батыр» нашли художественно-эстетическое отражение и выполняют значимые идейно-художественные функции. Перед автором стояла задача выявления этих художественных форм и раскрытия особенностей их изображения в народном произведении.

Для решения поставленных задач были рассмотрены сказки, в которых изображался образ яблока и получил развитие мотив «выбора суженого посредством одаривания его яблоком», а также башкирский народный эпос «Урал-батыр», в котором эти составные части сюжета явственнее всего получили художественно-эстетическое прочтение.

В результате было установлено, что традиционный образ «яблоко» и связанный с ним мотив «выбор суженого посредством одаривания его яблоком» являются универсальными художественными элементами для фольклора разных народов и выполняют в произведении значимые идейно-художественные функции.

Автор связывает уникальность и своеобразное изображение образа яблока в башкирских сказках с жизнью и бытом сельского народа, которые в основной своей массе являются носителями устного поэтического творчества. В фольклоре издревле сложилось особое отношение к яблоку как «дефицитному» плоду в жизни и сокровищу в сказке, поэтому оно золотое, волшебное. Последнее является сакральным мотивом, известным и в фольклоре других народов, и своими корнями восходит к древнегреческой мифологии. Став кочующим образом и включившись в известный мотив, образ «яблоко» принял вид традиционной художественной формулы постижения счастья и благополучия.

Выявление и изучение подобных универсальных для многих народов традиционных образов или мотивов в башкирском фольклоре позволило бы рассматривать его как часть художественного универсалия культуры.

N.A. Khubbitdinova. The Concept of «Apple» in Folklore Consciousness (a Case Study of Bashkir Folk Art). The Apple has always had a symbolic character in the culture of the peoples of the world since the ancient times. This is also the case with the Bashkirs. The traditional concept of «apple», as well as the motif of «choosing a betrothed by giving him an apple» have found artistic and aesthetic reflection in folk tales and

the Bashkir epic *Ural-Batyr* and perform significant ideological and artistic functions there. The author has set the task of identifying these artistic forms and revealing their features in a folk art work.

To complete the task we have considered fairy tales that contained the concept of the apple and developed the motif of «choosing a betrothed by gifting him with an apple», as well as the Bashkir folk epic *Ural-Batyr*, in which these plot devices were most clearly given an artistic and aesthetic interpretation.

As a result, it was found that the traditional concept of «apple» and the associated motif of «choosing a betrothed by giving him an apple» are artistic elements universal for the folklore of different peoples and perform significant ideological and artistic functions in the work.

The author connects the uniqueness and distinction of the concept of apple in Bashkir fairy tales with the life and routine of rural people, who are mostly bearers of oral poetic folk art. Since ancient times folklore has developed a special attitude to the apple as a «scarce» fruit in life and a treasure in a fairy tale, so it is gold and magic. The latter is a sacred motif, known in the folklore of other peoples and its roots go back to the Ancient Greek mythology. Having thus become a migrant concept and having incorporated into a well-known motif, the apple took the form of a traditional artistic formula for attaining happiness and well-being.

Identifying and studying such concepts or motifs in Bashkir folklore which are universal and traditional for many peoples would allow us to consider it as part of the artistic universe of cultures.

Цзян Нань. Слова *город* и *городской* в русской фразеологии. В статье рассматриваются русские фразеологизмы, в составе которых есть слова *город* и *городской*. Со словом *город* тесно связано церковнославянское по своему происхождению существительное *град*, которое является его стилистическим синонимом, что отражено в большинстве толковых словарей в словарных пометах «традиционно-поэтическое» и «устаревшее». Эти слова являются показательными для изучения русской культуры. Расширение семантического объема слова *город* связано с изменением функций города в человеческом обществе и усилением процесса урбанизации. В современном русском языке эти выражения иногда обыгрываются, что характерно для масс-медиа. Наряду с фразеологизмами приводятся устойчивые атрибутивные словосочетания с прилагательным *городской*, а также ряд перифраз, обозначающих тот или иной конкретный город. Особо отмечается, что формирование фразеологической компетенции помогает избежать коммуникативных неудач в межкультурном общении.

Jiang Nan. The Words *Gorod* and *Gorodskoi* in Russian Phraseology. The article deals with Russian phraseological units, which include the words *gorod* and *gorodskoi*. The word *gorod* is closely related to the Church Slavonic noun *grad*, which is its stylistic synonym, which is marked in most dictionary entries as «traditionally poetic» and «obsolete». These words are illustrative for the study of Russian culture. Expansion of the semantic scope of the word *gorod* is connected with change of city functions in human society and strengthening of urbanization process. In modern Russian, these words are sometimes played upon, which is typical of mass media. Set attributive phrases with the adjective *gorodskoi*, as well as a number of periphrases denoting a particular city, are discussed along with phraseological units. It is noted that the formation of phraseological competence helps to avoid communicative failures in intercultural communication.

А.С. Новикова. Восклицательные предложения в ранненововерхнемецком языке. Статья посвящена вопросу исторического развития эксклакативных предложений в ранненововерхнемецком языке. Теоретической основой исследования восклицательных предложений послужили работы Г. Альтмана, Ф. Д'Ависа, В.Г. Адмони и других выдающихся исследователей.

В качестве материала исследования были выбраны фастнахтшпили Ганса Сакса «Der farendt Schuler im Paradeiß», «Das heiß Eysen», «Das narren-schneyden», «Der doctor mit der grosen nasen» и «Der böß Rauch».

Анализ текстов позволил выделить различные синтаксические типы восклицательных предложений, наиболее частотным типом оказались предложения с наречием *wie* в начальной позиции.

В настоящем исследовании мы обращаемся к анализу семантической составляющей эксклакативов и рассматриваем проблематику определения общей коммуникативной установки, которая могла бы служить маркером для выделения восклицательных предложений.

Для текстов Ганса Сакса характерно употребление эксклакативов в устной речи персонажей, что позволяет создавать иллюзию спонтанного разговорного языка. В ряде случаев восклицания содержат обращение и позволяют связать между собой реплики героев, оживляя повествование и придавая ему непринужденный характер.

A.S. Novikova. Exclamatory Sentences in the Early New High German. The article covers historical development of exclamatory

sentences in the Early New German period. As the theoretical basis we used studies of H. Altman, F. D'Avis, W.G. Admoni and other prominent scientists.

Works by Hans Sachs «Der farentd Schuler im Paradeiß», «Das heiß Eysen», «Das narren-schneyden», «Der doctor mit der grosen nasen» and «Der böß Rauch» were chosen as material for the analysis. As a result of the study we were able to mark various syntactical types of exclamatory sentences, the most frequent type appeared to be sentences beginning with «wie»-adverb.

It was also noted, that due to some semantical characteristics it might be possible to define a certain common pragmatic purpose, which would be an additional tool to distinguish exclamatories from other types of sentences.

Exclamatory structures, found in Hans Sachs' texts, are specific of characters' oral speech and create vision of spontaneous spoken language. In some cases exclamations contain forms of address, which are used as a kind of link between remarks of the characters and make the narration lively and natural.

А.М. Абрамова. Обучение латинскому языку в юридическом вузе через призму профессиональной компетенции (из опыта работы над составлением рабочей программы). Автором предложен проект структурно-содержательного наполнения рабочей программы по латинскому языку для специальности 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность». Латынь рассматривается в роли ключевой дисциплины общеевропейской традиции, формирующей способность к профессиональной коммуникации и юридической грамотности.

Основное внимание уделяется концептуальному осмыслению и систематизации прикладного узуса латинского языка в аспекте компетентностно ориентированного обучения, обеспечивающего статусность, институциональную закрепленность и целостность коммуникативной формации. В статье анализируется новый подход в лингвистической интерпретации правовых концептов, категорий и норм, сформулированных *juris grūdens*.

Предлагается обобщение опыта работы с использованием современных коммуникативных методик, интерактивных практик учебного дискурса-опроса и образовательных технологий занимательного характера. Дана краткая характеристика учебно-методического пособия «Юридическая латынь», подготовленного в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования (утвержденного

приказом Министерства образования и науки РФ от 16 февраля 2017 г. № 144).

A.M. Abramova. Teaching Latin at Law Schools from the Perspective of Professional Competence (From the Experience of working on a Course Syllabus). The author proposes draft structure and content of a course syllabus in Latin for the specialty 40.05.04 «Judgment and Prosecution». Latin is considered as a key discipline in the European tradition, which forms the capability for professional communication and legal literacy.

The main attention is given to the conceptual understanding and systematization of the applied usage of the Latin language from the perspective of competence-oriented education, which ensures the status, institutional acceptance and integrity of the communicative formation. The article analyzes a new approach in the linguistic interpretation of legal concepts, categories and norms formulated by *juris pruden*s.

It is proposed to generalize the experience of exploiting modern communication techniques, interactive practices of educational oral discourse-testing and educational entertainment technologies. The article gives a summary of the textbook «Legal Latin», compiled in accordance with the requirements of the Federal state educational standard of higher education (approved by the order of the Ministry of education and science of the Russian Federation dated February 16, 2017, № 144).

Т.В. Иванова, О.В. Никитина. Проблемы профилизации преподавания языковых дисциплин в юридическом вузе. Статья посвящена концепции преподавания языковых дисциплин в нефилологическом вузе с учетом профилизации. Основное внимание уделяется отбору языкового материала, ориентированного на профессиональную юридическую сферу: ее стилевое своеобразие, тексты, жанры, элементы словесного творчества, характер коммуникации, а также требования ФГОС. Профилизация преподавания русского языка и культуры речи в вузе учитывает общие цели и задачи профессионального образования, функцию языка в той или иной профессиональной сфере, контекст преподаваемых профильных дисциплин. Кроме того, она связана с освоением отдельных категорий юридической лексики, работой со служебными документами и устными жанрами юридической коммуникации. В качестве примера описывается тренинговая модель занятий со студентами-стажерами «Юридической клиники» и организация работы с документными текстами (объяснительной запиской). Отмечается, что системность профилизации обусловлена прагматической,

социолингвистической и общекультурной направленностью преподавания языка.

T.V. Ivanova, O.V. Nikitina. Problems of Profilization of Teaching Language Disciplines at Law Schools. The article focusses on the idea of teaching language disciplines in a non-philological University in respect of the major profile. The attention is focused on the selection of language material targeted at professional legal sphere: its stylistic identity, texts, genres, elements of rhetoric, the nature of communication, as well as the requirements of the GEF. Profilization of teaching Russian and culture of speech at the University takes into account the overall goals and objectives of vocational education, the function of language in a particular professional sphere, the context of teaching core subjects and is associated with mastering certain categories of legal vocabulary, working with official documents and oral genres of legal communication. As an example, we describe the training model of classes with students-trainees of the Legal clinic and the arrangement of work with document texts (explanatory note). It is noted that systematic profiling is due to the pragmatic, sociolinguistic and general cultural orientation of language teaching.

НАШИ АВТОРЫ

АБРАМОВА,
Анна
Михайловна

– кандидат филологических наук, доцент
Саратовской государственной юридической
академии.
E-mail: annaam1967@mail.ru

АРЕФЬЕВА,
Евгения
Николаевна

– старший преподаватель Российско-Армянского
университета (Армения, Ереван).
E-mail: 16fevral14@gmail.com

БАРАШКОВА,
Светлана
Николаевна

– кандидат филологических наук, доцент Северо-
Восточного федерального университета
им. М.К. Аммосова (Якутск).
E-mail: beta-sigma-no@mail.ru

БОБРОВА,
Мария
Владимировна

– кандидат филологических наук, доцент
Пермского государственного национального
исследовательского университета.
E-mail: bomaripgu@yandex.ru

ГРЕБНЕВА,
Марина
Павловна

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: grmarinagr@mail.ru

- ЖЕЛОБЦОВ,
Федот
Федотович** – доцент Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (Якутск).
E-mail: beta-sigma-no@mail.ru
- ЖЕЛОБЦОВА,
Светлана
Федотовна** – кандидат филологических наук, доцент Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (Якутск).
E-mail: oso-06@mail.ru
- ИВАНОВА,
Татьяна
Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент Саратовской государственной юридической академии.
E-mail: tania.iwanova@mail.ru
- КУКУЕВА,
Галина
Васильевна** – доктор филологических наук, профессор Сургутского государственного педагогического университета.
E-mail: kupala@inbox.ru
- МИЛЯЕВА,
Людмила
Ивановна** – кандидат филологических наук, доцент Пятигорского государственного университета.
E-mail: ellemoi@rambler.ru
- НИКИТИНА,
Ольга
Вячеславовна** – кандидат филологических наук, доцент Саратовской государственной юридической академии.
E-mail: wetlinaow@mail.ru

**НОВИКОВА,
Анна
Сергеевна**

– преподаватель Санкт-Петербургского
государственного университета.
E-mail: a.s.novikova@mail.ru

**СЮЕ,
Чэнь**

– аспирант Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова.
E-mail: xuechen0430@yandex.ru

**ХУББИТДИНОВА,
Нэркэс
Ахметовна**

– главный научный сотрудник Института
истории, языка и литературы Уфимского
федерального исследовательского центра РАН.
E-mail: narkas08@mail.ru

**ЦЗЯН,
Нань**

– аспирант Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова.
E-mail: lilith007jn@yandex.ru

**ЧЕРНОУСОВА,
Юлиана
Анатольевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Пятигорского государственного университета.
E-mail: ellemoi@rambler.ru

**ЧЕРНЫШОВА,
Татьяна
Владимировна**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: labrlexis@mail.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс П5843
в каталоге Почты России

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77–30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 28.02.2020. Подписано в печать 03.03.2020. Дата выхода издания в свет 06.03.2020. Формат 60×84/16. Гарнитура TimesNewRoman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № хх.

Издательство и типография Алтайского государственного университета.
Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 204.

© Издательство Алтайского государственного университета, 2020

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 35 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения – до 20 тыс. знаков с пробелами, другие материалы – до 10 тыс. знаков с пробелами). Для аспирантов – объем не более 20 тыс. знаков с пробелами.
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространённые шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание научных изданий оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания – учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Издания на иностранных языках располагаются после изданий на русском языке. Ненаучные издания (нормативные документы, архивные и др. материалы) указываются в отдельной рубрике «Список источников» в конце списка литературы
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка. При цитировании изданий на иностранных языках цитата дается на языке оригинала (при необходимости – с переводом автора статьи). Если цитата дана на русском языке в неавторском переводе, то в библиографическом списке указывается не иноязычный оригинал, а источник, в котором был опубликован перевод. Интернет-источники с изменчивым контентом без указания конкретного материала (кроме электронных изданий, поддающихся библиографическому описанию), блоги, форумы и т.п., а также авторские комментарии помещаются в подстрочных примечаниях (сносках). Ссылка на источник приводимого в качестве иллюстративного материала фрагмента чужого текста дается после примера в круглых скобках: *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Независимая газета. 01.02.2016).
7. Статьи следует отправлять в редакцию через электронный портал «Научные журналы АлтГУ» по адресу: <http://journal.asu.ru/pm/information/authors>. К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.
9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы References.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола

заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте. 2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).** 3. Все материалы публикуются в журнале бесплатно.